

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА — 1

ГОРЕ ОТЪ УМА

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВЪ СТИХАХЪ

А. С. ГРИБОѢДОВА

Подъ редакціей П. А. Ефремова

Съ портретомъ и біографіей Грибоѣдова

ДВѢНАДЦАТОЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРВУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

АВТОГРАФЪ ЖАННИЕЦЪ

ЛІСТ ДІГО ЗРЮІ



090903

Дозволено цензурою 9 февраля 1896 г. С.-Петербургъ.

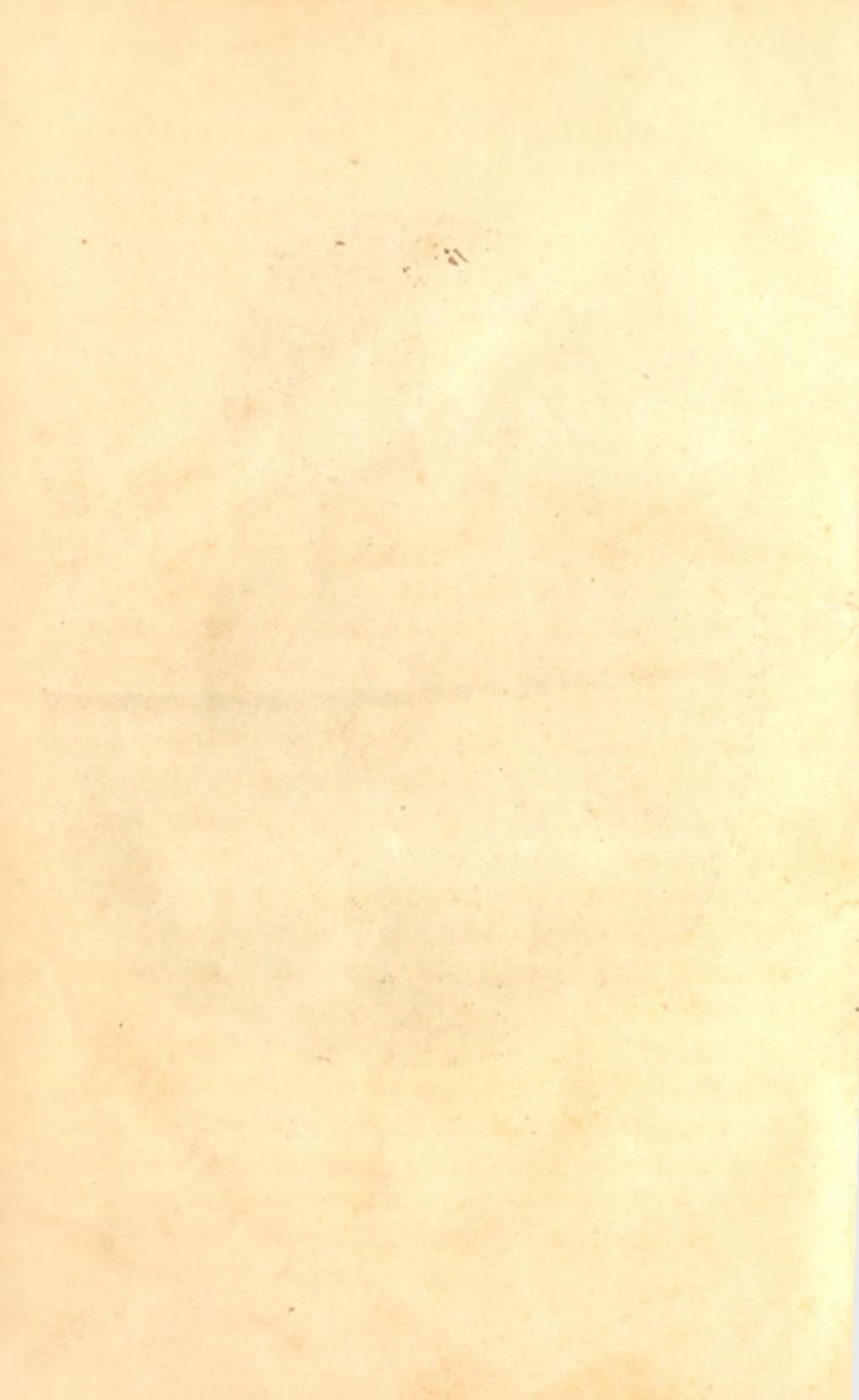


Типографія А. С. Суворина. Эртельевъ пер., д. 13





А. С. ГРИБОЕДОВЪ



Благодаря чистотѣ сего
книги поимѣлъ Ф. Палемон
Командиръ въвода
Штабск.-Казакъ Кесинъ

Александръ Сергеевичъ Грибоѣдовъ

родился 4-го января 1795 г. въ Москвѣ; отецъ его секундъ-маіоръ Сергей Семеновичъ и мать Настасья Федоровна были люди состоятельные и принадлежа-ли къ свѣтскому московскому обществу, которое Грибоѣдовъ имѣлъ возможность видѣть съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Родъ Грибоѣдовыхъ старинный; предокъ его подписался на Уложеніи царя Алексія Михайловича и, какъ полагаютъ, былъ вызванъ изъ Польши именно для участія въ составленіи этого памятника нашего законодательства. Въ теченіе столѣтій Грибоѣдовы сдѣлались чисто русскими.

Настасья Федоровна постаралась дать своему сыну основательное домашнее образование подъ главнымъ надзоромъ педагоговъ-иностраницевъ. Первымъ изъ нихъ былъ Петрозиллусъ, человѣкъ очень ученый, а потомъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, сдѣлав-шийся впослѣдствіи другомъ и совѣтникомъ Грибоѣдова; Іону, основательно знавшему классические языки, помогали избранные преподаватели. Еще въ

раннемъ возрастѣ Грибоѣдовъ зналъ уже нѣсколько иностранныхъ языковъ, которые дали ему возможность знакомиться съ богатыми европейскими литературами; онъ привыкъ къ усидчивому труду, полюбиль научные вопросы, занимался музыкою и отлично игралъ на фортепіано, на которомъ любилъ импровизировать. Въ 1810 году его опредѣлили въ университетъ вольнослушателемъ, и Грибоѣдовъ посѣщалъ лекціи лучшихъ тогдашнихъ представителей литературной и философской школы. Особенное вліяніе на литературное его образованіе имѣль профессоръ исторіи и эстетики И. Т. Буле, но Грибоѣдовъ не увлекался его лекціями о псевдо-классицизмѣ. Въ молодомъ человѣкѣ, подъ вліяніемъ образования, начало складываться критическое отношение къ тогдашней жизни, къ тогдашнему обществу, въ особенности къ высшему, среди представителей которого онъ, можно сказать, жилъ. Многое изъ того, что говоритъ Чапкій о своемъ дѣтствѣ и юности, Грибоѣдовъ испыталъ на самомъ себѣ. Мать его желала видѣть въ сынѣ блестящаго свѣтскаго молодого человѣка, который составилъ бы себѣ служебную карьеру, а потому съ неудовольствиемъ посмотрѣла на первыя литературныя произведенія своего сына: онъ началъ писать стихи еще въ университетѣ, но не собирая ихъ и не печаталъ. Попробовавъ свои силы въ сатирическомъ родѣ, Грибоѣдовъ, говорятъ, еще 17-ти-лѣтнимъ студентомъ уже задумалъ свое бессмертное произведеніе «Горе отъ ума» и читалъ отрывки изъ него своему гувернеру Іону и нѣкоторымъ товарищамъ. Если это и

было такъ, то, конечно, этотъ замыселъ и эти отрывки были очень далеки отъ того, что онъ сдѣлалъ впослѣдствіи. Это было въ 1812 г., въ годъ выхода Александра Сергеевича изъ университета, въ годъ, памятный однимъ изъ величайшихъ событий въ новой русской исторіи — нашествіемъ французовъ и патріотическимъ одушевленіемъ русскаго общества. Грибоѣдовъ глубоко чувствовалъ этотъ народный порывъ и стремился принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ вступилъ въ гусарскій полкъ графа Салтыкова; но полкъ формировался изъ аристократовъ, на свои средства, и формировался очень медленно. Между тѣмъ Наполеонъ занялъ Москву. Графъ Салтыковъ вскорѣ умеръ въ Казани, и полкъ его былъ распущенъ. Но Грибоѣдовъ серьезно былъ одушевленъ любовью къ отечеству и поступилъ въ Иркутскій полкъ: въ концѣ 1812 года мы находимъ его въ литовскихъ мѣстечкахъ, мѣстѣ стоянки полка. Но Грибоѣдову такъ и не удалось помѣриться съ непріятелемъ: полкъ его не успѣлъ присоединиться къ дѣйствующей арміи, и избытокъ силъ и чувства тратился попустому, среди разгульныхъ товарищѣй и безшабашныхъ затѣй, не знавшихъ удержу. Онъ дурачился, какъ всѣ, даже, быть можетъ, болѣе другихъ: то вѣзжалъ съ товарищемъ на лошадяхъ на баль, во второй этажъ дома, то садился на мѣсто органиста въ брестскомъ монастырѣ за органъ, превосходно импровизировать, поражать всѣхъ торжественными религіозными звуками, которые онъ извлекалъ изъ органа, и затѣмъ вдругъ начиналь

играть «Камаринскую» въ самой серединѣ католической обѣдни. Все это сходило съ рукъ, но безпутная жизнь долго отзывалась на немъ: «Я въ этой дружинѣ, писалъ онъ, — всего пробылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу понасть на путь истинный». Военная служба, однако, познакомила его съ характеристическими типами военного сословія, что также отразилось впослѣдствіи въ его комедіи. Во время стоянки въ Брестѣ, Грибоѣдовъ, подъ вліяніемъ своего товарища и друга Степана Никитича Бѣгичева, одумался отъ дурачествъ и стать вести другую жизнь. Сестра Грибоѣдова, Марья Сергеевна, называла Бѣгичева «прорицѣніемъ» своего брата и, дѣйствительно, онъ имѣлъ на него благотворное вліяніе. Ко времени нахожденія Грибоѣдова въ Иркутскомъ полку относится его знакомство съ извѣстнымъ нашимъ драматическимъ писателемъ княземъ Шаховскимъ, тоже служившимъ въ военной службѣ. Грибоѣдовъ послалъ изъ Бреста въ «Вѣстникъ Европы» два письма: одно о кавалерийскихъ резервахъ, другое о празднике въ честь командира полка. Это первыя печатныя произведенія Грибоѣдова. Въ Брестѣ же онъ перевелъ довольно неуклюжими стихами съ французского комедію «Молодые супруги». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился въ Петербургъ, такъ какъ военная жизнь стала надоѣдать ему. Въ богатой природѣ Грибоѣдова было слишкомъ много зачатковъ и стремленій къ лучшему кругу, къ лучшей умственной средѣ.

Въ 1815 году мы видимъ его уже въ Петер-

бургъ; благодаря князю Шаховскому, онъ сходится съ записными театралами и писателями для сцены; наибольѣе онъ сблизился съ И. А. Катенинымъ и А. А. Жандромъ. Время это было строгое для театра; за шиканье актрисъ, имѣвшей какого нибудь важнаго покровителя, можно было серьезно поплатиться. Грибоѣдовъ бытъ горячъ и увлекался постоянно; въ видѣ его ангела-хранителя является молодой другъ его, человѣкъ съ рѣдкими качествами, кн. Александръ Одоевскій. Этотъ же Одоевскій былъ впослѣдствіи другомъ другого нашего знаменитаго поэта, М. Ю. Лермонтова, и самъ писалъ глубоко прочувствованные стихи. Грибоѣдова любили въ обществѣ за его умъ, остроуміе и совершенную незлобивость и веселость. Попадая въ кругъ молодыхъ людей, онъ дѣлался душою ихъ. Такъ какъ театръ былъ любимымъ развлечениемъ того кружка, гдѣ онъ врашался, то Грибоѣдовъ попробовалъ счастья на сценѣ. 26-го сентября 1815 г. его первая комедія «Молодые супруги» дается на петербургской сценѣ; въ 1816 г. онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы; въ февраль 1817 г. онъ поставилъ на сцену переведенную вмѣстѣ съ Жандромъ комедію «Притворная невѣрность», а въ январѣ 1818 г. идетъ его пьеса «Своя семья», уже напоминающая бойкостью стиха «Горе отъ ума». Работая для сцены, онъ писалъ въ журналы мелкія статьи, переводилъ стихотворенія съ нѣмецкаго и принималъ дѣятельное участіе въ жизни общества. Онъ много думалъ, много занимался и сохранилъ среди разныхъ вліяній независимый об-

разъ мыслей. «Кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ», говорить о немъ Бестужевъ (Марлинскій); «никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ — никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, не смотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновской суровостью, даже дерзостью». Грибоѣдовъ мужалъ все болѣе и болѣе и примыкалъ къ прогрессивному кружку; но и тутъ онъ видѣлъ своимъ яснымъ умомъ комические элементы и умѣлъ отдѣлять существенное отъ не важнаго. Къ 1816 году относятся первые наброски плана «Горе отъ ума» и нѣкоторыхъ сценъ. Пріятели одобрили, и Грибоѣдовъ сталъ работать далѣе. Въ 1817 году онъ зачисленъ на службу по министерству иностраннаго дѣлъ и въ этомъ же году познакомился съ Пушкинымъ. Въ 1818 году мы встречаемъ его уже въ Персіи, въ городѣ Тавризѣ, секретаремъ русскаго посольства. Но онъ сюда отчастіи по настоянію семьи, которая хотѣла удалить его отъ петербургскихъ соблазновъ, а эти соблазны были таковы, между прочимъ, что Грибоѣдовъ принялъ участіе, какъ секундантъ, въ одной несчастной дуэли, кончившейся смертью одного изъ противниковъ (Шереметева, дравшагося съ гравомъ Завадовскимъ изъ-за танцовщицы Истоминой).

Отправлялся онъ въ Персию съ мрачными предчувствіями; ему казалось, что онъ не вернется оттуда, что тамъ будетъ его могила. Въ его стихотво-

реніи «Прости, отчество!», которое онъ написалъ тогда, звучитъ сильное отчаяніе. Напримеръ:

Не наслажданье — жизни цѣль,
Не уг҃шеше — наша жизнь,—
Насъ цѣль угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно.—
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу склонить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.

Предчувствія какъ бы оправдались. Въ Тифлісѣ онъ принужденъ былъ драться на дуэли и былъ раненъ въ лѣвую руку*). Пріѣхавъ въ Персію (1819 г.), онъ принужденъ былъ вести уединенную жизнь въ Тавризѣ и, можетъ быть, это уединеніе принесло Грибоѣдову пользу. Сильная воля его укрѣпилась, всегдашней его любознательности не мѣшиали уже развлечения. Онъ много читалъ и много учился по всемъ отраслямъ знанія. Способность его къ изученію языковъ была необыкновенная: онъ въ совершенствѣ узналъ персидскій языкъ, прочелъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ и самъ могъ писать стихи на этомъ языкѣ. Относительно служебной дѣятельности онъ и здѣсь явился тѣмъ патріотомъ, какимъ былъ всегда, если обстоятельства указывали ему на дѣятельность, полезную для отечества. Онъ пріобрѣлъ полное довѣріе наслѣдника персидского пре-

*) Дуэль эта была съ Якубовичемъ, который былъ секундантомъ Шереметева. По просьбѣ отца Шереметева, всѣ участники дуэли были прощены, исключая Якубовича, который былъ выписанъ тѣмъ же чиномъ въ армию и отправленъ на Кавказъ.

стола, принца Аббаса Мирзы, уважение англійской миссии, уговорилъ многихъ русскихъ плѣнныхъ, поселившихся въ Персіи и вступившихъ въ персидскую военную службу, возвратиться въ отчество, и самъ проводилъ этотъ отрядъ въ наши предѣлы. Дорогою онъ подвергалъ свою жизнь опасности, потому что персіяне озлобленно смотрѣли на него, какъ на виновника возвращенія русскихъ. Въ 1822 году онъ добился того, что его перевели въ Тифлисъ къ главнокомандующему въ Грузіи, знаменитому Ермолову, по дипломатической части. Съ Ермоловымъ онъ познакомился еще въ 1818 г. и писалъ о немъ: «Что за славный человѣкъ! Мало того, что умень (нынче всѣ умны), но совершенно по-русски; на все годенъ, не на одни великия дѣла, не на однѣ мелочи. Притомъ — тьма краснорѣчія». Ермоловъ любилъ и уважалъ Грибоѣдова; съ своей стороны, искренно привязанный къ нему, онъ сопутствовалъ ему даже въ военныхъ экспедиціяхъ. «При Алексѣѣ Петровичѣ (Ермоловѣ), писалъ Грибоѣдовъ, — у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался». Въ это время онъ написалъ первыя два дѣйствія «Горе отъ ума», которое, къ слову сказать, не предназначалось первоначально имъ для сцены. Въ 1823 г. онъ отпросился въ кратковременный отпускъ въ Москву и пробылъ въ отпуску болѣе года. Подъ влияніемъ новыхъ впечатлѣній, онъ передѣлалъ написанные акты и послѣдніе два написалъ въ имѣніи Бѣгичева, селѣ Дмитровскомъ, Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда, лѣтомъ

1824 г. Каждый стихъ онъ отдѣлывалъ съ необыкновенною тщательностью, десятки разъ мѣняль фразы, желая создать живой разговорный языкъ, желая отдѣлать стихъ «такъ гладко, какъ стекло». Комедію знали только самые близкіе люди.

Одинъ изъ знакомыхъ сестры Грибоѣдова, графъ Віельгорскій, нашелъ на ея фортепіано отдѣльные листки комедіи, притѣль отъ нихъ въ восторгъ— и молва о комедіи распространилась, а чтеніе ея пропизвело сильно впечатленіе. Грибоѣдовъ рѣшился поставить комедію на сценѣ и сталъ ее передѣлывать и примѣнять къ условіямъ сцены и цензуры. Но всѣ хлопоты его и его друзей, даже хлопоты его родственника, женатаго на его двоюродной сестрѣ, Паскевича, внослѣдствіи фельдмаршала, не привели ни къ чему. Воспитанники петербургскаго театрального училища задумали было разыграть комедію, Грибоѣдовъ руководилъ репетиціями, но и это представление не удалось. Только въ 1827 г. Грибоѣдовъ увидѣлъ свою комедію на сценѣ, именно въ Эривани, гдѣ былъ устроенъ офицерскій театръ въ прежнемъ дворцѣ персидскихъ сердарей. Уже послѣ смерти поэта, именно 26-го января 1831 г., комедія, съ урѣзками, дана была на сценѣ Петербурга, а 27-го ноября того же года въ Москвѣ. Въ печати комедія явилась тоже послѣ смерти Грибоѣдова, въ 1833 г., съ значительными выпусками, но за то она распространилась въ дѣсяткахъ тысячахъ списковъ по всей Россіи. Только въ царствованіе Александра II комедія явилась въ печати въ полномъ видѣ. Но, благодаря продолж-

жительному странствованію ея въ рукописи, текстъ комедіи до сихъ поръ не могутъ установить и являются изданія съ отысканныхъ новыхъ списковъ. Должно сказать, однако, что эти новые списки не заслуживаютъ довѣрія и часто представляютъ просто описки исца. Такими описками, выдаваемыми за «важные варіанты», особенно изобилуетъ тифлисское изданіе «Горе отъ ума» князя Эристова 1878 г.

Грибоѣдовъ въ іюнѣ 1824 г. собирался было заграницу, но не поѣхалъ, и только осенью 1825 г., черезъ Крымъ, который давно хотѣлось ему видѣть, вернулся въ Грузію и принималъ участіе въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ горцевъ. Въ декабрѣ 1825 г., послѣ смерти императора Александра I, открыть былъ заговоръ; такъ какъ Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми участниками заговора, то его вызвали въ Петербургъ. Слѣдствіе доказало, что противъ него никакихъ уликъ не было. Награжденный чиномъ надворнаго советника, онъ отправленъ былъ обратно въ Грузію, гдѣ продолжалъ службу при Ермоловѣ, а по томъ при Паскевичѣ. Переидская кампанія дала возможность Грибоѣдову выказать въ блестящемъ видѣ и свои способности, и свое знаніе страны. Будучи родственникомъ Паскевичу, онъ чувствовалъ себя съ нимъ свободнѣе, чѣмъ съ Ермоловымъ, котораго глубоко уважалъ и которому былъ преданъ. Грибоѣдовъ своими совѣтами вліялъ на ходъ кампаніи, говорилъ, что не слѣдуетъ «уважать непріятеля, который того не стоитъ», настояль на движе-

ній къ крѣпости Аббасъ-Абадъ и къ самой Эривани. Въ заключеніи выгоднаго для нась Туркманчайскаго договора онъ не только принималъ дѣятельное участіе, но можно сказать, что этотъ договоръ—созданіе Грибоѣдова. Во время этой кампаніи Грибоѣдовъ доказалъ, кромѣ того, какъ умѣть владѣть собою. Паскевичъ писалъ о немъ его матери, приходившейся родной теткой женѣ Паскевича: «Нашъ слѣпой (Грибоѣдовъ былъ близорукъ и носилъ очки) совсѣмъ меня не слушается: разъѣзжаетъ себѣ подъ шулями да и только». Вообще Грибоѣдовъ выражался, что власть человѣка надъ собою ограничена только физическою невозможностью, что человѣкъ можетъ перевоспитать себя. Грибоѣдовъ разсказывалъ про себя, какъ онъ струсилъ, когда въ первый разъ очутился подъ ядрами, какъ ему стало стыдно и какъ онъ рѣшился отучить себя отъ этого. «Я не хотѣлъ, разсказывалъ онъ, дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначеннное мной самимъ число выстрѣловъ, и потомъ тихо новоротилъ лошадь и спокойно отѣхалъ прочь. Послѣ я не робѣль ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха—оно усилится и утвердится».

По окончаніи персидской войны, Паскевичъ послалъ Грибоѣдова въ Петербургъ, поручая ему поднести Государю Туркманчайскій договоръ съ Персией. Императоръ Николай принялъ Грибоѣдова

благосклонно 14-го марта 1828 г. и наградилъ его чиномъ статского совѣтника, орденомъ св. Анны 2 степени съ брилліантами, медалью за войну и 4,000 червонцевъ. Грибоѣдовъ думалъ отдохнуть, посвятить себя литературѣ, читать друзьямъ отрывки изъ новой пьесы «Грузинская ночь», но судьба готовила ему новое назначеніе—посланника при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдовъ принялъ эту должность, но уѣзжалъ изъ Петербурга съ глубокою тоской. Мрачные предчувствія томили его: «Тамъ моя могила», говорилъ онъ о Персіи: «чувствую, что не увижу болѣе Россію». Пушкинъ старался его успокоить. «Вы не знаете этихъ людей (персіянъ), возражалъ Грибоѣдовъ: «вы увидите, что придется прибѣгнуть къ ножамъ». Другу своему Жандру онъ говорилъ, пріѣхавъ прямо къ нему послѣ полученного назначенія: «Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ сперѣжутъ: Алаяръ-ханъ^{*)} мой личный врагъ; не подарить онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата». Проводы, которые устроили ему друзья, были нечестивы, словно всѣ чувствовали, что не увидать имъ болѣе любимаго писателя. Заѣхавъ по пути къ Бѣгичеву, онъ повторялъ ему тѣ же предчувствія «Прощай, братъ Степанъ», говорилъ онъ,—«врядъ ли мы съ тобой увидимся. Но его тянуло на югъ одно теплое чувство къ прелестному созданію—княжнѣ Нинѣ Чавчавадзе, которую онъ любилъ всѣмъ силомъ страсти, и это чувство угѣшало его. Въ Тиф-

^{*)} Алаяръ-ханъ былъ взятъ тогдашняго шаха и въ большей силѣ при персидскомъ дворѣ. Благодаря ему, шахъ и рѣшился на войну съ Россіей.

лисъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе и женился. Но счастьемъ онъ наслаждался недолго: надо былоѣхать въ Тегеранъ, въ столицу Персіи. « Я не ворочусь оттуда, говорилъ онъ друзьямъ,—не оставляйте костей моихъ въ Персіи — похороните меня въ Грузіи.

Оставивъ жену свою въ Тавризѣ и сказавъ ей что скоро вернется, Грибоѣдовъ уѣхалъ въ Тегеранъ и очутился тутъ въ непріязненной обстановкѣ. Алаяръ-ханъ пользовался всѣми случаями, чтобы возстановить шаха и членовъ правительства противъ русскаго посланника. Грибоѣдовъ писалъ въ декабрѣ 1828 г. къ одному знакомому: «Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втиратъся въ персидскую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь... Къ намъ перешло до 8000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняя ихъ достояніе и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову». Грибоѣдову причиняла неимовѣрныя заботы статья 13 Туркманчайскаго трактата, обязавшая персіянъ освободить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ. Но это было чрезвычайно трудно, даже при содѣйствіи персидскаго правительства, ибо плѣнные находились уже въ рабствѣ у персіянъ, а многія женщины въ гаремахъ персидскихъ вельмож и въ гаремѣ资料 самого шаха. Тѣмъ не менѣе Грибо-

ѣдову удавалось вырывать плѣнниковъ и плѣнницъ и этимъ онъ возбуждалъ противъ себя многихъ. Ближайшимъ поводомъ къ бунту былъ армянинъ, Мирза-Якубъ, долгое время жившій во Персіи въ плѣну и, въ качествѣ главнаго евнуха, завѣдывавшій гаремомъ шаха: онъ пришелъ въ русское посольство и просилъ оказать ему содѣйствіе къ возвращенію въ Россію; онъ имѣлъ на это право по 13 статьѣ Туркманчайскаго трактата, о которой сказано выше. Якубъ былъ изъ эриванскихъ армянъ и взять въ плѣнъ непріятелемъ. Грибоѣдовъ принялъ въ немъ участіе. Но шахъ не хотѣлъ отпустить Мирза-Якуба, боясь, что онъ разгласить тайны о его семейной жизни, о его гаремѣ. Духовенство стало явно возбуждать народъ противъ Грибоѣдова, который настаивалъ на возвращеніи Мирза-Якуба. На базарахъ говорились зажигательныя рѣчи. Между тѣмъ въ посольской домѣ укрылись двѣ женщины, русскія подданныя, одна армянка, другая нѣмка изъ тифлісской колоніи, которая тоже желали возвращенія въ Россію и бѣжали въ посольской домѣ изъ гарема того самаго Алаяръ-хана, который былъ такимъ ненавистникомъ Грибоѣдова. Разумѣется, народу разглашали, что иностранцы вмѣшиваются во внутреннее управлѣніе, что надо перебить русскихъ. Грибоѣдовъ зналъ, что имъ недовольны; самъ шахъ, боявшійся того, чтобы Грибоѣдовъ не отнялъ у него женъ, говорилъ ему, что будетъ жаловаться на него въ Петербургъ. Поэтому онъ сталъ собираться въ Тавризъ, гдѣ ожидала его совсѣмъ юная жена, и оставлять въ Тегеранѣ Маль-

дева для сношений съ министерствомъ шаха; онъ уже имѣлъ прощальную аудіенцію у шаха; лошади и лошаки были готовы къ отъѣзду. Никто въ посольствѣ не ожидалъ того, что случилось 30-го января, а потому никакихъ приготовленій къ оборонѣ не было сдѣлано; казаки жили въ особомъ домѣ; всѣ прочіе служащіе въ посольствѣ, находясь врозь по своимъ квартирамъ, не имѣли при себѣ ни оружія, ни зарядовъ въ исправности. 30-го января 1829 года разъяренная и постоянно возбуждаемая духовенствомъ и приближенными шаха толпа, вооруженная кинжалами и другимъ оружіемъ, бросилась къ посольскому дому. Самъ шахъ, говорятъ, побуждаемый англичанами, которые видѣли въ Грибоѣдовѣ сильного противника, зналъ о готовящейся расправѣ. Толпа все росла и росла. Небольшая часть казаковъ попробовала отстрѣливаться отъ осаждающихъ. Грибоѣдовъ, никогда не терявшій мужества, съ саблей въ рукѣ явился впереди казаковъ, былъ узнанъ варварами и тотчасъ убитъ. Съ нимъ вмѣстѣ убито было 37 человѣкъ, посольской домъ разграбленъ. Изъ всего русскаго посольства спасся только одинъ секретарь Мальцевъ. Трупъ Грибоѣдова былъ узнанъ попальцу, сведенному отъ раны на дуэли съ Якубовичемъ. Его отправили въ Тифлисъ. Другой русскій поэтъ, Пушкинъ, встрѣтилъ эту похоронную процесію на дорогѣ и описалъ въ своей «Поѣздкѣ въ Эрзерумъ».

Отъ жены Грибоѣдова долго скрывали смерть мужа, но наконецъ должны были передать ей эту печальную новость. Она преждевременно родила,

ребенокъ не остался живъ и сама она долго была больна. Прекрасная и молодая, напоминавшая мадонну Мурильо, по словамъ Грибоѣдова, Нина Александровна не захотѣла выходить замужъ въ другой разъ и оставалась вѣрна памяти мужа своего цѣлую долгую жизнь.

Прахъ Грибоѣдова похороненъ въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, расположенному на высокой скалѣ, откуда чудесный видъ на окрестности. Нина Александровна Грибоѣдова воздвигла надъ прахомъ своего мужа памятникъ, пмѣющій видъ часовни. На памятникѣ золотыми буквами надпись съ одной стороны:

«Александръ Сергеевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 г. января 30 дня».

На другой сторонѣ:

«Умъ и дѣла твои бессмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».

ГОРЕ ОТЪ УМА

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казен-
нымъ мѣстомъ.

Софья Павловна, дочь его.

Лиза, служанка.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фаму-
сова, живущій у него въ домѣ.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергеевичъ.

Наталья Дмитріевна, молодая дама }
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея } Горичевы.

Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю
дочерьми.

Графиня бабушка }
Графиня внучка } Хрюмины.

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при раз-
ѣздѣ.

Офиціанты Фамусова.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ДОМѢ ФАМУСОВА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Гостивая; въ пей большиe часы; справа дверь въ спальню Софы, откудова слышно фортепиано съ флейтою, которая погомъ умоляютъ; Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.

(Утро. Чуть день брезжится).

ЛИЗА.

[вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается].

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!

Вчера просила спать — отказъ:

Ждемъ друга; нуженъ глазъ да глазъ!

Не спи, покудова не скатишся со стула.

Теперь вотъ только что вздрогнула —

Ужъ день?.. Сказать имъ.

[Стучится къ Софѣ].

Господа!

Эй, Софья Павловна! бѣда!

Зашла бесѣда ваша за ночь.

Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!.. И страхъ ихъ не береть!
[Отходить отъ дверей].

Ну, гость неприглашенный,
Быть можетъ, батюшка войдеть!
Прошу служить у барышни влюбленной!
[Опять къ дверямъ].

Да расходитесь.—Утро.—Что-сь?
Голосъ СОФЬИ.

Который часъ?

ЛИЗА.

Все въ домъ поднялось.

СОФЬЯ [изъ своей комнаты].
Который часъ?

ЛИЗА.

Седьмой... осьмой... девятый.

СОФЬЯ [оттуда же].
Неправда.

ЛИЗА [прочь отъ дверей].

Ахъ, амуръ проклятый!
И слышать,— не хотятъ понять;
Ну, что бы ставни имъ отнять!
Переведу часы; хоть, знаю, будетъ гонка;
Заставлю ихъ играть.
[Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы бьють и
играютъ].

ЯВЛЕНИЕ II.

Лиза и Фамусовъ

ЛИЗА.

Ахъ! баринъ!

ФАМУСОВЪ.

Баринъ, да!

[Останавливаетъ часовую музыку].

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!

Не могъ придумать я, что это за бѣда —

То флейта слышится, то будто фортепьяно:

Для Софы слишкомъ было-быть рано...

ЛИЗА.

Нѣть, сударь, я... лишь невзначай...

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то невзначай; за вами примѣчай.

Такъ вѣрно съ умысломъ...

[Жмется къ ней и заигрываетъ].

Охъ, зелье, баловница.

ЛИЗА.

Вы баловникъ; къ лицу-ль вамъ эти лица?

ФАМУСОВЪ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ п вѣтру на умѣ.

ЛИЗА.

Пустите, вѣтренники сами!..
Опомнитесь, вы старики...

ФАМУСОВЪ.

Почти.

ЛИЗА.

Ну, кто придетъ, — куда мы съ вами?

ФАМУСОВЪ.

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спить?

ЛИЗА.

Сейчасъ започивала.

ФАМУСОВЪ.

Сейчасъ? А ночь?

ЛИЗА.

Ночь цѣлую читала.

ФАМУСОВЪ.

Вишь, прихоти какія завелись!

ЛИЗА.

Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.

ФАМУСОВЪ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится
И въ чтенъи прокъ-отъ невеликъ;

Ей сна нѣтъ оть французскихъ книгъ,
А мнѣ оть русскихъ больно спится.

ЛИЗА.

Что встанетъ, доложу-сь.
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

ФАМУСОВЪ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

ЛИЗА [какъ можно громче].

Да полноте-сь!

ФАМУСОВЪ [зажимаетъ ей ротъ].

Помилуй, какъ кричишь.
Съ ума ты сходишь!

ЛИЗА.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

ФАМУСОВЪ.

Чего?

ЛИЗА.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ.
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь —
Все слышать...

ФАМУСОВЪ.

Все ты лжешь.

Голосъ СОФЬИ.

Эй, Лиза!

ФАМУСОВЪ.

Тсъ! [Крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ].

ЛИЗА [одна].

Ушелъ!.. Ахъ, отъ господь подалъ!
У нихъ бѣды себѣ на всякий часъ готовы.

Минуй нась пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ III.

Лиза, Софья со свѣчкою, за ней Молчалинъ.

СОФЬЯ.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

ЛИЗА.

Конечно, вамъ разстаться тяжело?
До свѣта запершись, а кажется все мало?

СОФЬЯ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!
[Тушить свѣчу.]

И свѣть, и грусть!.. Какъ быстры ночи!

ЛИЗА.

Тужите; знай, — со стороны нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка пришелъ — я обмерла;
Вертѣлась передъ нимъ, не помню что врала...
Ну, что же стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте,

Подите... сердце не на мѣстѣ...
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:

Валить народъ по улицамъ давно,
А въ домъ стукъ, ходьба, метуть и убираютъ.

СОФЬЯ.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

ЛИЗА.

Не наблюдайте — ваша власть,
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.

СОФЬЯ [Молчалину].

Идите!.. цѣлый день еще потерпимъ скучу.

ЛИЗА.

Богъ съ вами!.. прочь возьмите руку!..

[Разводить ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается
съ Фамусовымъ].

ЯВЛЕНИЕ IV.

Лиза, Софья, Молчалинъ, Фамусовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я-сь.

ФАМУСОВЪ.

Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!.. Здравствуй, Софья! что ты

Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?
И какъ вась Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ.

СОФЬЯ.

Онъ только что теперь вошелъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Сейчасъ съ прогулки.

ФАМУСОВЪ.

Другъ! Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?

А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ—
Съ мужчиной, съ молодымъ! Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!

А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы,
Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавить насть Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ!

СОФЬЯ.

Позвольте, батюшка... кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевожу едва.

Изволили вбѣжать вы такъ проворно—
Смѣшалась я...

ФАМУСОВЪ.

Благодарю покорно:
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!

Я помѣшалъ! я исчугалъ!

Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно угорѣлый;

По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другой, всѣмъ дѣло до меня!
Нождали новые хлопоты, чтобы былъ обманутъ?

СОФЬЯ [сквозь слезы].

Кѣмъ, батюшка?

ФАМУСОВЪ.

Вотъ попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!

Не плачь: я дѣло говорю.

Ужъ обѣ твоемъ ли не радѣли
Обѣ воспитаны съ колыбели!

Мать умерла — умѣль я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать.

Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ;

Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правиль.

Одно не къ чести служить ей:

За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.

Да не въ мадамъ сила:

Не надобно иного образца,

Когда въ глазахъ примѣръ отца.

Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложенiemъ,
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ;

Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...

Монашескимъ извѣстенъ поведенiemъ!..

ЛИЗА.

Осмѣлюсь я, сударь...

ФАМУСОВЪ.

Молчать!

Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!

Всѣ умудрились не по лѣтамъ,

А пуще дочери!.. Да сами добряки —

Дались намъ эти языки!

Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему —
И танцамъ, и шѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, чтѣ? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣль и ввель въ мое семейство,
Дать чинъ ассесора и взяль въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣль бы ты въ Твери.

СОФЬЯ.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.

Онъ въ домъ здѣсь живеть — великая напасть! —

Шель въ комнату, попасть въ другую...

ФАМУСОВЪ.

Попасть или хотѣль попасть.

Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

СОФЬЯ.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:

Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,

Перепугаль меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложить:
Не въ пору голосъ мой надѣлать имъ тревогъ!

СОФЬЯ.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожить.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

ФАМУСОВЪ.

Что за исторія?

СОФЬЯ.

Вамъ разсказать?

ФАМУСОВЪ.

Ну, да.

[Садится].

СОФЬЯ.

Позвольте... видите-ль... сначала
Цвѣтистыи лугъ, и я искала

Траву

Какую-то... не вспомню на яву.

Вдругъ милый человѣкъ — одинъ изъ тѣхъ, кого мы

Увидимъ — будто вѣкъ знакомы —

Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!

Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

СОФЬЯ.

Потомъ пропало все: луга и небеса.
 Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда,
 Раскрылся поль — и вы оттуда,
 Блѣдны какъ смерть и дыбомъ волоса!
 Тутъ съ громомъ распахнулись двери,
 Какие-то не люди и не звѣри
 Насъ врознь — и мучали сидѣвшаго со мной...
 Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ!
 Хочу къ нему — вы тащите съ собой!...
 Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудо-
 вищъ!
 Онъ вслѣдъ кричить!
 Проснулась... кто-то говорить:
 Вашъ голосъ былъ — что, думаю, такъ рано?
 Бѣгу сюда — и васъ обоихъ нахожу.

ФАМУСОВЪ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу;
 Тутъ все есть, коли иѣть обмана:
 И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты.
 Ну, сударь мой, а ты?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

ФАМУСОВЪ.

Забавно!
 Дался имъ голосъ мой! и какъ себѣ исправно
 Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
 На голосъ мой спѣшилъ, за чѣмъ же?.. Говори!

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ бумагами-сь.

ФАМУСОВЪ.

Да, ихъ не доставало!

Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?

[Встаетъ]

Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;
Бывають странны сны, а на-яву страннѣе:

Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе!..
Повыкини вздоръ изъ головы!
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ка, лягъ, усни оштать.

[Молчалину].

Идемъ бумаги разбирать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ
иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно.

ФАМУСОВЪ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ;
Дай волю вамъ — оно бы и засѣло:
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:

Подписано, такъ съ плечъ долой.

[Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его
впередъ].

ЯВЛЕНИЕ V.

Софья, Лиза.

ЛИЗА

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ и потѣха!

Однако нѣть, теперь ужь не до смѣха:

Въ глазахъ темно и замерла душа;

Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

СОФЬЯ.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судить,
Да батюшка задуматься принудить:

Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ.

Такой всегда, а съ этихъ поръ...

Ты можешь посудить...

ЛИЗА.

Сужу-сь не по рассказамъ.

Запреть онъ васъ, — добро еще со мной,

А то, помилуй Богъ, какъ разомъ

Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой.

СОФЬЯ.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!

Бываетъ хуже — съ рукъ сойдетъ;

Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,

Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,

Судьба насъ будто берегла,

Ни беспокойства, ни сомнѣнья...

А горе ждеть изъ-за угла!

ЛИЗА.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
 Не жалуете никогда,
 Ань вотъ бѣда!

На что вамъ лучшаго пророка?
 Твердила я: въ любви не будетъ этой проки
 Ни вѣкъ вѣковъ.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
 Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинамп,
 А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами:

Ну, разумѣется, къ тому-бѣ
 И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы;
 Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ —
 И золотой мѣшокъ, и мѣтить въ генералы.

СОФЬЯ.

Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ
 Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
 Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
 Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

ЛИЗА.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитерь.
 Но будь военный, будь онъ статскій,
 Кто такъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ,
 Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!
 Не для того, чтобъ васъ смутить —
 Давно прошло, не воротить —

А помнится...

СОФЬЯ.

Что помнится? Онъ славно
 Пересмѣять умѣеть всѣхъ,
 Болтаегъ, шутить — мнѣ забавно:
 Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

ЛИЗА.

И только, будто бы? Слезами обливался,
 Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
 «Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь».

А онъ въ отвѣтъ: «Недаромъ, Лиза, плачу:
 Кому извѣстно, что найду я воротясь,
 И сколько, можетъ быть, утрачу!»
 Бѣдняжка, будто знать, что года черезъ три...

СОФЬЯ.

Послушай, вольности ты лишней не бери:
 Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила,
 И знаю, и винюсь, но гдѣ же измѣнила,
 Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?
 Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,
 Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
 Связала дѣтскою насть дружбой, но потомъ
 Онъ сѣхалъ; ужь у насть ему казалось скучно,

И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
 Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
 Взыскательнымъ и огорченнымъ...
 Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
 Въ друзьяхъ особенно счастливъ—
 Вотъ о себѣ задумаль онъ высоко.
 Охота странствовать напала на него...

Ахъ, если любить кто кого,
Зачѣмъ ума искать и Ѵздѣть такъ далеко?

ЛИЗА.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорять, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай, отъ скучи — то вѣрнѣе!

СОФЬЯ.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшились.

Кого люблю я — не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло.

Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провестъ?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.

Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

ЛИЗА.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

СОФЬЯ.

Возьметь онъ руку, къ сердцу жметь,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго — и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводить.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хототу такому?

ЛИЗА.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дома.

Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не съумѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дня посѣдѣла.

[Продолжаетъ хохотать].

СОФЬЯ [съ огорченіемъ].

Вотъ также обо мнѣ потомъ заговорятъ.

ЛИЗА.

Простите: право, какъ Богъ святы,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Софья, Лиза, Слуга, за нимъ ЧАЦКІЙ.

СЛУГА.

Къ вамъ Александръ Андреичъ ЧАЦКІЙ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Софья, Лиза, ЧАЦКІЙ.

ЧАЦКІЙ.

Чуть-свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.

[Съ жаромъ цѣпуетъ ея руку].

Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!

Что-жъ, рады? нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.

Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!

Какъ будто не прошло недѣли,

Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,

Мы мочи нѣть другъ другу надоѣли.

Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!

А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся!.. вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падаль сколько разъ —

И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

ЧАЦКІЙ

Вы рады? Въ добрый часъ!

Однако искренно кто-жъ радуется эдакъ?

Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,

Людей и лошадей знобя,

Я только тѣшилъ самъ себя!

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,

Ей-Богу нѣть пяти минутъ,

Какъ поминали васъ мы тутъ.

Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь;

Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека:

Кто промелькнетъ, отворить дверь,

Проѣздомъ, слукаемъ, изъ чужа, изъ далека —
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретъ?

ЧАЦКІЙ.

Положимте, что такъ?
Блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать?
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за никетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ...
Вы помните? Вздрогнемъ, чутъ скрипнетъ столикъ,
дверь...

СОФЬЯ.

Ребячество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, а теперъ,
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ известно —
И потому скромны, не смотрите на свѣтѣ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы; полноте смущаться.

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутять
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте: не вамъ — чѣму же удивляться?
 Что новаго покажеть мнѣ Москва?
 Вчера быль балъ, а завтра будетъ два;
 Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ про-
 махъ;
 Все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи въ альбо-
 махъ.

СОФЬЯ.

Гоненье на Москву! что значить видѣть свѣтъ!
 Гдѣ-жъ лучше?

ЧАЦКІЙ.

Гдѣ наскѣ нѣтъ.

Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клуба
 Старинный, вѣрный членъ до гроба?
 Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
 А этотъ... какъ его?.. онъ турокъ или грекъ...
 Тотъ черномазенький, на ножкахъ журавлиныхъ,
 Не знаю, какъ его зовутъ...
 Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
 Въ столовыхъ и гостиныхъ?..
 А трое изъ бульварныхъ лицъ,
 Которые съ полвѣка молодятся?
 Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
 Со всей Европой породнятся.
 А наше солнышко, нашъ кладъ?
 На лбѣ написано: театръ и маскарадъ;
 Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
 Самъ толстъ, его артисты тощи...

На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
 За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
 Быть спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ —
 Шѣвецъ зимой погоды лѣтней.

А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
 Въ ученый комитетъ который поселился

И съ крикомъ требовалъ присягъ,
 Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..
 Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
 Жить съ ними надобѣсть, и въ комъ не сыщешь пя-
 тенъ?

Когда-жъ постранствуешь, воротишься домой,
 И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятень!

СОФЬЯ.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свѣсть,
 Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

ЧАЦКІЙ.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
 Все фрейлиной Екатерины Первой?
 Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?

Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:
 Что выньче, такъ же какъ издревле,

Хлопочутъ набирать учителей полки,
 Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?

Не то, чтобы въ наукѣ далеки:

Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
 Намъ каждого признать велять
 Историкомъ и географомъ!

Нашъ менторъ — помните, колпакъ его, халатъ,

Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..

Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,

Что намъ безъ нѣмцевъ нѣть спасенья.

А Гильоме французъ, подбитый вѣтеркомъ,—

Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какойнибудь княгинѣ,
Пульхерій Андреевѣ, напримѣръ?

Софья.

Танцмейстеръ! можно ли?

Чацкій.

Что-жъ? онъ и кавалеръ.

Отъ насъ потребуютъ съ имѣнемъ быть и въ чинѣ,

А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?

На сѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ при-
ходскимъ

Господствуетъ еще смѣшенье языковъ

Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ,— безъ этого нельзя-жъ.

Лиза.

Но мудрено одинъ изъ нихъ скроить, какъ вашъ.

ЧАЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ не надутый.
 Вотъ новости! я пользуюсь минутой,
 Свиданье съ вами оживленъ,
 И говорливъ, а развѣ нѣть временъ,
 Что я Молчалина глупъе? Гдѣ онъ, кстати?
 Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
 Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
 Увидить — пристаетъ: пожалуйте списать.
 А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ —
 Вѣдь нынче любять безсловесныхъ.

СОФЬЯ [въ сторону].

Не человѣкъ, — змѣя?

[Громко и принужденно].

Хочу у васъ спросить:

Служалось ли, чтобы вы, смѣясь, или въ печали,
 Ошибкою, добро о комъ нибудь сказали?

Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ можетъ быть?

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?

На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:

Звонками только что гремя

И день и ночь по снѣговой пустынѣ,

Спѣшу къ вамъ, голову сломя,

И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!

Вотъ поль-часа холодности терплю!

Лицо святѣйшей богомолки!

И все-таки я васъ безъ памяти люблю.

[Минутное молчаніе].

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
 И, клонятся къ чьему нибудь вреду?
 Но если такъ — умъ съ сердцемъ не въ ладу:
 Я въ чудакахъ иному чуду
 Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
 Велите-жъ мнъ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

СОФЬЯ.

Да, хорошо — сгорите, если-жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ и другой!

СОФЬЯ.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!
 [Уходитъ].

ФАМУСОВЪ [ей вслѣдъ въ полголоса].

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Фамусовъ, Чацкій

[смотретьъ на дверь, въ которую Софья вышла].

ФАМУСОВЪ.

Ну, выкинуль ты штуку!
 Три года не писалъ двухъ словъ

И грянуль вдругъ какъ съ облаковъ!
[Обнимаются].

Здорово, другъ! здорово, братъ, здорово!
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй!

[Садятся].

ЧАЦКІЙ [разсѣянно].

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

ФАМУСОВЪ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣтать дѣвичыи красоты.

Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, нѣть! надеждами я мало избалованъ.

ФАМУСОВЪ.

«Сонъ въ руку» — мнѣ она изволила шепнуть —
Вотъ ты задумалъ...

ЧАЦКІЙ.

Я? ничуть!

ФАМУСОВЪ.

О комъ ей снилось? что такое?

ЧАЦКІЙ.

Я не отгадчикъ сновъ.

ФАМУСОВЪ.

Не вѣрь ей — все пустое.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ:

Вѣкъ не встрѣчалъ — подпиську дамъ —
Что-бы было ей хоть нѣсколько подобно!

ФАМУСОВЪ.

Онъ все свое. Да расскажи подробно,

Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?

Одкудова теперь?

ЧАЦКІЙ.

Теперь мнѣ до того ли!

Хотѣль обѣхать цѣлый свѣтъ
И не обѣхалъ сотой доли.

[Встаетъ поспѣшно].

Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Я влюсь, подробности малѣйшей не забуду.
Вамъ первымъ, вы потомъ разсказывайте всюду.

[Въ дверяхъ].

Какъ хороша!

[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ X.

ФАМУСОВЪ.

Который же изъ двухъ?

«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!
И говорить мнѣ это вслухъ!»

Ну, виновать: Какого-жъ даль я крюку!
Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ ницій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
[Уходитъ].



ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Фамусовъ и Слуга.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,—
Съ разодранnymъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ раз-
становкой.

Постой же. На листѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковѣ Федоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чудень созданъ свѣтъ!
Пофилофствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ:
Быть три часа, а въ три дни не сварится.
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... Нѣть, нѣть...
Въ четвергъ я званъ на погре-
беніе.

Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякий самъ туда же долженъ лѣтъ,

Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставитъ
Житьемъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;

Пережениль дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ прискорбно поминаютъ;

Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

Пиши въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу, —
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.

Она не родила, но по разсчету,
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНИЕ II.

Фамусовъ, Слуга, Чацкій.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ,
Садитесь-ка.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ [Слугѣ].

Поди.

[Слуга уходитъ].

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
Забудется, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то невеселы стали;
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужь Софья Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не весель я!... Въ мои лѣта!
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софью Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тыфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердить одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскаль свѣтъ,— не хочешь ли жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на чѣ?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни —
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ недаромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-ка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ — прислуживаться тошно!

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?

Училпсь бы, на старшихъ глядя.

Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ Ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; Ѣзжалъ-то вѣчно цѣломъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!

Тогда не то, что нынѣ, —
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.

А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ пуды!..
Раскланяйся — тупеемъ не кивнуть.

Вельможа въ случаѣ тѣмъ паче,

Не какъ другой, и ширъ и ъль иначе.

А дядя! что твой князь, что графъ!
Серьезный взглѣдъ, надменный нравъ!
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.

На куртагѣ ему случилось оступиться —
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.

Старикъ заохаль; голосъ хрюккой...
Быть высочайшею пожалованъ улыбкой —

Изволили смеяться. Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —
Упалъ въ другорядъ — ужъ нарочно!
А хохотъ пуще. Онъ и въ третій также точно.
А? какъ по-вашему?.. По-нашему, смыслень:

Упалъ онъ больно — всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашень?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ? Шутка!
Въ чины выводить кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да. Вы, нынѣшніе, нутка!

ЧАЦКІЙ.

И точно началь свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали
Лбомъ —

Стучали объ поль, не жалѣя!
Кому нужда — тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лесть, какъ кружево, илели.

Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ лициною усердія къ царю!
Я не обѣ дядюшкѣ обѣ вашемъ говорю, —

Его не возмутимъ мы ираха, —
Но между тѣмъ, кого охота забереть,

Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?

А сверстничекъ, а старишокъ
Иной, глядя на тотъ скакочокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговариваль: ахъ, если бы мнѣ тоже;
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Недаромъ жалуютъ ихъ скupo государи.

ФЛУСОВЪ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

ФЛУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякой дышеть,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что говорить! — и говорить, какъ пишеть!

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стуль, поднять платокъ...

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хотеть проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто пугешествуетъ, въ деревнѣ кто живеть...

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаеть!

ЧАЦКІЙ.

Кто служить дѣлу, а не лицамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
Навыстрѣль подѣзжать къ столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣть, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ браилиъ я безпощадно, —
Предоставляю вамъ власть:

Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу,—
Ужъ такъ и быть, я не поплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю.

ЧАЦКІЙ.

Я досоказаль.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнуль я уши.

ЧАЦКІЙ.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ [скороговоркой].

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бываютъ баклушки,
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!...

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ...

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не мое желанье.

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНИЕ III.

СЛУГА [входитъ].

Полковникъ Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ [ничего не видить и не слышать].

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ — какъ пить дадуть.

ЧАЦКІЙ.

Пожаловаль къ вамъ кто-то на домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю — подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю — подъ судъ! подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Да обернитесь — васъ зовутъ.

ФАМУСОВЪ [оборачивается].

А? бунтъ? Ну, такъ и жду содома!

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

ФАМУСОВЪ [встаетъ.]

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
 Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
 Что очень радъ. Пошелъ же, торопись!
 [Слуга уходитъ].

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
 Извѣстный человѣкъ, солидный,
 И знаковъ тыму отличья нахваталъ!
 Не по лѣтамъ и чинъ завѣдный —
 Не нынче, завтра — генералъ!

Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.
 Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!
 Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
 Я всякому, ты знаешь, радъ.
 Въ Москвѣ прибавягъ вѣчно втрое:

Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
 Онъ, можетъ быть, и радъ бы быть душой,
 Да надобности самъ не вижу я большой
 Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;

Вѣдь Софья молода. А впрочемъ, власть Господня,
 Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
 И завиральная идеи эти брось.

Однако, нѣть его! какую бы причину...
 А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.

[Поспѣшно уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЧАЦКІЙ.

Какъ суетится! что за прыты!
 А Софья? Нѣть ли впрямь тутъ жениха какого.

Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужого!

Какъ здѣсь бы ей не быть?

Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредить.

А можетъ быть не только что отецъ...

Ахъ! Тотъ скажи любви конецъ,

Кто на три года въ даль уѣдетъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ

Прошу покорно, здѣсь теплѣе;

Прозябли вы — согрѣемъ васъ;

Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

СКАЛОЗУБЪ [густымъ басомъ].

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?

Сергѣй Сергѣичъ дорогой!

Кладите шляпу, сдѣньте шпагу;

Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

[Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль].

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:

Позвольте намъ своими счастья,

Хоть дальнимп — наслѣдства не дѣлить.

Не знали вы, — а я подавно,—
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ,—
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

СКАЛОЗУБЪ.

Не знаю-сь, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ
мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да! счастье, у кого есть эдакой сынокъ!
Имѣеть, кажется, въ петличкѣ оденокъ?

СКАЛОЗУБЪ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею;
Ему дань съ бантомъ, мнѣ на шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ нравить:
Чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги стать читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ, хватъ!..
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ —
Вакансіи какъ разъ открыты;
То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесеть!

СКАЛОЗУБЪ.

Бываетъ, моего счастливѣя везетъ.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далъ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

ФАМУСОВЪ.

Помилуйте, а вамъ чего недостает?

СКАЛОЗУБЪ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь ли за полкомъ?
Зато, конечно, въ чёмъ другомъ
За вами далеко тянутся.

СКАЛОЗУБЪ.

Нѣтъ-сь, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобы чины добыть есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу —
Миѣ только бы досталось въ генералы.

ФАМУСОВЪ.

И славно судите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ —
Зачѣмъ откладывать бы дальше —
Рѣчь завести объ генералы?

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? Я ипчуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;

Чего? плодятся годъ отъ года?
 А, батюшка, признайтесь, что едва
 Гдѣ сыщется сголица, какъ Москва.

СКАЛОЗУБЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,

На все свои законы есть:

Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,

Что по отцу и сыну честь;

Будь плохенький, да если наберется

Душъ тысячки двѣ родовыхъ,

Тотъ и женихъ.

Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чван-
ствомъ,

Нускай себѣ разумникомъ слыви,

А въ семью не включать, на насъ не подиви.

Вѣдь только здѣсь еще и дорожать дворянствомъ!

Да это ли одно?.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:

Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь,

Дверь отперта для званныхъ и незванныхъ,

Особенно изъ иностранныхъ;

Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ —

Для насъ равнеконько — про всѣхъ готовъ обѣдъ.

Возьмите вы, отъ головы до пятокъ

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,

На юношѣй, сыновъ и внучатъ:

Журпимъ мы ихъ, а если разберешь —

Въ пятнадцать лѣтъ учителей научать!
 А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
 Засудять о дѣлахъ: что слово — приговоръ!
 Вѣдь столбовые все; въ усъ никому не дуютъ
 И обѣ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
 Что если-бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!

Не то чтобъ новизны вводили — никогда,
 Спаси нась, Боже!.. Нѣть... А придерутся
 Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
 Поспорятъ, пошумятъ — и... разойдутся.

Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!

Я вамъ скажу, знать время не приспѣло,
 Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.

А дамы? — сунься кто, попробуй, овладѣй;
 Суды всему вездѣ, надъ ними нѣть судей;
 За картами когда возстануть общимъ бунтомъ —
 Дай Богъ терпѣніе! вѣдь самъ я былъ женатъ.

Скомандовать велите передъ фрунтомъ!

Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!

Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!

Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андреевна!

А дочекъ кто видаль, всякъ голову повѣсь!

Его величество король былъ прусскій здѣсь:

Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ —

Ихъ благонравію, не лицамъ.

И точно, можно ли воспитаннѣе быть!

Умѣютъ же себя принарядить

Тафтпцией, бархатцемъ и дымкой,

Словечко въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;

Французскіе романсы вамъ поютъ

И верхнія выводятъ нотки;

Къ военнымъ людямъ такъ и льнуть,
А потому, что — патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтять!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ [Чацкому].

Эй, завяжи на память узелокъ;
Просилъ я помолчать — не велика услуга.

[Скалозубу].

Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Andreя Ильича покойнаго сынокъ;
Не служить, то есть въ томъ онъ пользы не нахо-
дить;

Но захоти, такъ быль бы дѣловой.

Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишеть, переводить.

Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

ЧАЦКИЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ — всѣ такъ же осуждаютъ.

ЧАЦКИЙ.

А суды кто?.. За древностю лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣсни одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ,
Что старѣе, то хуже.

Гдѣ, укажите намъ, отечства отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?

Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресять клиенты иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшия черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?

Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или воинъ тогъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балеть согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;

Но должниковъ не согласиль къ отсрочки:
Амуры и зефиры всѣ

Распреданы по-одиночкѣ!

Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдь!
Вотъ наши строгіе цѣнители и суды!

Тешерь пускай изъ нась одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣсть, ни повышенья въ чинѣ,
Въ науки онъ внеритъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудить жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекрас-
нымъ, —

Они тотчасъ: разбой! пожарь!
И прослышишь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрываль, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету:

И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть!
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся!
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.

Но кто-бѣ тогда за всѣми не повлекся?

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
 Сюда на время пріѣзжали,
 Кричали женщины: ура!
 И въ воздухъ чепчики бросали!

ФАМУСОВЪ [про себя].

Ужъ вгянеть онъ меня въ бѣду.

[Громко].

Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
 И буду ждать васъ въ кабинетѣ.

[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ VI.

Скалозубъ, Чаккій.

СКАЛОЗУБЪ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
 Искусно какъ коснулись вы
 Предубѣжденія Москвы

Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ
 гвардіонцамъ.

Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ!
 А въ первой арміи когда отстали? въ чёмъ?
 Все такъ прилажено и талыи всѣ такъ узки,
 И офицеровъ вамъ начтемъ,
 Что даже говорять иные по-французски.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Скалозубъ, Чаткій, Софья, Лиза.

Софья [бѣжитъ къ окну].

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!..

[Падаетъ въ обморокъ].

Чаткій.

Кто?

Кто это?

СКАЛОЗУБЪ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чаткій.

Она мертвa со страху.

СКАЛОЗУБЪ.

Да кто? откудова?

Чаткій.

Ушибся обо что?

СКАЛОЗУБЪ.

Ужъ не стариkъ ли нашъ далъ маxу?

ЛИЗА [хлопочетъ около барышни].

Кому назначено-сь — не миновать судьбы!

Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,

А лошадь на дыбы —

Онъ объ землю — и прямо въ темя.

СКАЛОЗУБЪ.

Поводъя затянулъ; ну, жалкій же ъздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ — грудью или въ
бокъ.

[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же, безъ Скалозуба.

ЧАЦКІЙ.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

ЛИЗА.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

[Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполноголоса
до того, какъ Софья очнется].

ЛИЗА.

Стаканъ налейте.

ЧАЦКІЙ.

Ужъ налитъ.

Шнуроку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

ЛИЗА.

Вотъ опахало.

ЧАЦКІЙ.

Гляди въ окно —

Молчалинъ на ногахъ давно!

Бездѣлица ее тревожить.

ЛИЗА.

Да-сь, барышнинъ несчастенъ нравъ:

Со стороны смотрѣть не можетъ,

Какъ люди падаютъ стремглавъ.

ЧАЦКІЙ.

Опрыскивай еще водою.

Вотъ такъ... Еще... Еще.

СОФЬЯ [съ глубокимъ вздохомъ].

Кто здѣсь со мною?

Я точно какъ во снѣ...

[Торопко и громко].

Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

ЧАЦКІЙ.

Пускай себѣ сломилъ бы шею —

Васъ чуть было не уморилъ.

СОФЬЯ.

Убийственны холдностью своею!

Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силь.

ЧАЦКІЙ.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

СОФЬЯ.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!..
ЧАЦКІЙ.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

СОФЬЯ.

На что вы мнѣ?

Да правда: не свои бѣды для васъ забавы.
Отецъ родной убейся — все равно.

[Лизѣ].

Пойдемъ туда, бѣжимъ...

ЛИЗА [отводить ее въ сторону].

Опомнитесь! куда вы?

Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ окно.
[Софья высовываетя въ оконко].

ЧАЦКІЙ.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ, испуга!..
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

СОФЬЯ.

Сюда идутъ. Рукп не можетъ онъ поднять!..

ЧАЦКІЙ.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

ЛИЗА.

Для компаньи?

СОФЬЯ.

Нѣть, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ [съ подвязанной рукой].

СКАЛОЗУБЪ.

Воскресь и невредимъ! рука
Ушиблена слегка;
А вирочемъ все фальшивая тревога.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я васъ перепугалъ: простите, ради Бога.

СКАЛОЗУБЪ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирригация — опрометью вбѣжали,
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали —
И что-жъ? — весь страхъ изъ ничего.

Софья [не глядя ни на кого].

Ахъ! очень вижу: изъ пустова,
А все еще теперь дрожу.

ЧАЦКІЙ [про себя].

Съ Молчалинымъ ни слова!

Софья [попрежнему].

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива. Такъ бываетъ,

Карега свалится, поднимутъ — я опять
 Готова съизнова скакать;
 Но все малѣйшее къ другихъ меня пугаетъ.
 Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
 Хоть незнакомый мнѣ — до этого нѣтъ дѣла.

ЧАЦКІЙ [про себя].

Прощенья просить у него,
 Что разъ о комъ-то пожалѣла!

СКАЛОЗУБЪ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
 Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
 Наѣздница, вдова, — но нѣтъ примѣровъ,
 Чтобъ ъздило съ ней много кавалеровъ, —
 Надняхъ расшиблась въ пухъ:
 Жокей не поддержалъ — считаль онъ, видно, мухъ.
 И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,
 Теперь ребра недостаетъ,
 Такъ для поддержки ищетъ мужа.

СОФЬЯ.

Ахъ, Александръ Андреевичъ! вотъ
 Явитесь вы вполнѣ великодушны:
 Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

ЧАЦКІЙ.

Да-сь, это я сейчасъ явиль
 Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
 И прысканьемъ, и оттираньемъ...
 Не знаю для кого, но вѣсть я воскресиль.

[Береть шляпу и уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ X.

Тъ же, кромѣ Чашкаго.

СОФЬЯ.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

СКАЛОЗУБЪ.

Какъ рано?

СОФЬЯ.

Пораньше. Съѣдутся домашніе, друзья
Потанцоватъ подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

СКАЛОЗУБЪ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался...
Откланяюсь.

СОФЬЯ.

Прощайте.

СКАЛОЗУБЪ [жметъ руку Молчалину].

Вашъ слуга.

[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ XI.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣль остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?

Скажите, какъ у васъ съ рукой?
Не дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлите къ доктору: пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязаль — небольно мнѣ съ тѣхъ порь.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если-бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;

И Скалозубъ, какъ свой хохоль закрутить,
Расскажеть обморокъ, прибавить сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ — вѣдь нынче кто не шутить!

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала;

При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣть, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

СОФЬЯ.

Откуда скрытность почерннуть?

Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно? — пусть шутятъ ихъ; досадно? — пусть
бранятъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не повредила бы вамъ откровенность эта.

СОФЬЯ.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета....

ЛИЗА.

Сидять они у батюшки теперь;

Воть кабы вы порхнули въ дверь

Съ лицомъ веселымъ, беззаботно.

Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!

И Александръ Андреичъ — съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ;

Улыбочка и пара словъ —
И кто влюбленъ — на все готовъ.

МОЛЧАЛИНЪ

Я вамъ совѣтовать не смѣю.

[Цѣлуетъ ей руку].

СОФЬЯ.

Хотите вы?... Пойду любезничать сквозь слезъ;
Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!

[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ XII.

Молчалинъ, Лиза.

МОЛЧАЛИНЪ.

Веселое созданье ты, живое!

ЛИЗА.

Прошу пустить, и безъ меня вѣсъ двое.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какое личико твое! (Хочеть ее обнять).
Какъ я тебя люблю!

ЛИЗА.

А барышню?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ее

Но должности, тебя...

ЛИЗА.

Оть скучи?
Прошу подальше руки!

МОЛЧАНИЙ.

Есть у меня вещицы три:

Есть туалеть — прехитрая работа!

Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,

Кругомъ все прорѣзь, позолота;

Подушечка, изъ бисера узоръ,

И перламутровый приборъ;

Игольничекъ и ножинки — какъ мили!

Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!

Помада есть для губъ и для другихъ причинъ;

Съ духами сткляночки: резеда и жасминъ.

ЛИЗА.

Вы знаете, что я не лыцусь на интересы;

Скажите лучше, почему

Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

МОЛЧАНИЙ.

Сегодня боленъ я: обвязки не сниму.

Приди въ обѣдъ, побудь со мною,

Я правду всю тебѣ открою.

[Уходить въ боковую дверь].

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Софья и Лиза.

СОФЬЯ.

Была у батюшки, — тамъ нѣту никого.
 Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
 Скажи Молчалину и позови его,
 Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
 [Уходить къ себѣ въ комнату].

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ЛИЗА.

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
 Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
 А я... одна лишь я любви до смерти трушу!
 А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Чацкій, потомъ Софья.

ЧАЦКІЙ.

Дождусь ея и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!..
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣль?.. А тотъ —
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви — играть сї въ жмурки.
А мнѣ...

[Входитъ Софья].

Вы здѣсь? я очень радъ.

Я этого желалъ.

СОФЬЯ (про себя).

И очень невпопадъ.

ЧАЦКІЙ.

Конечно не меня искали?

СОФЬЯ.

Я не искала васъ!

ЧАЦКІЙ.

Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и не кстати, нужды нѣть:
Кого вы любите?

СОФЬЯ.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто болѣе вамъ миль?

СОФЬЯ.

Есть многіе родные.

ЧАЦКІЙ.

Всѣ болѣе меня?

СОФЬЯ.

Иные.

ЧАЦКІЙ.

И я чего хочу, когда все рѣшено!

Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшино.

СОФЬЯ.

Хотите ли знать истины два слова?

Малѣйшая въ комъ странность чути видна —

Веселость ваша не скромна:

У васъ тотчасъ ужъ острога готова,

А сами вы...

ЧАЦКІЙ.

А самъ? не правда ли, смѣшонъ?

СОФЬЯ.

Да! грозный взглядъ, п рѣзкій тонъ,

И этихъ въ васъ особенностей бездна,

А надъ собой гроза куда не бесполезна.

ЧАЦКІЙ.

Я страненъ? А не сраненъ кто-жъ?

Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ —

Молчалинъ, напримѣръ...

СОФЬЯ.

Примѣры мнѣ не новы.

Замѣтно, что вы желчъ на всѣхъ излить готовы;

А я, чтобы не мѣшать, отсюда удалюсь.

ЧАЦКІЙ [держитъ ее].

Постойте же! [Въ сторону]. Разъ въ жизни
притворяюсь. [Громко].

Оставимте мы эти пренъя.

Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ;

Быть можетъ онъ не то, что три года назадъ:

Есть на землѣ такія превращенія
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;
Есть люди важные, слыли за дураковъ,

Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ свѣ-
тому,

Особенно въ послѣдніе года,

Что стали умны хоть куда!

Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, гений смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пыл-
кость та,

Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?

Чтобъ сердца каждое біене

Любовью ускорялось къ вамъ?

Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою — вы, вамъ угожденье?...

Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣсить,
Не пожелалъ бы я и личному врагу.

А онъ?... смолчить и голову повѣсить.

Конечно смиренъ — всѣ такие не рѣзвы;

Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита.

Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,

Любуясь имъ, вы придали ему:

Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣш-
нѣ.

Нѣть, нѣть! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоптъ ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,

Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ

Отъ сумасшествія могу я остеречься;
Пущусь подалѣе простыть, охолодѣть,
Не думать о любви, но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься.

СОФЬЯ [про себя].

Вотъ нехотя съ ума свела! [Вслухъ].
Что притворяться?

Молчалинъ давеча могъ безъ руки остаться,
Я живо въ немъ участье приняла;
А вы, слушась на эту пору,
Не позабыли расчестъ,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору;
Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:

Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣнїи къ людямъ такъ не-
скрыту,

Что и смиренѣйшему пощады нѣть?.. чего! —

Случись кому назвать его —

Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васть на это станеть?..

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Боже мой! неужли я пзъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

СОФЬЯ.

Напрасно это вы относите къ другимъ:

Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

ЧАЦКІЙ [съ жаромъ].

Зачѣмъ же вы его коротко такъ узнали?

СОФЬЯ.

Я не старалась. Богъ насть свель.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣль.

При батюшкѣ три года служить,
Тотъ часто безъ толку сердить,
А онъ безмолвиемъ его обезоружить,

Отъ доброты души простить;

И между прочимъ

Веселосгей искать бы могъ —

Ничуть: отъ старичковъ не ступить за порогъ;

Мы рѣзвимся, хохочемъ, —
Онъ съ нимъ цѣлый день засядеть, радъ не радъ,
Играетъ...

ЧАЦКІЙ.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!..

[Бѣ сторону].

Она его не уважаетъ!

СОФЬЯ.

Конечно, иѣть въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,

Который скоръ, блестяще и скоро опротивить,
 Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
 Чтобъ свѣтъ обѣ немъ хоть что нибудь ска-
 заль.

Да этакой ли умъ семейство осчастливить?

ЧАЦКІЙ.

Сатира и мораль смыслъ этого всего? [Въ сторону].
 Она не ставить въ грошъ его.

СОФЬЯ.

Чудеснѣйшаго свойства
 Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
 Въ лицѣ ни тѣни беспокойства,
 И на душѣ проступковъ никакихъ;
 Чужихъ и вкрай и вкось не рубить —
 Вотъ я за что его люблю.

ЧАЦКІЙ [въ сторону].

Шалить! она его не любить. [Вслухъ]
 Докопчить я вамъ пособлю
 Молчалина изображенье.
 Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!
 За армію стоить горой,
 И прямизною стана,
 Лицомъ и голосомъ герой...

СОФЬЯ.

Не моего романа.

ЧАЦКІЙ.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНИЕ II.

Чацкій, Софья, Лиза.

ЛИЗА [шопотомъ].

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

СОФЬЯ.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

ЧАЦКІЙ.

Куда?

СОФЬЯ.

Къ прикмахеру.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ нимъ...

СОФЬЯ.

Щипцы простудить.

ЧАЦКІЙ.

Пускай себѣ...

СОФЬЯ.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако, дайте мнѣ зайти хотя украдкой
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ;

Тамъ стѣны, воздухъ — все пріятно!..
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія обѣ томъ, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты двѣ...
Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалезуба.
[Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается;
за нею Лиза].

ЯВЛЕНИЕ III.

Чацкій, потомъ Молчалинъ.

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало?
Услужливъ, скромненький, въ лицѣ румянецъ есть.
[Входитъ Молчалинъ].
Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и небогатъ словами...
Какою ворожбой умѣть къ ней въ сердце влѣзть
[Обращается къ нему].

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Неудалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

МОЛЧАЛИНЪ.

Поиражнему-сь.

ЧАЦКІЙ.

А прежде какъ живали?

МОЛЧАЛИНЪ.

День за день, нынче какъ вчера.

ЧАЦКІЙ.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

По мѣрѣ я трудовъ и силь,
Съ тѣхъ порь, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

ЧАЦКІЙ.

Взманили почести и знатность?

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

ЧАЦКІЙ.

У васъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Два-съ:

Умѣренность и акуратность.

ЧАЦКІЙ.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Вамъ не дались чины; по службѣ неусиѣхъ?

ЧАЦКІЙ.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ удивлялись мы!

ЧАЦКІЙ.

Какое-жъ диво тутъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Жалѣли васъ.

ЧАЦКІЙ.

Напрасный трудъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

ЧАЦКІЙ.

Ей почему забота?

МОЛЧАНИНЪ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

ЧАЦКІЙ.

Я съ нею не знакомъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ Татьяной Юрьевной?

ЧАЦКИЙ.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...

МОЛЧАЛИНЪ.

Да это полно та ли съ?
Татьяна Юрьевна!.. извѣстная... Притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы сѣздить вамъ...

ЧАЦКИЙ.

На что же?..

МОЛЧАЛИНЪ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

ЧАЦКИЙ.

Я ъезжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до Поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать, и весело пожить?

ЧАЦКИЙ.

Когда въ дѣлахъ, — я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться, — дурачусь;

А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ; я не изъ числа.

МОЛЧАЛИНЪ.

Простите. Впрочемъ, туть не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѹома Ѹомичъ — знакомъ онъ вамъ?

ЧАЦКІЙ.

Ну, что-жъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

ЧАЦКІЙ.

Хорошъ!

Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ можно? слогъ его здѣсь ставить въ образецъ!
Читали вы?..

ЧАЦКІЙ.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образзовыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣть, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
Не сочинитель я...

ЧАЦКІЙ.

И по всему замѣтно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не смѣю моего сужденья произнестъ...

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ жа такъ секретно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же надобно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

ЧАЦКІЙ (почти громко).

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кроме въ спальню Софы. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ.

Слуги суетятся. Одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:

Эй, Филька, Ѹомка, ну, ловчѣй!

Столы для картъ, мѣль, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Софѣ въ дверь).

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
 Наталья Дмитріевна и съ мужемъ, и къ крыльцу
 Еще подъѣхала карета.

[Расходятся, остается одинъ Чацкій].

ЯВЛЕНИЕ V.

Чацкій, Наталья Дмитріевна [молодая дама].

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Не ошибаюсь ли?.. Онь точно, по лицу...

Ахъ, Александръ Андреичъ, вы ли?

ЧАЦКІЙ.

Съ сомнѣнемъ смотрите отъ ногъ до головы;
 Неужго такъ меня три года измѣнили?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
 Давно ли?

ЧАЦКІЙ.

Нынче лишь.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

На долго?

ЧАЦКІЙ.

Какъ случится.

Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?

Полнѣе прежняго, шокорошѣли страхъ;

Моложе вы, свѣжѣе стали;

Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Я замужемъ.

ЧАЦКІЙ.

Давно бы вы сказали.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Мой мужъ прелестный мужъ, воть онъ сейчасъ вой-
деть;

Я познакомлю васъ, — хотите?

ЧАЦКІЙ

Прошу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

О, нѣтъ-сы! не потому,
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Илатонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнныи!
Теперь въ отставкѣ, быль военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжаль,
Конечно быль бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ
Михайловичъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Воть мой Платонъ Михайлычъ!

ЧАЦКІЙ.

Ба!

Другъ старый, мы давно знакомы! Воть судьба!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Здорово, Чацкій, братъ!

ЧАЦКІЙ.

Платонъ любезный, славно!

Похвальный листъ тебѣ: ведешъ себя исправно!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Какъ видишъ, братъ:
Московскій житель и женатъ.

ЧАЦКІЙ.

Забыть шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Нѣть, есть-таки занятья:
На флейтѣ я твержу дүэтъ
А-мольный...

ЧАЦКИЙ.

Что твердиль назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусы въ мужьяхъ всего дороже.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Братъ, женившись, тогда меня вспомянь!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

ЧАЦКИЙ.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ
разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по уграмъ.

ЧАЦКИЙ.

Акто, любезный другъ, велить тебѣ быть наезднымъ?
Въ полкъ! — эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

ЧАЦКИЙ.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Все ревматизмъ и головные боли.

ЧАЦКИЙ.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ городъ любить,
Москву; за что въ глупи онъ дни свои ногубить?

ЧАПКІЙ.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Да, брагъ; теперь не такъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Ахъ, мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣть;
Ты распахнулся весь и растегнулъ жилетъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, брагъ, я не тотъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, — застегнись скорѣй.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ [равнодушно].

Сейчасъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Мой ангель, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ [глаза къ
небу].

Ахъ, матушка!

ЧАЦКІЙ.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!

Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро,—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ [вздыхаетъ].

Эхъ братецъ, славное тогда житъе-то было.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, князь Тогоуховскій и княгиня съ
шестью дочерьми.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА [тоненькимъ
голоскомъ].

Князь Петръ Ильичъ, княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!
[Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ
одна другую съ головы до ногъ].

1-я княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна.

Какія складочки!

1-я княжна.

Обшито бахромой.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Нѣтъ, если-бъ видѣли мой тюрлорлю атласный!

3-я княжна.

Какой эшарть cousin мнѣ подариль!

4-я княжна.

Ахъ, да! — барежевый!

5-я княжна.

Ахъ, прелестъ!

6-я княжна.

Ахъ, какъ миль!

Княгиня.

Ссь! Кто это въ углу,— вошли мы,— поклонился?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.

От-став-ной?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

КНЯГИНИЯ.

И хо-ло-стой?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Да, не женатъ.

КНЯГИНИЯ.

Князь, князь! сюда — живѣе!

КНЯЗЬ [къ ней оборачиваетъ слу-
ховую трубку].

О-хмъ!

КНЯГИНИЯ.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, просп скорѣе
Наталы Дмитріевны знакомаго; вонъ онъ!

КНЯЗЬ.

И-хмъ!

[Отправляется, вѣтсѧ около Чашаго и покапливается].

КНЯГИНИЯ.

Вотъ то-то, дѣтки!

Ихъ баль, а батюшка таскайся на поклонъ:
Танцовщики ужасно стали рѣдки!..
Онъ камеръ-юнкеръ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Нѣть.

КНЯГИНА.

Богатъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

О, нѣтъ!

КНЯГИНА.

Князь, князь! назадъ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано прѣѣзжаетъ?

Мы первыя! [Пропадаешь въ боковую комнату].

КНЯГИНА.

Вотъ нась честить!

Вотъ первая, и нась за никого считаетъ?

Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее проститъ!

ГРАФИНА ВНУЧКА.

[Вернувшись, направляетъ на Чапкаго двойной лорнетъ].
Мысё Чапкій! вы въ Москвѣ? Какъ были, все такие!

ЧАПКІЙ.

На что мѣняться мнѣ?

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Вернувшись холостые?

ЧАЦКИЙ.

На комъ жениться мнѣ?

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?

О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусствницами модныхъ лавокъ.

ЧАЦКИЙ.

Несчастные! должны-ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ **Загорѣцкій**. Мужчины являются, шаркаютъ, отходя въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. **Софья** отъ себя выходитъ; всѣ ей на встрѣчу.

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Eh, bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

СОФЬЯ.

НѢТЬ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услугить. Зато
Куда я ни кидался?
Въ контору — все взято,
Къ директору — онъ мнѣ пріятель —
Съзарей въ шестомъ часу, и кстати-ль?
Ужь съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему, — всѣхъ сбились я съ
ногъ.

И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного: старикъ онъ хилый,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ, —
Пусть дома просидить въ покоѣ!

СОФЬЯ.

Благодарю васъ за билетъ
А за сгаранье вдвое.

[Невидятъ еще кое-какие. Между тѣмъ временемъ Загорѣцкій
отходитъ къ мужчинамъ].

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Илатаонъ Михайлычъ!..

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Прочь!

Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь,
Я правду объ тебѣ поразскажу такую,

Что хуже всякой лжи. [Чацкому] Воть, братъ, рекомендую!

Какъ этакихъ людей учтивѣ зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ —
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

При немъ остерегись; переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продасть!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Оригиналь! брюзглизъ, а безъ малѣйшей злобы!
ЧАЦКІЙ.

И оскорбиться вамъ смѣшно бы...
Окромъ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

ИЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Охъ нѣть, братецъ! у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.

[Загорѣцкій мѣшается въ толпу].

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Хлестова.

ХЛЕСТОВА [Софья].

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Ташиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученѣе!
Часъ битый ѿхали съ Покровки — силы нѣть!
Ночь — свѣта представленье:

Огъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачку.

Бели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужна сопли подачку.

Княгиня, здравствуйте! [Съла]. Ну, Софьюшка, мой
другъ,

Какая у меня арапка для услугы!

Курчавая, горбомъ лопатки!

Сердитая! всѣ кошачы ухватки!

Да какъ черна! да какъ страшна!

Вѣдь создаль же Господь такое племя!

Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...

Позвать ли?

СОФЬЯ.

Нѣть-сь, въ другое время.

ХЛЕСТОВА.

Представь, ихъ какъ звѣрей выводятъ на показъ,
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...

А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?

Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

[Загорѣцкій выставляется впередъ].

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ;

[Загорѣцкій исчезаетъ].

Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услугить: мнѣ и сестрѣ Прасковѣ
Двоихъ арацченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говорить,—чай, въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровья!

ЧАЦКІЙ [со смѣхомъ Платону Михайловичу].

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

ХЛЕСТОВА.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

СОФЬЯ.

Вотъ этотъ? Чаткій.

ХЛЕСТОВА.

Ну, а что нашелъ смѣшного?

Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.

Я помню, ты дитѣй съ нимъ часто танцевала,
Я за уши его дирала, — только мало.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же и Фамусовъ.

ФАМУСОВЪ [громогласно].

Ждемъ князь Петръ Ильичъ,
А князь ужъ здѣсь! — а я забылся тамъ въ портрет-
ной.

Гдѣ Сколозубъ, Сергій Сергіевичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтный,
Сергій Сергіевичъ Сколозубъ.

ХЛЕСТОВА.

Творецъ мой! оглушилъ: звончье всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тъ же и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы вѣсъ ждали, ждали, ждали!
[Подводить къ Хлестовой].
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Обѣ вѣсъ говорено.

ХЛЕСТОВА [сидя].

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гре-
надерскомъ?

СКАЛОЗУБЪ [басомъ].

Въ его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянскомъ мункаторскомъ?

ХЛЕСТОВА.

Не мастерица я полки-то различать.

СКАЛОЗУБЪ.

А форменные есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

ФАМУСОВЪ [Скалозубу].

Пойдемте, батюшка, тамъ вѣсъ я посмѣши:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу!
(Его и князя уводить съ собою).

ХЛЕСТОВА [Софья].

Ухъ! я точнехонько пзбавилась отъ петли!

Вѣдь полоумный твой отецъ:

Дался ему трехъ сажень удалецъ,
Знакомить, не спросясь, пріятно ли намъ, иѣтъ ли?

МОЛЧАЛИНЪ [подаєтъ ей карту].

Я вашу партю составилъ: мосьё Кокъ,
Ѳома Ѹомичъ и я.

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой дружокъ! [Встаетъ].

МОЛЧАЛИНЪ.

Вашъ шпицъ — прелестный шпицъ! не болѣе на-
перстка!

Я гладилъ все его: какъ шелковая — шерстка!

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой родной!

[Уходитъ, за нею Молчалинъ и многіе другіе].

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько посторонникъ, которые въ
продолженіе дѣйствія расходятся.

ЧАЦКІЙ.

Ну, тучу разогналъ...

СОФЬЯ.

Нельзя-ль не продолжать!

ЧАЦКІЙ.

Чѣмъ васть я нашугаль?

За то, что онъ смягчилъ разгнѣвannую гостью,
Хотѣль я похвалить...

СОФЬЯ.

А кончили бы злостью.

ЧАЦКІЙ.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:

Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ какъ громовой отводь,—
Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно все уладить?
Тамъ моську во-время шогладить,
Тутъ въ пору карточку вотреть;
Въ немъ Загорѣцкій не умреть!
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли — да.

[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Софья, потомъ Г. Н.

СОФЬЯ [про себя].

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, колынуть, — завистливъ, гордъ и
золь!

Г. Н. [подходитъ].

Вы въ размышленыи.

СОФЬЯ.

Объ Чапкомъ.

Г. Н.

Какъ его напили по возвращеньи?

СОФЬЯ.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. Н.

Ужли съ ума сошелъ?

СОФЬЯ [помолчавши].

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. Н.

Однако есть примѣты?

СОФЬЯ [смотритъ на него пристально].

Мнѣ кажется...

Г. Н.

Какъ можно, въ эти лѣты!

СОФЬЯ.

Какъ быть! [Въ сторону].

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чапкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,

Угодно-ль на себѣ примѣрить?

[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ XV.

Г. Н., потомъ Г. Д.

Г. Н.

Съ ума сошелъ. Ей кажется... вотъ на!
Недаромъ, стало быть... съ чего взяла она?
Ты слышалъ?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Объ Чацкомъ?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

Съ ума сошелъ.

Г. Д.

Пустое!

Г. Н.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. Д.

А ты разславить это радъ?

Г. Д.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто нибудь да знаетъ.
[Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Г. Д., потомъ Загорѣцкій.

Г. Д.

Вѣрь болтуну!

Услышить вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ну?

Г. Д.

Съ ума сошелъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, знаю, помню, слышаль.

Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вы-
шелъ;

Его въ безумные упраталъ дядя плугъ...
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. Д.

Помилуй! онъ сей часъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ съ цѣпей, стало, быть спустили.

Г. Д.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газеть,

Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошую. Однако, чуръ, секретъ!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Загорѣцкій, потомъ графиня внучка.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Объ комъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедший...

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Что?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да онъ сошелъ съ ума!

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Представьте! Я замѣтила сама!
И хоть пари держать, — со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тъ же и графиня бабушка.

ГРАФИНИЯ ВНУЧКА.

Ah, grand'maman! вотъ чудеса! вотъ ново!

Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести! вотъ мило!..

ГРАФИНИЯ БАБУШКА [шепелявить].

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
Скажи погромче...

ГРАФИНИЯ ВНУЧКА.

Время нѣтъ!

[Указываетъ на Загорѣцкаго].

Il vous dira toute l'histoïre...

Пойду, спрошу. [Уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Загорѣцкій и графиня бабушка.

ГРАФИНИЯ БАБУШКА.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Нѣть, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

ГРАФИНИЯ БАБУШКА.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

ЗАГОРЪЦКІЙ.

Въ горахъ быль раненъ въ лобъ,
Сонелъ съ ума отъ раны.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Что? Къ фармазонамъ въ клубъ?
Пошелъ онъ въ басурманы?

ЗАГОРЪЦКІЙ.

Ее не вразумиши. [Уходитъ]

ГРАФИНЯ БАБУШКА

Антонъ Антоныч! Ахъ!..
И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

ЯВЛЕНИЕ XX.

Графиня бабушка и князь Тугоуховскій.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ
чуть дышетъ!
Князь, слышали?

КНЯЗЬ.

А-хмъ?

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ быль?

КНЯЗЬ.

Э? ХМЪ?

ГРАФИНА БАБУШКА.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватиль?

КНЯЗЬ.

И? ХМЪ?

ГРАФИНА БАБУШКА.

Тесакъ ему да ранецъ.

Въ солдаты! Шутка ли,—перемѣнилъ законъ!

КНЯЗЬ.

У-ХМЪ?

ГРАФИНА БАБУШКА.

Да!.. въ басурманахъ онъ!

Ахъ, окаянный волтерьянецъ!

Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.

Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Тъ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитриевна, графиня внучка, княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!

Да невзначай! да какъ проворно!

Ты, Софья, слышала?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Кто первый разгласилъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

ФАМУСОВЪ [входя].

О чѣмъ, о Чапкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
Попробуй о властяхъ, и не-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

ХЛЕСТОВА.

Туда же изъ смѣшилыхъ!
Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Меня модисткою изволилъ величать!

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

А мужу моему совѣть далъ жить въ деревнѣ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Безумный по всему.

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Я видѣла изъ глазъ.

ФАМУСОВЪ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

ХЛЕСТОВА.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенія!

Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пиль не по лѣтамъ?

КНЯГИНИЯ.

О, вѣрно...

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Безъ сомнѣнія.

ХЛЕСТОВА.

Шампанское стаканами тянуль.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Бутылками-съ — и пребольшими.

ЗАГОРѢЦКІЙ [съ жаромъ].

Нѣть-съ, бочками сороковыми.

ФАМУСОВЪ.

Ну, вотъ! великая бѣда,

Что выпить лишнее мужчина!

Ученѣе — вотъ чума, ученость — вотъ причина,

Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

ХЛЕСТОВА.

И врѣмь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансионовъ, школъ, лицеевъ... какъ биши ихъ?
Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

КНЯГИНЯ.

Нѣть, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій — такъ, кажется, зовутъ?..
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣры
Професора! у нихъ учился нашъ родня
И вышелъ, — хоть сейчасъ въ аптеку, въ подма-
стеръ!

Отъ женщинъ бѣгаешь и даже отъ меня!
Чиновъ не想要 знать! Онъ химикъ, онъ бота-
никъ —

Князь Федоръ, мой илемянникъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Я вѣсъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гим-
назій:

Тамъ будутъ лишь учили по-нашему: разъ, два!
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣть! ужъ коли зло пресѣчь, —
Забрать всѣ книги бы да сжечь.

ЗАГОРѢЦКІЙ [съ кротостью].

Нѣть-сь, книги книгамъ рознь. А если-бъ, между
нами,

Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни — смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!

Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари.

ХЛЕСТОВА.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль,
А Чацкаго мнѣ жаль.

По-христіански, такъ, онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

ФАМУСОВЪ.

Четыре.

ХЛЕСТОВА.

Три, сударь.

ФАМУСОВЪ.

Четыреста.

ХЛЕСТОВА.

Нѣть, триста!

ФАМУСОВЪ.

Въ моемъ календарѣ...

ХЛЕСТОВА.

Всѣ врутъ календари!

ФАМУСОВЪ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста, прошу понять.

ХЛЕСТОВА.

Нѣть! триста, триста, триста!

ЯВЛЕНИЕ XXII.

ТѢ ЖѢ ВСѢ И ЧАЦКІЙ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Вотъ онъ!

ГРАФИНА ВНУЧКА.

Шшь!

ВСЪ.

Шшь! [пятится отъ него въ противную сторону].

ХЛЕСТОВА.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Заглянетъ драку онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ.

ФАМУСОВЪ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насы!

[Опасливо].

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ!
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

ЧАЦКІЙ.

Да, мочи нѣгы! Мильонъ терзаній
Груди оть дружескихъ тисковъ,
Ногамъ оть шарканья, ушамъ оть восклицаній,
А пуще головъ оть всякихъ пустяковъ.

[Подходитъ къ Софье].

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ ската
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.

Нѣть, недоволенъ я Москвой!

ХЛЕСТОВА.

Москва, вишь, виновата!

ФАМУСОВЪ.

Подальше отъ него! [Дѣлаетъ знакъ Софье].

Гмъ, Софья! — Не глядить!

СОФЬЯ [Чацкому].

Скажите, что васъ такъ гнѣвигъ?

ЧАЦКІЙ.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собрать вокругъ себя родъ вѣча

И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхать, и нашель, что ласкамъ нѣть конца,
Ни звука русскаго, ни русскаго лица

Не встрѣтиль: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—

Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!
Такой же толкъ у дамъ, такие же наряды...

Онъ радъ, но мы не рады.

Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ

Тоска, и оханье, и стонъ:

«Ахъ! Франція! Нѣть въ мірѣ лучшіе края!» —

Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.

Куда дѣваться отъ княженъ!

Я одаль возсылалъ желанья

Смиренныя, однако вслухъ,

Чтобъ пстребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,

Кто могъ бы словомъ и примѣромъ

Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Пускай меня объявлять старовѣромъ,
Но хуже для меня напѣ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ, на но-
вый ладъ,

И нравы, и языки, и старину святую,
И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенія связаны и не краса лицу.
Смѣшные, бритые, сѣдыя подбородки!..

Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!..
 Ахъ, если рождены мы все перениматъ,
 Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
 Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
 Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
 Хотя по языку нась не считаль за нѣмцевъ.
 «Какъ европейское поставить въ параллель
 «Съ национальнымъ — странно что-то!
 «Ну, какъ перевести мадамъ, мадмуазель?
 «Ужли — сударыня?» — забормоталъ мнѣ кто-то...

Вообразите, тутъ у всѣхъ

На мой же счетъ поднялся смѣхъ.

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!»

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!»

Я, разсердясь и жизнь кляня,

Готовиль имъ отвѣтъ громовыи,

Но всѣ оставили меня.

Вотъ случай вамъ со мною, — онъ не новый.
 Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
 Что человѣкъ изъ города Бордо:

Лишь ротъ открылъ, имѣеть счастье

Во всѣхъ княженъ вселять участье.

И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ

другъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудря-
 выхъ,

Въ чьей, по несчастью, головѣ

Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ;

И онъ осмѣлится ихъ гласно обѣявлять —

Глядь...

[Оглядывается; всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ].

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу, справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крылью и швейцарская ложа; слѣва, на одномъ же планѣ комнаты Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные сидятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди
ихъ лакеи.

ЛАКЕЙ.

Графини Хрюминой карета!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА [покуда ее укуты-
ваютъ].

Ну, балы! Ну! Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!

Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцевать.

ГРАФИНА БАБУШКА.

Поѣдемъ, матушка! мнѣ, право, не подъ силу!

Когда нибудь я съ бала да въ могилу.

[Обѣ уѣзжаютъ].

ЯВЛЕНИЕ II.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмит-
ріевна.

Одинъ лакей около нихъ хлопочеть, другой у подъѣзда кри-
читъ:

Карета Горича!

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Мой ангелъ, жизнь моя,

Бездѣнныи, душечка, что смотришь такъ уныло?
[Цѣлуетъ мужа въ лобъ].

Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,

До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь—твой работникъ;
Дежурю за полночь; подчасъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика!

[Уходитъ съ лакеемъ].

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ [хладнокровно].

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нась неволить?
Вѣдь сказано-жъ, иному на роду...

ЛАКЕЙ [съ крыльца].

Въ каретѣ барыня-сь и гнѣваться изволить.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ [со вздохомъ].

Иду, иду!
[Уѣзжаютъ].

ЯВЛЕНИЕ III.

Чацкій и лакей его впереди.

ЧАЦКІЙ.

Кричи, чтобы скорѣе подавали.

[Лакей уходитъ].

Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнъ душу наполняли...

Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?

Крикъ! радость! обнялись!.. Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,

Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди:

Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѿдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво

Домчались къ отдыху. Ночлегъ Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно! мочи нѣть! чѣмъ больше думать станешь...

[Лакей возвращается].

Готово?

ЛАКЕЙ.

Кучера-сь **нигдѣ**, вишь, не найдутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пошелъ, ищи. Не ночевать же тутъ.

[Лакей опять уходитъ].

ЯВЛЕНИЕ IV.

Чацкій, Репетиловъ вбѣгаєтъ съ крыльца; при са-
момъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется.

РЕПЕТИЛОВЪ

Тыфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?

Сердечный другъ! любезный другъ! *mon cher!*
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты.

Сейчасъ... растолковать прошу,—
Какъ будто зналъ, сюда сѣвшу —
Хватъ, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,

Что Репетиловъ вреть, что Решетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,

Любовь какая-то и страсть.
 Готовъ я душу прозаклать,
 Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
 Такого вѣрнаго, ей-ей;
 Пускай лишусь жены, дѣтей,
 Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
 Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
 Да разразить меня Господь...

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня — естественное дѣло:
 Съ другими я и такъ и сякъ,
 Съ тобою говорю несмѣло;
 Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Ругай меня; я самъ кляну свое рожденье,
 Когда подумаю, какъ время убиваль.
 Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ Ѳхать спать ложиться.
 Коли явился ты на баль,
 Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла днѧ
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!

Читаль ли ты?.. есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читаль? задача для меня.

Ты Репетиловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ —

Я это имя заслужилъ:

Людьми пустыми дорожилъ,

Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!

Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!

Игралъ, проигрывалъ, въopeку взять указомъ!

Танцовщицу держалъ и не одну —

Трехъ разомъ!

Ниль мертвую! не спалъ ночей по девяти!

Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же мѣру.

Есть отъ чего въ отчаянье прийти.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролеть.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что, ночь одна не въ счетъ!
Зато спроси, гдѣ былъ.

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ. Чтобы исповѣдь на-
чать,—

Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуста молчи — я слово даль молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ? Въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашней прогнать и васъ, и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя берегъ:
Вслухъ, громко говоримъ — никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ,

Частенько слушаю, не разжимая губъ;
 Мнѣ не подъ силу, братъ; я чувствую, что глупъ.
 Ахъ, Alexandre! У насть тебя не доставало.
 Послушай, миленький, потѣшь меня хоть мало:
 Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на ходу.

Съ какими я тебя сведу
 Людми! Ужъ на меня нисколько не похожи.
 Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскакчу?
 Зачѣмъ? Въ глухую ночь?.. Домой! — я спать хочу.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э, брось! кто нынчеспигъ? Ну, полно, безъ прелюдій.
 Рѣшись, а мы!.. у насть... рѣшительные люди,
 Горячихъ дюжина головъ!
 Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ!..

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы — и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
 Но государственное дѣло.
 Оно, вѣтъ видишь, не созрѣло, —
 Нельзя же вдругъ.

Что за люди, топ cher! безъ дальнихъ я исторій

Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! нась со смѣху морить!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка

И такъ же онъ сквозь зубы говорить,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.

Ты не знакомъ? О, познакомъся съ нимъ.

Другой — Воркуловъ Евдокимъ.

Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!

Послушай, милый, особливо

Есть у него любимое одно:

«А ноиъ ла-шьяръ ми, но-но-но!»

Еще у нась два брата:

Левонъ и Боринька — чудесные ребята!

Объ нихъ не знаешь что сказать.

Но если генія прикажете назвать, —

Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!

Ты сочиненія его

Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?

Прочти, братецы! Да онъ не пишеть ничего!

Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то

И приговаривать: писать, писать, писать!

Въ журналахъ можешь ты однако отыскать

Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣчто.

Объ чемъ биши Нѣчто? — обо всемъ,

Все знать; мы его на черный день пасемъ.

Но голова у нась, какой въ Россіи вѣту,

Не надо называть, узнаешь по портрету:

Ночной разбойникъ, дуэлисть,

Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ

И крѣпко на руку нечисть.

Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ обѣ честности высокой говорить,
 Какимъ-то демономъ внушаешьъ,
 Глаза въ крови, лицо горитъ,
 Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
Воть люди, есть ли имъ подобные? Наврядъ.
Ну, между ними я конечно заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ, — подумать ужасъ!
Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужасъ,
 Засяду — часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подципятъ,
И въ-шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣнятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
 Братъ, смѣйся, а что любо — любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Даль сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ миль.
 Совру — простятъ...

ЛАКЕЙ [у подъѣзда].

Карета Скалозуба!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Чья?

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Скалозубъ спускается съ лѣстницы
 РЕПЕТИЛОВЪ [къ нему навстрѣчу].
А! Скалозубъ, душа моя!
 Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
 [Душить его въ объятіяхъ].

ЧАЦКІЙ.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?

[Входитъ въ швейцарскую].

РЕПЕТИЛОВЪ [Скалозубу].

Слухъ обѣ тебѣ давно затихъ;

Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.

Знакомы вы? [Ищетъ глазами Чаткаго]. Упрямецъ ускакаль!

Нѣть нужды. Я тебя нечаянно сыскаль,

И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:

У князь-Григорія теперь народу тьма;

Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.

Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!

Всю ночь толкуютъ — не наскушать;

Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой.

А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научагь,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

СКАЛОЗУБЪ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь!

Скликай другихъ; а если хочешь,

Я князь-Григорію п вамъ

Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:

Онъ въ три шеренги васъ построитъ,

А пикнете, такъ мигомъ успокоить.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:

И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтиль,

Какъ можетъ быть никто и никогда.
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣ-
тиль,
А я

Къ нему въ зятья
Шель напрямикъ, безъ дальней думы;
Съ его женой и съ нимъ шускался къ реверси,
Ему и ей такія суммы
Спустиль, чго Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возль дома построилъ,
Съ колоннами, огромный. Сколько стоилъ!..
Женился наконецъ на дочери его,
Приданаго взять — шишъ, по службѣ — ничего.
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми, далегче-ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, шишащая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ адресъ-календарь...
Тыфу! служба и чины, кресты — души мытарства.
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства,
Желудокъ болыше не варитъ...
[Останавливается, увидя, что Загорѣцкій застушилъ мѣсто
Скалозуба, который покудова уѣхалъ].

ЯВЛЕНИЕ VI.

Репетиловъ, Загорѣцкій.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Позвольте продолжать; вамъ искренно признаюсь,
Такой же я, какъ вы, ужасныи либераль!
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!..

РЕПЕТИЛОВЪ [съ досадой].

Всѣ врознь, не говоря ни слова!

Чуть изъ виду однѣ—гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Онъ не глупъ.

Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякие турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!

Мы съ нимъ... у насъ одни и тѣ же вкусы.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Какая чепуха!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Вранье!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Спросите всѣхъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Химеры!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Диchy!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь и княгиня
съ шестью дочерьми, немного погодя Хлесто-
ва спускается съ парадной лѣстницы; Молчалинъ
ведеть ее подъ руку. Лакей въ суетахъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 КНЯЖНА.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣніе?

2-я княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3-я княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!..

4-я княжна.

Ахъ, вѣсти старыя. Кому же онъ новы?

5-я княжна.

Кто сомнѣвается?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да вотъ не вѣрить...

6-я княжна.

Вы?

ВСЪ ВМѢСТЬ.

Мсьё Репетиловъ! вы? — Мсьё Репетиловъ! что вы? —
Да какъ вы? — Можно-ль противъ всѣхъ! —
Да почему вы? — Стыдъ и смѣхъ!

РЕПЕТИЛОВЪ [затыкаетъ себѣ уши].

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

КНЯГИНИЯ.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!

Давно бы запереть пора.

Послушать, такъ его мизинецъ.

Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!

Я думаю, онъ просто якобинецъ,

Вашъ Чацкій... Ёдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишу или Зази: мы сядемъ въ шестимѣстной.

ХЛЕСТОВА [съ лѣсгиной].

Княгиня, карточный должокъ.

КНЯГИНИЯ.

За мною, матушка!

ВСѢ [другъ къ другу].

Прощайте!

[Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже].

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Репетиловъ, Хлестова, Молчалинъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Царь небесный!

Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ!
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

ХЛЕСТОВА.

Такъ Богъ ему судилъ, а вирочемъ,
Полечать—вылечать авось!

А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось.

Изволилъ во·время явиться!

Молчалинъ, вотъ чуланчикъ тво
Не нужны проводы: поди, Господь съ тобой.

[Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату].
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься.

[Уѣзжаетъ].

ЯВЛЕНИЕ IX.

Репетиловъ [съ своимъ лакеемъ].

РЕПЕТИЛОВЪ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда нибудь!

[Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснеть]

ЯВЛЕНИЕ X.

Чацкій [выходитъ изъ швейцарской].

Что это? слышалъ я моими ли ушами?!
Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нельпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О! если-бъ кто въ людей проникъ,
Что хуже въ нихъ — душа или языкъ?
Чье это сочиненіе?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бываютъ —

И вотъ общественное мнѣніе!
И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздѣ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣсть.
А Софья знаетъ ли? — Конечно, рассказали.
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ

Потѣшилась, и правда, или нѣтъ —

Ей все равно; другой ли, я ли —
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожить,
Но этотъ обморокъ, безшамятство откуда?

Нервъ избалованность, причуда?
Возбудить малость ихъ, и малость утишить...
Я признакомъ почельживыхъ страстей... Ни крошки!
Она конечно бы лишилась такъ же силъ,

Когда бы кто нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки.

СОФЬЯ [надъ лѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчкою].
Молчалинъ, вы? [Поспѣшило опять дверь припраетъ].

ЧАДКІЙ.

Она! она сама!

Ахъ, голова горитъ, вся кровь моя въ волненіи.
Явилась! нѣтъ ея! неужели въ видѣніи?

Не впрямь ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я точно приготовленъ;
Но не видѣніе тутъ — свиданья часть условленъ,
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина — вотъ комната его.

ЛАКАЕЙ [съ крыльца].

Каре...

ЧАЦКИЙ.

Сесь! [выталкиваетъ его вонъ].

Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучшее сразу,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется!.. [Прячется за колонну].

ЯВЛЕНИЕ XI.

Чацкий спрятанъ, **Лиза** со свѣчкой.

ЛИЗА.

Ахъ, мочи нѣть! робѣю!
Въ пустыя сѣни, въ ночь! боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ.
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
И Чацкий какъ бѣльмо въ глазу;
Виши, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу.
[Осмотривается].
Да, какъ же! по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра поберегъ,
Домой — и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
[Стучится къ Молча лину..]
Послушайте-съ! извольте-ка проснуться:
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!..
Да поскорѣй, чтобъ не застали.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Чацкій за колонпою, **Лиза**, **Молчалинъ** потягиваются и зѣваетъ, **Софья** крадется сверху.

ЛИЗА.

Вы, сударь, камень! сударь, леды!

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?

ЛИЗА.

Огъ барышни-сь.

МОЛЧАЛИНЪ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жил-
кахъ

Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебъ лишь только на посыпкахъ?

ЛИЗА.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы;
Пригожъ и миль — кто не доѣсть
И не доспить до свадьбы.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

ЛИЗА.

А съ барышней?

МОЛЧАЛИНЪ.

Поди!

Надежды много впереди, —
Безъ свадьбы время проволочимъ.

ЛИЗА.

Что вы, сударь! да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другого прочимъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павель Аѳанасьевъ разъ
Когда нибудь поймаеть насть,
Разгонить, ироклянеть!.. Да что?.. открыть ли душу?
Я въ Софье Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато.
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбить, какъ его.
Мой ангельчикъ, желаль бы въ половину
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ;
Да нѣть: какъ ни твержу себѣ;
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь — и простыну.

СОФЬЯ [въ сторону].

Какія низости!

ЧАЦКІЙ [за колонною].

Подлецъ!

ЛИЗА.

И вамъ не совѣстно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ завѣщаль отецъ:
Во-первыхъ, угоджать всѣмъ людямъ безъ изъ-
ятъя —

Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чистить платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

ЛИЗА.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

МОЛЧАЛИНЪ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

ЛИЗА.

Который кормить и поить,
А пногда и чиномъ наградить?
Пойдемте же, довольно толковали.

МОЛЧАЛИНЪ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали.

Дай, обниму тебя отъ сердца полноты.

[Лиза не дается].

Зачѣмъ она не ты?

[Хочетъ идти, Софья не пускаеть].

СОФЬЯ [почти шопотомъ; вся
сцена въ полголоса].

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...

Ужасный человѣкъ? Себя я, стѣнъ стыжусь!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ!.. Софья Павловна!

СОФЬЯ.

Ни слова, ради Бога!

Молчите, — я на все рѣшусь!

МОЛЧАЛИНЪ.

[Бросается на колѣна. Софья отталкиваетъ].

Ахъ, вспомните!.. не гнѣвайтесь, взгляните!..

СОФЬЯ.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!

Вспоминанія!.. какъ острый ножъ онѣ...

МОЛЧАЛИНЪ [ползаетъ у ногъ ея].

Помилуйте...

СОФЬЯ.

Не подличайте, встаньте!

Отвѣта не хочу, — я знаю вашъ отвѣтъ:

Солжете...

МОЛЧАЛИНЪ.

Сдѣлайте мнѣ милость!..

СОФЬЯ.

Нѣть, нѣть, нѣть!..

МОЛЧАЛИНЪ.

Шутиль, и не сказалъ я ничего окромѣ...

СОФЬЯ.

Отстаньте, говорю; сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ
И погублю себя и васъ!

[Молчалинъ встаетъ].

Я съ этихъ поръ васъ будто не знавала.

Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать — не стоите вы ихъ;
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ вы прикажете.

СОФЬЯ.

Иначе разскажу

Всю правду батюшкѣ съ досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.

Подите... Стойте!.. будьте рады,
Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались робости вы болѣе во нравѣ,

Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.
Въ васъ менѣше дерзости, чѣмъ кривизны души.

Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала:
Нѣть укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давеча, когда я въ обморокъ упала,—
Здѣсь Чаккій былъ...

ЧАЦКІЙ [бросается между ними].
Она здѣсь, притворщица!

ЛИЗА И СОФЬЯ.

Ахъ! Ахъ!..

[Лиза свѣчку роняетъ съ испугу; Молчалинъ скрывается
къ себѣ въ комнату].

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ Молчалина.

ЧАЦКІЙ.

Скорѣе въ обморокъ! — теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давишиней причина есть тому.

Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!

Вотъ я пожертвованъ кому?

Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣриль!

Глядѣль и видѣль — и не вѣриль!

А милый, для кого забыть

И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?

Людей съ душой гонительница, бичъ! —

Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

СОФЬЯ [вся въ слезахъ].

Не продолжайте; я виню себя кругомъ!..
Но кто бы думать могъ, чтобы быть онъ такъ ко-
варенъ!

ЛИЗА.

Стукъ! шумы! Ахъ, Боже мой, сюда бѣжитъ весь
домъ!
Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодаренъ!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ, толпа слугъ
со свѣчами.

ФАМУСОВЪ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя всѣ лица!
Дочь!.. Софья Павловна!.. Срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять она,
Какъ мать ея, покойница жена.
Бывало, я съ дражайшой половиной
Чуть врознь—ужъ гдѣ нибудь съ муж-
чиной!

Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпota напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ?..

ЧАЦКІЙ [Софъѣ].

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

ФАМУСОВЪ.

Братъ, не финти! не дамся я въ обманъ!

Хоть подеритесь — не повѣрю.

Ты, Фплька! ты прямой чурбанъ!

Въ пвейцары произвѣль лѣнивую тетерю!

Не знаетъ ни про что, не чуетъ нпчего!..

Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?

Сѣней не заперь для чего?

И какъ не досмотрѣль? и какъ ты не дослышалъ?

Въ работу васъ! на поселенеъ васъ!

За грошъ меня продать готовы!

Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы!

Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!

Постой же, я тебя исправлю:

Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!

Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:

Еще дня два терігїнія возьми, —

Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;

Подалѣе отъ этихъ хватовъ,

Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!

Тамъ будешь горе горевать,

За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.

А васъ, сударь, прошу я толкомъ

Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;

И вапа такова послѣдняя черта,

Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!

Я постараюсь, въ набать я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,

И оглашу во весь народъ;
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю...

ЧАЦКІЙ [послѣ нѣкотораго мол-
чанія].

Не образумлюсь... Виновать!

И слушаю — не понимаю!

Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...

Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю...

[Съ жаромъ].

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, ду-
маль, близко!

Прѣдъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Быть расточитель нѣжныхъ словъ!

А вы! о, Боже мой! кого себѣ избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли?

Зачѣмъ меня надеждой завлекли?

Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,

Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въобоихъ нась, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!

Дышалъ и ими жиль, быть занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мой прїездъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — все противно;
Я съ вами тотчасъ бы сношенія престѣкъ,

И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,

Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ...

[Насмѣшливо].

Вы помиритесь съ нимъ по размышленыи зрѣломъ:

Себя крушить, и для чего?

Подумайте, всегда вы можете его

Беречь, и пеленать, и посыпать за дѣломъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, пзъ женинныхъ пажей —

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,

Желаю вамъ дремать въ невѣдѣни счастливомъ.

Я сватаньемъ своимъ не угрожаю вамъ.

Другой найдется благонравный,

Низкопоклонникъ и дѣлецъ,

Достоинствами, наконецъ,

Онъ будущему тестю равный.

Такъ! отрезвился я сполна,

Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!

Теперь не худо-бѣ было сряду

На дочь и на отца,

И на любовника глупца,

И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.

Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?

Всѣ гонять! всѣ клянуть! мучителей толпа,

Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,

Разскащиковъ неукротимыхъ,

Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,

Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,

Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..

Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ —

Вы правы: изъ огня тотъ выйдегъ невредимъ,
 Кто съ вами день пробыть успѣть,
 Подышеть воздухомъ однимъ,
 И въ комъ разсудокъ уцѣлѣть.
 Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ъздокъ.
 Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
 Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
 Карету мнѣ, карету!
 [Уѣзжаетъ].

ЯВЛЕНИЕ XV.

Тѣ же, кроме Чайкаго.

ФАМУСОВЪ [долгое время стоять
 въ остолбенѣніи].

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?
 Скажи серьезно!
 Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололь!
 Низкопоклонникъ! тестъ! и про Москву такъ грозно!
 А ты меня рѣшилась уморить!
 Моя судьба еще ли не плачевна!
 Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить
 Княгиня Марья Алексѣвна!

Д. И. ФОНВИЗИНЪ

ДВѢ КОМЕДІИ

I

БРИГАДИРЪ

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

II

НЕДОРОСЛЬ

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Съ біографіей Д. И. Фонвизина, его портретомъ и
объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ.

ИЗДАНІЕ ДЕВЯТОЕ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 ноября 1894 г.



Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.





D. J. Frith

278885188

Родоначальник
сего рода — конклаву
Д. Нагибино
Владимирский обер-офицер
Ивановский Капитан — Кеминовъ

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ родился въ 1745 г., въ Москвѣ. Родъ Фонвизинихъ не коренной русскій: при царѣ Иванѣ Грозномъ, во время войны съ Ливоніей, баронъ Петръ фонъ-Визинъ былъ взятъ въ пленъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и остался въ Россіи, сохранивъ свою нѣмецкую религію. Впослѣдствіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, внукъ этого барона принялъ правосланую вѣру и съ этого времени Фонвизины все болѣе и болѣе становились русскими людьми и самую свою фамилію писали такъ: Фонвизинъ, т. е. сливая частичку *фонъ*, принадлежность дворянскихъ нѣмецкихъ фамилій, съ фамиліей Визинъ. Отецъ Дениса Ивановича, Иванъ Андреевичъ, имѣлъ въ Москвѣ собственный домъ и служилъ въ Ревизіонъ-коллегіи. Это былъ честный человѣкъ и хороший семьянинъ, желавшій дать своимъ дѣтямъ доброе образованіе. Денисъ Ивановичъ уже съ четырехъ лѣтъ сталъ учиться грамотѣ и говорить, что онъ не помнить себя неграмотнымъ. Вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ о своемъ ученіи:

«Читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго

языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчаль мое чтеніе, и, бывало, когда я стану читать бѣгло: «перестань молоть», кричалъ онъ мнѣ, «или ты думаешьъ, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи наниматъ для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкаль, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ *).

«Остается мнѣ теперь сказать обѣ образѣ нашего университетскаго ученія; но сама справедливость велигъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учителя и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣжалося приготовленіе; вотъ въ чёмъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны», говориль онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значуть пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ, — продолжалъ онъ, ударя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда стануть спрашивать о какомъ нибудь имени, какого

* Собственю въ университетскую гимназію, въ 1755 г.

склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втврого склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ быль экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою прейсы (награды), послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принять быль учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ быль тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партишемъ пуговицъ, и мы, слѣдственно, экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ быль: куда течеть Волга? *Въ Черное море*, отвѣчать онъ; спросили о томъ же другого моего товарища; *въ Бѣлое*, отвѣчать тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ быль мнѣ; *не знаю*, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

«Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностю вспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по-латини, положиль основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получить вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію явилась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста».

О характерѣ своемъ Д. И. говорить въ своихъ «Чистосердечныхъ признаніяхъ», которыя остались неоконченными:

«Я наследовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятоязлобіе; отъ матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая промучила меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ. Но со всѣмъ тѣмъ, признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣть я великій случай и склонность. Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославляли меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей.

«Сердце мое, не похвалясь скажу, предобroe. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую нибудь несправедливось, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусила, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, еслибъ одинъ изъ соучениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ. Я прослыть великимъ критикомъ и мой соученикъ весьма боялся, чтобы я не сталъ смеяться стихамъ его; а дабы вѣришѣ имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею мою остротою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу

его заслуживалъ. Такъ-то вертять головы молодымъ писателямъ!»

Въ гимназіи Фонвизинъ пріобрѣль нѣкоторыя познанія въ языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, а также въ словесности; французскому языку выучился онъ позднѣе.

Въ 1758 г. директоръ университета, И. И. Мелассино, отправляясь въ Петербургъ, взялъ съ собою десять лучшихъ воспитанниковъ гимназіи для представленія куратору (попечителю) И. И. Шувалову; въ числѣ ихъ были: Фонвизинъ и Григорій Потемкімъ, будущій знаменитый князь Тавриды. Юношѣ возили во дворецъ; блескъ двора поразилъ Фонвизина, но особенно понравился ему театръ и игра тамъ комика Шумского. Въ домѣ дяди своего въ Петербургѣ, Фонвизинъ познакомился съ тогдашними знаменитыми актерами, Фед. Григор. Волковымъ и Иваномъ Аѳанас. Дмитревскимъ. 26-го апрѣля 1759 г. Фонвизинъ былъ произведенъ въ студенты и сталъ слушать лекціи логики на философскомъ факультетѣ у профессора Шадена. Въ то же время онъ занимался переводами, изъ которыхъ напечатаны: «Басни Гольбера» (1761) и «Жизнь Сиѳа, царя египетскаго» (1762—1768); нѣсколько другихъ переводныхъ его статей явились въ периодическихъ изданіяхъ. Въ 1762 г. онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и поступилъ на службу въ гвардію, но вскорѣ перешель въ иностранную коллегію. Канцлеръ графъ Воронцовъ поручилъ ему переводъ важнѣйшихъ бумагъ съ иностранныхъ языковъ. Въ 1763 г. онъ былъ прикомандированъ къ кабинетъ-министру И. П. Елагину, который тоже занимался литературою и покровительствовалъ молодымъ писателямъ. Елагинъ относился къ Фонвизину хорошо, но сослуживецъ его, Лукинъ, драматический писатель того времени, старался вредить Фонвизину во мнѣ-

нії ихъ общаго начальника. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ концѣ 1768 года, Фонвизинъ перешель отъ Елагина къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, который управлялъ иностранными дѣлами и кромѣ того былъ воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. Служба его была весьма дѣятельна при графѣ Н. И. Панинѣ, къ которому, по его словамъ, онъ сохранилъ «непоколебимую преданность» и «удостоенъ былъ всегда полной его довѣренности». Онъ вель дѣятельно переписку съ начальникомъ нашихъ войскъ въ Польшѣ, Бибиковымъ, съ нашими министрами въ Варшавѣ, съ нашими послами въ Лондонѣ, Мадридѣ, Стокгольмѣ, Константинополѣ. Письма этихъ лицъ къ Фонвизину доказываютъ уваженіе, которымъ онъ пользовался. Въ материальномъ отношеніи онъ былъ вполнѣ обеспеченъ. Окончивъ воспитаніе наслѣдника престола, графъ Панинъ получилъ отъ императрицы въ награду 9,000 душъ крестьянъ и изъ нихъ половину отдалъ своимъ тремъ секретарямъ. Фонвизину досталось 1,180 душъ. Кромѣ того, онъ женился на богатой вдовѣ и могъ жить открыто. Въ обществѣ петербургскомъ онъ считался умнымъ человѣкомъ и даровитымъ писателемъ и былъ принять всюду. Онъ былъ необыкновенно остроуменъ и находчивъ, и его остроты носились по городу; своихъ собратьевъ по литературѣ онъ не щадилъ, задѣвалъ Княжнина, передразнивалъ Сумарокова, смѣло отвѣчалъ императрицѣ Екатеринѣ на вопросы, которые она напечатала въ «Собесѣдникѣ», журналѣ, издававшемся княгинею Дашковою и самой императрицей. Послѣ смерти Панина (въ 1783 г.) онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ статского совѣтника. Въ это время онъ былъ въ порѣ силы и мужества, могъ бы работать для литературы, но апоплексический ударъ, случившійся съ нимъ 29-го августа

1785 г., до конца жизни отняль у него свободное употреблениe языка и лѣвой руки и ноги. Онъ много лечился, ъездилъ для этого заграницу, но лечение принесло мало пользы. Онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1792 г., спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ былъ онъ у Державина, гдѣ, не смотря на плохое владѣніе парализованнымъ языкомъ, смѣшилъ своими остроумными разсказами всѣхъ.

Фонвизинъ принялъся за литературные труды рано: онъ выступилъ прежде всего съ переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ басенъ, поэмъ и проч.; потомъ онъ передѣлалъ съ французскаго стихами комедію «Коріонъ», которая была представлена на театрѣ и имѣла успѣхъ, хотя и небольшой. Надо замѣтить, что наши первые драматическіе писатели почти исключительно или переводили иностранныя пьесы, или передѣлывали ихъ на русскіе нравы; русскаго въ этихъ передѣлкахъ было очень мало, даже имена дѣйствующихъ лицъ оставались иностранныя; «Коріонъ» принадлежитъ къ этому же роду пьесъ, но ужъ по нѣкоторымъ чергамъ русской жизни, внесеннымъ въ него, онъ составляется переходъ къ слѣдующей комедіи Фонвизина—«Бригадиръ», въ которой заимствованія уже ничтожны и которая явилась первою оригинальною русскою комедіей. «Бригадиръ» написанъ имъ въ 1766 г., а «Недоросль» — въ 1782 г. О «Бригадирѣ» сказали императрицѣ Екатеринѣ, и авторъ прочель ей свою комедію. Государынѣ, которая сама занималась сочиненiemъ театральныхъ пьесъ, комедія очень понравилась и Фонвизина приглашали на расхватель тогдашніе знаменитые люди. Чигаль онъ ее и у великаго князя Павла Петровича, и воспитатель послѣдняго, П. И. Панинъ, сказалъ ему: «Вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всѣмъ родня», и потомъ еще

прибавилъ: «Это въ нашихъ нравахъ первая комедія, и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали, однако, роль ея столь интересною, что все хочется ее слушать». Фонвизинъ читалъ мастерски. «Недоросль» былъ представленъ въ 1782 г. 24-го сентября, на счетъ (то есть въ бенефисъ) первого придворнаго актера Дмитревскаго, и имѣть еще большій успѣхъ. Во время представлениія публика, въ знакъ одобренія пьесы, бросала на сцену кошельки съ деньгами. Рассказываютъ, что Потемкинъ, выслушавъ пьесу, сказалъ Фонвизину: «Умри, Денисъ, или больше ничего не пиши». Этими словами онъ хотѣлъ выразить, что лучше такой пьесы ничего нельзя написать. Въ обѣихъ комедіяхъ Фонвизинъ является сильнымъ сатирикомъ на тогдашнее общество; онъ осмѣиваетъ дурное воспитаніе, рабское поклоненіе французамъ, невѣжество, всѣ тѣ черты вышешняго образования, которыя дѣлали русскаго человѣка какой-то жалкой копіей съ иностранца; онъ осмѣиваетъ порокъ злоупотребленія крѣпостнаго права и является человѣкомъ, любящимъ свое отчество. Заграницыя поѣздки исколѣко не уменьшили этой любви, и онъ остался вполнѣ русскимъ человѣкомъ: «Славны бубны за горами», говорить онъ: «если здѣсь (заграницей) прежде насъ начали жить, то, по крайней мѣрѣ мы, начная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent (мы начинаемъ, а они кончаютъ). Я думаю, что тотъ, кто родился, посчастливѣе того, кто умираетъ». Званіе писателя онъ понималъ широко и говорилъ: «Человѣкъ съ дарованіемъ есть, такъ сказать, стражъ общаго блага. Онъ можетъ въ своей комнатѣ перомъ въ рукахъ быть иногда полезнымъ».

совѣтывателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ и отечества».

Изъ другихъ произведеній Фонвизина слѣдуетъ указать на его письма изъ-за границы, гдѣ очень много вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній; кромѣ того, писанныя не для публики, они отличаются характеромъ обычной устной рѣчи и служить лучшимъ памятникомъ и образцомъ современного этой эпохи языка. Онъ писалъ также стихи, и для образчика приводимъ его неоконченную небольшую пьесу:

КЪ УМУ МОЕМУ.

Къ тебѣ, о разумъ мой! я слово обращаю;
Я болѣе тебя уже не защищаю.

Хоть въ свѣтѣ больше всѣхъ я самъ себя люблю,
Но склонностей своихъ я больше не терплю.

Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?

Иль ты исправить ихъ собой предиринимаешь?
Но лъзя-ль успѣху быть въ намѣренъѣ такомъ?
Останется дуракъ навѣки дуракомъ.

Скажи, какія ты къ тому имѣешь права,
Чтобъ прочихъ исправлять и разумы и права.
Всѣ склонности твои прилежно разобравъ,
Увидѣлъ ясно я, что ты и самъ не правъ.

Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такие дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта

Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта:
Отвсюду сей товаръ безъ пошлины идетъ
И прибыли казнѣ ни мало не даетъ.

Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила.

Сколько много тысячей сбирался бы въ годъ!
Таможенный бы сборъ былъ первый здѣсь доходъ.
Но видно, мы за то съ нихъ пошлины не собираемъ,

Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ.
Казалось бы, что сей взаимный договоръ
Французамъ доставлялъ такой же малый сборъ;
Но нѣтъ: у насть о томъ совсѣмъ не помышляютъ,
Что подати тамъ съ насть другіе собираютъ.
Во Франціи тарифъ извѣстенъ намъ таковъ:
Чтобъ быть французскими изъ русскихъ дураковъ.

Полное собрание сочинений Фонвизина издано въ 1866 г. и составляеть томъ въ 691 стр., цѣна 2 р. Такъ какъ въ «Бригадирѣ» осмѣяно, между прочимъ, пристрастіе къ французскому языку, то въ комедіи довольно французскихъ фразъ и словъ. Наше изданіе назначается для широкаго круга читателей, поэтому мы сочли необходимымъ предпослать комедіямъ небольшой словарь, где объяснить всѣ иностранныя слова, а также и нѣкоторыя старыя русскія слова. Слова и фразы мы располагаемъ въ азбучномъ порядкѣ, сначала тѣ, которыя приведены въ комедіи русскими буквами, потомъ тѣ, которыя напечатаны по-французски.

ОБЪЯСНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХЪ И СТАРЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ «БРИГАДИРѢ» И «НЕДОРОСЛѢ».

Аверсія. Отвращеніе.

Акція. Дѣйствіе.

Амуритися. Отъ французскаго слова «амуръ»—любовь; Амуръ также богъ любви.

Аркибузировать. Разстрѣлять.

Бети. «Мы оба беты»—оба дураки.

Бизарный. Странный.

Бильеду. Любовное письмо.

Блонди. Шелковая кружева.

Бригадиръ. Военный чинъ, учрежденный Петромъ Великимъ и уничтоженный Павломъ I. Бригадиры занимали середину между полковникомъ и генераль-маюромъ. Въ военномъ уставѣ Петра I сказано, что бригадиръ есть тотъ,

подъ команду коему дана бригада, составленная изъ двухъ или трехъ полковъ, и что онъ можетъ быть и пѣхотный, и конный.

Вояжъ. Путешествіе.

Галантомъ. Благородный человѣкъ, щеголь.

Дезабилье. Покойное домашнее платье. У женщинъ XVIII вѣка особенно удобное утреннее платье, иногда очень роскошное, въ которомъ они приступали къ своему туалету, то есть имѣ чесали голову, завивали волосы, бѣлили, румянили и наряжали передъ зеркаломъ, утвержденнымъ въ особой мебели, которая тоже называется туалетомъ.

Декларировать. Объявлять.

Диспутировать. Спорить.

Диссимюляція. Скрытность.

Дискуръ. Рѣчь, разговоръ.

Индиферансъ. Равнодушный.

Керовый. Керы. Червонный. Черви. «Въ керахъ волю»—въ червяхъ играю.

Комодный. Удобный.

Комплезанъ. Снисходительный.

Коннесансъ. Знакомство.

Константиrovать. Удовольствовать, удовлетворить.

Констраптируетъ. Противорѣчить.

Капабельна. Способна.

Кург. «Онь миѣ дѣлаеть курь»: онъ за мнай волочится, ухаживаетъ.

Ломаныя, т. е. ломаныя числа. Такъ назывались прежде дроби; отъ слова «ломаныя», которое въ Словарѣ Академіи Россійской (изд. 1792 г.) объяснено такъ: «посредствомъ ломанія цѣлости лишенной».

Медіаторъ. Посредникъ, ходатай.

Менажировать. Щадить.

Мериты. Достоинства.

Недоросль. Первые указы о «недоросляхъ» относятся ко времени Петра I-го: дворянскимъ

дѣтямъ было велѣно явиться на службу немедленно; въ случаѣ неповиновенія, ихъ высыпало мѣстное начальство; не получившіе свидѣтельства въ томъ, что обучались наукамъ, не имѣли права жениться. Въ послѣдующія царствованія эти указы не разъ подтверждались; въ царствованіе Елизаветы (въ 1742 и 1747 гг.) недорослямъ приказано было два раза являться на смотръ въ столицы: въ первый разъ семи лѣтъ, во второй—двѣнадцати. По осмотрѣ распредѣляли ихъ въ школы; неявившихся предписано отдать въ солдаты и матросы. Укрыватели недорослей подвергались наказанію. Съ размноженіемъ казенныхъ школъ и частныхъ пансіоновъ, прекратились особыя постановленія о недоросляхъ. Но старая привычка, противъ которой ратовалъ Петръ I, долго сохранялась въ русскомъ дворянствѣ: родители неохотно разставались съ своими дѣтьми, отдаляя по возможности срокъ поступленія ихъ на службу.

Парировать. Держать пари.

Пассия. Страсть.

Педантъ. 1) Хвастунъ своими знаніями. 2) Строгій исполнитель самыхъ мелочныхъ формальностей.

Помитесь. Учтивость, вѣжливость.

Ранъ. Чинъ. Табель о рангахъ — расписаніе должностей, изданное Петромъ Великимъ.

Резонементъ. Сужденіе.

Респектовать. Уважать, почитать.

Риваиль. Соперникъ.

Тартаръ. Адъ.

Туалетъ. См. дезабильс.

Фортепія. Крѣпость.

Фортуна. Богиня счастья, счастье.

Экзерциція. Военное ученье, строй.

Эскюзоватъ. Извинить.

Экстрактъ. Извлеченіе изъ дѣла.

Эръ. Ария, пѣсня.

Эстима. Уважение.

Этурдери. Дурачество.

Adieu, ma reine. Прощайте, моя королева.

Avec plaisir. Съ удовольствиемъ.

Avouez. Признайтесь.

Barbarie. Варварство.

Bonheur. Счастье.

Car je brûle moi. Я сгораю, пламенъю.

C'est la même chose. Это то же самое.

C'est l'homme le plus bourru que je connais. Это самый сварливый человѣкъ изъ тѣхъ, кого я знаю.

C'est plus intéressant. Это интереснѣе.

Continuez. Продолжайте.

Déclaration en forme. Признаніе въ любви.

Dieu. Богъ, Боже. *Grand Dieu,* великий Богъ.

Dieu m'en preserve. Избави Богъ.

Defaut. Недостатокъ.

De tout mon coeur. Отъ всего сердца.

Et même fort honnêtes gens. И даже очень честные люди.

Et pourquoi? А почему же?

Et pourquoi non? И почему-жъ нѣть?

J'ai pensé crever de rire. Я думалъ, лопну со смѣху.

Je les jette par terre. Я ихъ бросаю.

J'en suis d'accord. Я съ этимъ согласенъ.

Je m'en moque. Я смѣюсь надъ этимъ, издѣваюсь.

Je vous le répète. Повторяю вамъ.

Je vous demande pardon. Прошу извинить меня.

Je vous prie. Прошу васъ.

Hélas. Увы.

Idole de mon âme. Идолъ мേй души.

Illusion. Мечта.

Il ne me flatte pas. Онъ мнѣ не льстить.

La moitié de mon âme. Половина моей души.

Le nom m'est échappé. Имя я забылъ.

Les animaux. Животныя.

Les restes de nos jours. Остатки нашихъ дней.

Les sottises du temps. Современныя дурачества.

Madame, mademoiselle. Сударыня (первое слово говорится замужнимъ женщинамъ, второе—дѣвушкамъ).

Mal à propos. Некстати.

Malheureusement. Къ несчастью.

Ma mère. Моя мать, матушка.

Mon Dieu. Мой Боже.

Mon père, mon cher père. Батюшка, милый батюшка.

Monsieur. Сударь.

N'importe. Пускай

Ni l'un, ni l'autre. Ни тотъ и ни другой.

Occasion favorable. Благопріятный случай.

O, vous avez raison. О, вы правы.

O, que nous sommes heureux. О, какъ мы счастливы.

Par consequent. Слѣдовательно.

Pardieu. Ей-Богу; тьфу пропасть.

Par où commencer. Чѣмъ начать.

Pour une bagatelle. За бездѣлицу.

Prendre nos mesures. Принять свои (наши) мѣры.

Quelles espèces. Что за вздоръ.

Que de vivre dans le grand monde. Что жить въ большомъ свѣтѣ.

Serviteur très humble. Покорнѣйший вашъ слуга.

Société. Общество.

Très obligé. Очень обязанъ.

Totalement. Совершенно, совсѣмъ.

Voilà mon caractère. Вонъ мой характеръ; вотъ какъ по моему.

Vous avez le don de deviner. У васъ есть даръ отгадывать.

БРИГАДИРЪ

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бригадиръ.

Иванушка, сынъ его.

Бригадирша.

Совѣтникъ.

Совѣтница, жена его.

Софья, дочь совѣтничья.

Добролюбовъ, любовникъ Софьи.

Слуга совѣтничій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляєтъ комнату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходить и курить табакъ. Сынъ его, изъ дезабилье, кобеняся пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоять столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидить Совѣтница въ дезабилье и корнетъ и, жеманяясь, чай разливаетъ. Бригадирша сидить одаль и чулокъ вяжетъ. Софья также сидить одаль и шьетъ въ тамбуръ.

Совѣтникъ (смотря въ календарь). Такъ, ежели Богъ благословить, то 26 числа быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насть, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоній.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (указывая на Совѣтника) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою,

а ты свою падчерицу, съ Божімъ благословеніемъ. А чтобы лучше на него, Господа, положиться можно было, то дайте вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (вслушиваясь, приподнимаетъ шишку колпака). Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которой бы я говорить не могъ инымъ языккомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣтчиать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымѣщалъ на мнѣ вину каждого рядового.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдушка. Не грѣши ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегіи президентомъ—вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна.

Бригадиръ. Премудра! вотъ на сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу въ глаза и заглаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако ей-ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я

кровію мою, лишь бы только имѣть разумъ ся
высокородія.

Сынъ. Dieu! сколько прекрасныхъ комплемен-
товъ: батюшка! тесты! матушка! теща! А сколько
умовъ—головы лучше.

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также ска-
зать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ.
Приложи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ, что читать?

Бригадиръ. Читать? Артикуль и уставъ воен-
ный: не худо также прочесть инструкцію меже-
вую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать уложен-
ие и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толко-
вать умѣеть, тогдъ, другъ мой зятюшка, нищимъ
быть не можетъ.

Бригадира. Не худо пробѣжать также и мои
расходныя тетрадки. Лучше плуты люди тебѣ
не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти ко-
пѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ
денежкой.

Совѣтница. Боже меня сохрани отъ того,
чтобъ голова твоя наполнена была инымъ
чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа
моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ
такія книги просвѣщають. Я, не читавъ ихъ,
рисковала бы остаться навѣки дурою.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. O, vous avez
raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не чи-
тывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня
видите.

Софья (въ сторону). Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? Je vous prie, не
льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставь ее, зятюшка. Она не знаю-
о чѣмъ-то съ ума сходитъ.

Бригадиръ. O! это пройдетъ. У меня жена пе-

редь свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась, однако, послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда нибудь была умнѣе.

Бригадира. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница (вздыхаетъ). Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне; мы всѣ равны.

Совѣтникъ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно тѣ въ военной службѣ, чѣмъ я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можеть быть, я имѣль бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Совѣтникъ. Безъ власти Создателя и Святѣшаго Синода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе. Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насть, правовѣрныхъ; нѣть, дорогой зять! какъ мы, такъ и жены наши, всѣ въ руцѣ Создателя. У него всѣ власы главы нашей изочтены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то-и-дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволить, а мы, рабы Его, и деньги считать лѣнимся,— деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосъ насилиу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. Враки. Я не вѣрю, чтобы волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаются, такъ у кого же и считать ихъ Ему?

Бригадирша. Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, неизвѣстенъ будто напись табель о рангахъ. Стыдное дѣло.

Совѣтница. Оставьте такие разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискутировать? Выбрали такую серьезную матерію, которую я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до бatalій, и ничего такого чтобъ бы...

Совѣтникъ. Чтобъ бы, по крайней мѣрѣ, хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, неохотно говорю о томъ, о чёмъ, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣть никакого барыша (къ Совѣтнице). Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчъ. Пожалуй, скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ, — застольное, или деньгами. Свой ли овесъ єдять лошади, или купленый.

Сынъ. C'est plus intéressant.

Совѣтница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что єсть вся эта скотина?

Совѣтникъ (къ женѣ). Не стыди меня! Матушка Акулина Тимоѳеевна! люди наши єдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣть: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: ему ни до чего дѣла нѣть. Я одна хожу въ амбары.

Совѣтникъ (въ сторону). Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь; нельзя не прельститься.

Бригадиръ. Что ты это говоришь, свать? (въ сторону). Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея большие думаетъ о домашнемъ скотѣ, пожели обо мнѣ.

Бригадирша. Да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ, — такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. Слушай, жена. Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобы ты больше рта не отворяла. Ей-ей будетъ худо!

Сынъ. Мон рѣгѣ! не горячитесь.

Бригадиръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Мон рѣгѣ! я говорю, не горячитесь!

Бригадиръ. Да перваго-то слова, чортъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха-ха-ха-ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по-французски не знаете.

Бригадиръ. Экъ онъ горло-то распустилъ. Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языккомъ, который вы знаете?

Бригадиша. Батюшка, Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушко говорить какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говорить онъ, кажется, и по-русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить: ученье свѣтъ, неученые тьма!

Совѣтникъ. Конечно, матушка! кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сясть благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотей у насъ развелось: и то-то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который, что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. На что, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвель. Вотъ уже Иванушка гораздо за двадцать, а онъ—вѣдь добрый честь молвить, въ худой помолчать — и не слыхиваль о грамматикѣ.

Бригадиша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надоно, заплатить за нее гривень восемь, а выучишь ли, нѣть ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница. Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ, по крайней мѣрѣ, изорвала я одну на папильоты.

Сынъ. J'en suis d'accord, на что грамматика. Я самъ писывать тысячи бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu, та reine, можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ И СЛУГА.

Слуга. Господинъ Добролюбовъ пріѣхать изволилъ.

Софья (въ сторону). Боже мой! Онъ пріѣхалъ, а я невѣста другому.

Совѣтникъ. Пойдемъ же на встрѣчу сына друга моего и погуляемъ съ нимъ по саду.

Бригадиръ (къ Совѣтнице). Не изволите ли и вы проходитьесь?

Совѣтница. Нѣть, сударь, я останусь здѣсь. Мнѣ сынъ вашъ сдѣлаетъ компанію.

Сынъ. De tout mon coeur, я съ вами наединѣ быть радъ.

Совѣтникъ (къ Бригадиршѣ). Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Совѣтница (Софью). А ты, по крайней мѣрѣ, сдѣлай компанію своей свекрови.

ЯВЛЕНИЕ III.

СОВѢТНИЦА, СЫНЪ.

Сынъ (садится очень близко Совѣтнице). Мнѣ кажется, сударыня, что вашъ сожитель не больше свѣту знаетъ, сколько для отставнаго совѣтника надобно.

Совѣтница. Вы правду сказали; онъ ни съ

кѣмъ въ жизнь свою не обходился, какъ съ секретарями и подьячими.

Сынъ. Онъ, я вижу, походитъ на моего батюшку, который во свой вѣкъ разумныхъ людей бѣгалъ.

Совѣтница. Ахъ, радость моя! Миѣ мило твое чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего! Вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка.

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели я помышляю его менажировать.

Совѣтница. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь моя, мнѣ кажется, онъ не умнѣе моего мужа, котораго глупѣе на свѣтѣ и бываютъ, однако, очень рѣдко?

Сынъ. Вашъ резонеманъ справедливъ. Скажите-жъ, сударыня, что вы думаете о моей матери.

Совѣтница. Какъ, радость! въ глаза мнѣ это тебѣ сказать совсѣмъ.

Сынъ. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индиферантъ во всемъ томъ, что надлежитъ до моего отца и матери.

Совѣтница. Не правда ли, что она свѣтѣ знаетъ столько же, сколько вашъ батюшка?

Сынъ. Dieu! какой вы знатокъ въ людяхъ! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно объ этомъ говорить безо всякой диссимилляціи; (вздохнувъ) итакъ, вы знаете, что я пренесчастливый человѣкъ. Живу уже двадцать пять лѣтъ и имѣю еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами, а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными.

Совѣтница. Я сама стражду, душа моя, отъ моего урода. Мужъ мой прямая приказная строка. Я живу нѣсколько лѣтъ съ нимъ здѣсь, въ деревнѣ, и клянусь тебѣ, что всѣ способы къ отмщенію до сего времени у меня отняты были. Всѣ сосѣди наши такие неучи, такие скоты, ко-

торые сидятъ по домамъ, обнявшись съ женами! А жены ихъ ха-ха-ха-ха! жены ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что это—деза-билье, и думаютъ, что будто можно прожить на семь свѣтѣ въ полплафрокѣ. Онѣ, душа моя, ни о чёмъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ; прямые свиньи...

Сынъ. Pardieu! Поэтому мать моя годится въ число вашихъ сосѣдокъ; а давно ли живете съ такою тварью?

Совѣтница. Мужъ мой пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ. Онъ увидѣлъ, что ему въ коллегіи дѣлать стало нечего, и для того повезъ меня му-чить въ деревню.

Сынъ. Которую, конечно, нажилъ до указа.

Совѣтница. При всемъ томъ онъ скучъ, какъ кремень.

Сынъ. Или какъ моя матушка. Я безъ лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами.

Совѣтница. Мой уродъ при всемъ томъ ужасная ханжа: не пропускаетъ ни обѣдни, ни завтрапи и думаетъ, радость моя, что будто Богъ столько комплезанъ, что онъ за всенощную про-стить ему то, что днемъ наворовано.

Сынъ. Напротивъ того, мой отецъ, кромѣ зари, никогда не маливался. Онъ, сказываютъ, до же-нитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однако, женясь на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ.

Совѣтница. Неремѣнимъ рѣчъ, je vous en prie: мои уши терпѣть не могутъ слышать о чер-тяхъ и тѣхъ людяхъ, которые столь много на нихъ походятъ.

Сынъ. Madame! скажите мнѣ, какъ вы ваше время проводите?

Совѣтница. Ахъ, душа моя, умираю со скучки. И еслибы поутру не сидѣла я часовъ трехъ у

туалета, то могу сказать: умереть бы все равно для меня было. Я тѣмъ только и дышу, что изъ Москвы присылаютъ ко мнѣ нерѣдко головные уборы, которые я то-и-дѣло надѣваю на голову.

Сынъ. По моему мнѣнію, кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе. Педанты думаютъ, что это вздоръ и что надо бно украшать голову снутри, а не съ наружки. Каяя пустота! Чортъ ли видить то, что скрыто, а наружное всякъ видить.

Совѣтница. Такъ, душа мая! я сама съ тобою однихъ сантиментовъ; я вижу, что у тебя на головѣ пудра, а есть ли что въ головѣ, того, чортъ меня возьми, примѣтить не могу.

Сынъ. Pardieu! конечно, этого и никто примѣтить не можетъ.

Совѣтница. Послѣ туалета лучшее мое прохожденіе въ томъ, что я загадываю въ карты.

Сынъ. Вы знаете загадывать, grand Dieu! Я самъ могу называться пророкомъ. Хотите ли, чтобы показалъ я вамъ мое искусство?

Совѣтница. Ахъ, душа моя! ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сынъ (придвинувъ столикъ съ картами). Сперва вы мнѣ отгадайте, а тамъ—я вамъ.

Совѣтница. Съ радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сынъ (подумавъ). Загадь.

Совѣтница (раскладываетъ карты). Ахъ, что я вижу.

Свадьба (вздыхаетъ). Король женится.

Сынъ. Боже мой! Онъ женится! Что мнѣ этого несноснѣе?

Совѣтница. А дама его не любить...

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели и я люблю. Нѣть, нѣть силь болѣе терпѣть! Я загадалъ о себѣ. Ah, madame! или вы не видите того, что я жениться не хочу.

Совѣтница (вздыхая и жеманясь). Вы женитесь не

хотите? Развѣ падчерица моя не довольно плѣнила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сынъ. Она постоянна!.. О верхъ моего несчастія. Она еще и постоянна! Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женясь, примѣчу, то ту же минуту разведусь съ нею. Постоянная жена во мнѣ ужасъ производить. Ah, madame! ежели бы вы были жена моя, я бы вѣкъ не развелся съ вами.

Совѣтница. Ахъ, жизнь моя! Чего не можетъ быть, на что о томъ терзаться? Я думаю, что и ты не наскучилъ бы мнѣ лишними претензіями.

Сынъ. Позволь теперь, madame, отгадать мнѣ что нибудь вамъ. Задумайте и вы короля и даму.

Совѣтница. Очень хорошо. Король трефовый и керова дама.

Сынъ (разложивъ карты). Король смертно влюбленъ въ даму.

Совѣтница. Ахъ, что я слышу! Я въ восхищении. Я виѣ себѧ съ радости.

Сынъ (посмотрѣвъ на нее съ нѣжностью). И дама къ нему не безъ склонности.

Совѣтница. Ахъ душа моя, не безъ склонности! Скажи лучше, влюблена до безумія.

Сынъ. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдалъ за то, чтобы свѣдать, кто это керовая дама. Вы краснѣете, вы блѣднѣете. Конечно, это...

Совѣтница. Ахъ, какъ несносно признаваться въ своей пассіи.

Сынъ (съ торопливостью). Такъ это вы...

Совѣтница (притворясь, будто послѣднее слово дорого ей стоять). Я, я сама.

Сынъ (вздохнувъ). А кто этотъ преблагополучный трефовый король, который помогъ пронзить сердце керовой дамы?

Совѣтница. Ты хочешь, чтобы я все вдругъ тебѣ сказала.

Сынъ (вставъ). Такъ, madame; такъ! я этого хочу, и ежели не я тотъ преблагополучный трефовый

король, такъ пламень мой къ вамъ худо на-
гражденъ.

Совѣтница. Какы! и ты ко мнѣ пылаешь.

Сынъ (кинувшись на колѣни). Ты керовая дама.

Совѣтница (поднимая его). Ты трефовый король.

Сынъ (въ восхищеніи). О, счатье! о *bonheur!*

Совѣтница. Можетъ быть, ты, душа моя, и не вѣдаешьъ того, что невѣста твоя влюблена въ Добролюбова и что онъ самъ въ нее влюбленъ смѣтно.

Сынъ. St! St! они идутъ. Ежели это правда, oh! que nous sommes heureux! Намъ надобно непремѣнно оставить ихъ въ покоѣ, чтобы они современемъ въ покоѣ насть оставили.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ты же, Добролюбовъ и Софья.

Софья. Вы изволили здѣсь оставаться однѣ, матушка; я нарочно пришла къ вамъ для того, чтобы вамъ однимъ не было скучно.

Добролюбовъ. А я, сударыня, взяль смѣлость проводить ее къ вамъ.

Совѣтница. Намъ очень здѣсь нескучно. Мы загадывали въ карты.

Сынъ. Миѣ кажется, *mademoiselle*, что вы, какъ нарочно, пришли сюда свѣдѣть о вашей свадьбѣ.

Софья. Чго это значитъ?

Совѣтница. Мы загадывали о себѣ, и если вѣрить картамъ, которыя, впрочемъ, никогда солгать не могутъ, то бракъ твой не очень удаленъ.

Софья. Я это знаю и безъ картъ, матушка.

Сынъ. Вы это знаете, на что-жъ вы рискуете?

Софья. Тутъ никакого риска нѣтъ, а есть очевидная моя погибель, въ которую ведутъ меня батюшка и матушка.

Совѣтница. Пожалуй, сударыня, на меня вины

не полагай. Ты сама знаешь, что я отъ роду того не хотѣла, чѣго отецъ твой хочетъ.

Сынъ. На что такія изъясненія? (Къ Совѣтницѣ). Madame, мы другъ друга довольно разумѣемъ! не хотите ли вы сойтиться съ компаніею?

Совѣтница. Для меня нѣть ничего комоднѣе свободы. Я знаю, что все равно, имѣть ли мужа, или быть связанной.

Сынъ (даєтъ ей знаки, чтобы она Софью и Добролюбова оставила). Да развѣ вы никогда отсюда выйти не намѣрены?..

Совѣтница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНИЕ V.

ДОБРОЛЮБОВЪ, СОФЬЯ.

Добролюбовъ. Они нась оставили однихъ. Что это значитъ?

Софья. Это значитъ то, что мой женихъ ко мнѣ ни мало не ревнуетъ.

Добролюбовъ. А мнѣ кажется, что и мачихѣ твоей не противно-бы было, еслибы твоя свадьба чѣмъ нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо примѣтно. Мнѣ кажется, что мы очень некстати къ нимъ вошли.

Добролюбовъ. Тѣмъ лучше, ежели этотъ дуракъ въ нее влюбился, да и ей простительно имъ плѣниться.

Софья. Въ разсужденіи ея кокетства очень простительно, и она лучшаго себѣ любовника найти, конечно, не можетъ; однако, я жалѣю о батюшкѣ.

Добролюбовъ. О, пожалуй о немъ не тужите. Батюшка вашъ, кажется мнѣ, съ отмѣнною нѣжностью глядитъ на бригадиршу.

Софья. Нѣть, этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того мачихѣ моей не измѣнить, чтобы не прогнѣвить Бога.

Добролюбовъ. Однако, онъ вѣдаетъ и то, что Богъ долготерпѣливъ.

Софья. Ежели-жъ это правда, то кромѣ бригадирши, кажется мнѣ, будто здѣсь влюблены всѣ до единаго.

Добролюбовъ. Правда, только разница состоить въ томъ, что ихъ любовь смѣшна, позорна и дѣлаетъ имъ безчестіе. Наша же любовь основана на честномъ намѣреніи и достойна того, чтобы всякой пожелалъ нашего счастія. Ты знаешь, что ежели-бъ мой малый достатокъ не отвратилъ отца твоего имѣть меня своимъ, то бы я давно уже былъ съ тобою благополученъ.

Софья. Я тебя увѣрила и теперь увѣряю, что любовь моя къ тебѣ кончится съ жизнью моей. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоей женой. Малый твой достатокъ меня не устрашаетъ. Я все на свѣтѣ для тебя снести рада.

Добролюбовъ. Можетъ быть и достатокъ мой скоро умножится. Дѣло мое приходить къ концу. Оно давно-бъ уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяточники и не берутъ, да и дѣлать не дѣлаютъ. Вотъ для чего до сихъ поръ бѣдное мое состояніе не перемѣняется.

Софья. Мы давно заговорились. Намъ надобно идти къ нимъ, для избѣженія подозрѣнія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

СОВѢТНИКЪ И СОФЬЯ.

Совѣтникъ. Поди сюда, Софьюшка. Мне о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья. О чёмъ изволите, батюшко?

Совѣтникъ. Во-первыхъ, о чёмъ ты печалишься?

Софья. О томъ, батюшка, что ваша воля съ моими желаніемъ не согласна.

Совѣтникъ. Да развѣ дѣти могутъ желать того, чого не хотятъ родители? Вѣдаешь ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣщнихъ временахъ: нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда деругъ сына; и когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за него отвѣчаетъ; вотъ какъ въ старину бывало.

Софья. Слава Богу, что въ наши времена этого несть.

Совѣтникъ. Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, а съ иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены. ежели виноватъ только одинъ виноватый. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего-жъ быть виноватымъ.

Совѣтникъ. Для того, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватый, бывало, платить за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Софья. Позвольте мнѣ, батюшка, усомниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватымъ, когда онъ обвиненъ былъ.

Совѣтникъ. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже стать не правый, а виноватый; такъ ему нечего тутъ умничать. У насть указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой, а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья. Чего-жъ, наконецъ, батюшка, вы отъ меня желаете?

Совѣтникъ. Того, чтобы ты мой указъ, идти замужъ, толковала по нашему судейскому обычаю, и шла бы за того, за кого я тебѣ велю.

Софья. Я вамъ должна повиноваться; только представьте себѣ мое несчастіе: я женою буду такого дурака, который набить однѣми французскими глупостями, который не имѣть ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго почтенія.

Совѣтникъ. Да какого ты почтенія отъ него изволишь? Мнѣ кажется, ты его почитать должна, а не онъ тебя. Онъ будетъ главою твою, а не ты его головою. Ты, я вижу, дѣвочка молода и не читывала священнаго писанія.

Софья. По крайней мѣрѣ, батюшка, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ.

Совѣтникъ. Знаю, все знаю; однако твой женихъ имѣть хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Совѣтникъ. Деревеньки у него изрядныя. А

если зять мой не станет рачить о своей экономіи, то я примусь за правленіе деревень его.

Софья. Я не думаю, чтобъ будущій мой свекръ захотѣть васъ трудить присмотромъ за деревнями его сына. Свекровь моя также хзяиничать охотница; впрочемъ, я ни черезъ то, ни черезъ другое не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй экономіи.

Совѣтникъ. Тѣмъ лучше. Ты своего не растеряешь; а это развѣ малое тебѣ счастье, что ты имѣть будешь такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосходитъ всякую тварь своими добродатями.

Софья. Я, по несчастію моему, ихъ въ ней пріѣтить еще не могла.

Совѣтникъ. Это все-таки оттого же, что ты дѣвочка молодая и не знаешь, въ чёмъ состоять прямая добродѣтели. Ты не вѣдаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути къ своему спасенію.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участіе свекровь можетъ имѣть въ пути моего спасенія.

Совѣтникъ. А вотъ какое: вышедъ замужъ, почитай свекровь свою; она будетъ тебѣ и мать, и другъ, и наставница! чти ее первую по Бозѣ; угождай во всемъ быстро проницательнымъ очамъ ея и перенимай у нея все доброе. О таковомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ радоваться будутъ, и ангелы на небесахъ возвращаются.

Софья. Какъ, батюшка, неужели ангеламъ на небесахъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я сї угодждать стану?

Совѣтникъ. Конечно, такъ. Или думаешь ты, что у Господа въ книгѣ животныхъ Акулина Тимофеевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не вѣдаю, есть ли въ ней она.

Совѣтникъ. А я вѣрю, что есть. Поди-жь ты, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте миъ вамъ доложить, батюшка, на что это. Не довольно ли того, если я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія?

Совѣтникъ. Я велю тебѣ ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла.

ЯВЛЕНИЕ II.

Совѣтникъ (одигъ). Она не дура, однако, со всѣмъ ея умомъ догадаться не можетъ, что я привязанъ къ ея свекрови, привязанъ очами, помышленіями и всѣми моими чувствами. Не знаю, какъ объявить ей о моемъ окаянствѣ. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазнную. О, грѣховъ моихъ тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моленіе, что сотворить со мною Игнатій Андреевичъ, который столько же хранить свою супругу, сколько я свою, хотя, вирочемъ, и не проходило у насъ сряду двухъ часовъ безссорно, вотъ до чего доводить къ чужой женѣ любовь! Выдаю дочь мою противъ желанія за ея сына для того только, чтобы чаще возмогъ я по родству видѣться съ возлюбленною сватьею. Въ ней нахожу я нѣчто отмѣнно разумное, которое другіе примѣтить въ ней не могутъ. Я не говорю о ея мужѣ. Онъ хотя и всегда слыль мужикомъ разумнымъ: однако военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ, не столько иногда любить жену свою, сколько свою лошадь... А! да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

СОВЬЕТНИКЪ И БРИГАДИРША.

Совѣтникъ. Охъ!

Бригадирша. О чемъ ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Совѣтникъ. О своемъ окаянствѣ.

Бригадирша. Ты уже и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь, и долго ли тебѣ изнурять свое тѣло?

Совѣтникъ. Охъ, моя матушка! Тѣло мое еще не изнурено. Дать бы Богъ, чтобъ я довелъ его грѣшнымъ моимъ моленіемъ и пощеніемъ до того, чтобъ избавилося оно отъ дьявольского искушенія: не грѣшилъ бы я тогда ни на небо, ни предъ тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чѣмъ ты, батюшка, грѣшишь предо мною?

Совѣтникъ. Окомъ и помышленіемъ.

Бригадирша. Да какъ это грѣшать окомъ?

Совѣтникъ. Я грѣшу предъ тобою, взирая на тебя окомъ...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обѣмъ. Неужели это грѣшно?

Совѣтникъ. Такъ-то грѣшно для меня, что если хочу я избавиться вѣчныхъ муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго издыханія. Око мое меня соблазняетъ, и мнѣ исткнуть его необходимо должно, для душевнаго спасенія.

Бригадирша. Такъ ты и вправду, мой батюшка, глазокъ себѣ выколоть хочешь?

Совѣтникъ. Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдямъ супротивляется, такъ, конечно, и руки мои не столь праведны, чтобъ онѣ однѣ взялися исполнять писаніе; да, я страшусь теплыхъ вѣры твоего сожителя, страшусь, чтобъ

онъ, узрѣвъ грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди Божией.

Бригадирша. Да какой грѣхъ?

Совѣтникъ. Грѣхъ, ему же вся смертные по-работалися. Каждый человѣкъ имѣетъ духъ и тѣло. Духъ хотя бодръ, да плоть немощна. Къ тому же нѣсть грѣха, иже не можетъ быти очищенъ покаяніемъ... (Съ нѣжностью). Согрѣшимъ и покаемся.

Бригадирша. Какъ не согрѣшить, батюшка! Единъ Богъ безъ грѣха.

Совѣтникъ. Такъ, моя матушка. И ты сама теперь исповѣдуешь, что ты причастна грѣху сему.

Бригадирша. Я исповѣдууюся, батюшка, всегда въ великий постъ на первой. Да скажи мнѣ пожалуй, что тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?

Совѣтникъ. До грѣховъ твоихъ мнѣ такая же нужда, какъ и до спасенія. Я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были однѣ и тѣ же, и чтобъ ничего не могло разрушити совокупленія душъ и тѣлъ нашихъ.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупление? Я церковнаго-то языка столько же мало смысллю, какъ французскаго. Вѣдь кого какъ Богъ миловать захочеть. Иному откроется онъ и французскую, и нѣмецкую, и всякую грамоту; а я, грѣшная, и по-русски-то худо смысллю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а большие половины рѣчей твоихъ не разумѣю. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумѣю. Коли чью я рѣчь больше всѣхъ разберу, такъ это своего Игнатія Андреевича. Всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чисто, такъ рѣчисто, какъ попугай... Да видалъ ли ты, мой батюшка, попугаевъ?

Совѣтникъ. Не о птицахъ предложитъ намъ дѣло: дѣло идетъ о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?

Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

Совѣтникъ. Могу ли я просить...

Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денегъ, то я всѣмъ ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ не ссужаетъ, а для нихъ ни въ чёмъ не отказываютъ (адѣсь входить Сынъ, а они его не видятъ).

Совѣтникъ. Не о деньгахъ рѣчь идетъ: я самъ для денегъ на все могу согласиться (становится на колѣни). Я люблю тебя, моя матушка... (Въ самое то время увидѣлъ Совѣтникъ Сына, вскочилъ; а Сынъ хоочеть и аплодируетъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ ЖЕ И СЫНЪ.

Сынъ. Bravissimo! bravissimo!

Бригадирша. Что ты, Иванушка, такъ прыгашь! Мы говорили о дѣлѣ. Ты помѣшалъ Артамону Васильевичу: онъ, не знаю, чего-то у меня просить хотѣлъ.

Сынъ. Да онъ, матушка, дѣлаетъ тебѣ déclaration en forme.

Совѣтникъ. Не осуждай, не осужденъ будеши (оторопѣвъ, выходитъ).

Бригадирша. Иванушка! вытолкуй ты мнѣ лучше, чтѣ ты теперь сказалъ.

Сынъ. Матушка, онъ съ тобою амурится! Разумѣешь ли хотя это?

Бригадирша. Онъ амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на умѣ!

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели это неправда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишишься; опомнись: вѣдь чортомъ не шутя. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сынъ. Матушка, я вижу, ты этому не вѣришь. Да на что онъ становился на колѣни?

Бригадирша. Я почемъ знаю, Иванушка. Нежели это для амура? Ахъ, онъ проклятый сынъ! да что онъ это вздумалъ?

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ И СОВѢТНИЦА.

Сынъ. Madame! я теперь быть свидѣтелемъ пресмыщныя сцены. J'ai pensé crever de rire. Твой мужъ объявилъ любовь свою моей матушкѣ! Ха-ха-ха-ха!

Совѣтница. Не вправду ли! (Во время рѣчи Бригадиршиой отводить Сына и нѣчто шепчеть ему).

Бригадирша. (въ сердцахъ). Ахъ онъ собака! Да что онъ и вправду затѣялъ? Развѣ у меня Богъ языкъ отнялъ? И теперь же все расскажу Игнатию Андреичу. Пускай-ка онъ ему лобъ раскроить по свойски. Что онъ это вздумалъ? Вѣдь я бригадирша! Нѣтъ, онъ плутъ. Не думай того, чтобъ онъ нашелъ на дуру! Минѣ, слава Богу, ума не занимать! Я тотчасъ пойду... (Сынъ и Совѣтница ухватили ее за полы).

Сынъ. Матушка, постой, постой...

Совѣтница. Постой, сударыня.

Сынъ. Да развѣ ты, матушка, не примѣтила, что я шутилъ?

Бригадирша. Какая шутка! вѣдь я слышала, какъ ты божился.

Совѣтница. Онъ, сударыня, конечно, шутить!

Сынъ. Чоргъ меня возьми, ежели это не была шутка.

Бригадирша. Какъ, ты и теперь также божишься, батюшка! Что за дьявольщина! да чему же вѣрить?

Совѣтница. Какъ, сударыня, вы не можете шутки отдѣлить отъ серьезнаго.

Бригадирша. Да, нельзя, мать моя: вѣдь онъ такъ божится, что мой языкъ этого и выговорить не поворотится.

Совѣтница. Да онъ, конечно, въ шутку и побожился.

Сынъ. Конечно, въ шутку. Я зналъ въ Парижѣ, да и здѣсь превеликое множество разумныхъ людей *et tême fort honnêtes gens*, которые божбу ни во что ставятъ.

Бригадирша. Такъ ты и заправду, Иванушка, шутиль?

Сынъ. Хотите ли вы, чтобы я еще вамъ побожился?

Бригадирша. Да ты можетъ быть опять шутить станешь! То-то, ради Бога, не введи ты меня въ дуры.

Совѣтница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели-бъ это была правда, я сама капabelна вѣбѣситься.

Бригадирша. Ну слава Богу, что это шутка. Теперь душа моя на мѣстѣ (отходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

СЫНЪ И СОВѢТНИЦА.

Совѣтница. Ты было все дѣло испортиль. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вѣдь бы онъ вѣбѣсился, и ту минуту увезъ отсюда и тебя съ нею.

Сынъ. Madame, ты меня въ этомъ простить можешь. Признаюсь, что мнѣ этурдери свойственно; а инако худо подражалъ бы я французамъ.

Совѣтница. Мы должны, душа моя, о томъ молчать и нескромность твою я ничѣмъ бы не могла экскюзовать, еслибъ осторожность не смѣшна была въ молодомъ человѣкѣ, а особливо въ томъ, который былъ въ Парижѣ.

Сынъ. O, vous avez raison! Осторожность, постоянство, терпѣливость—похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должно жить

на свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы, конечно, были бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы.

Совѣтница. Вотъ прямая правила жизни, душа моя! Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце, и въ Парижѣ, и въ Россіи оно обмануть не можетъ.

Сынъ. Madame, ты меня восхищаешь, ты, я вижу, такое же тонкое понятіе имѣешь о сердцѣ, какъ я о разумѣ. Mon Dieu! Какъ судьбина милосердна! она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы другъ для друга.

Совѣтница. Безъ сомнѣнія, мы рождены подъ одною кометою.

Сынъ. Все несчастье мое состоить въ томъ только, что ты русская.

Совѣтница. Это, ангель мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сынъ. Это такой *défaut*, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя.

Совѣтница. Что-жъ мнѣ дѣлать?

Сынъ. Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть. Я съищу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ. Тамо остатки днѣй нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société.

Совѣтница. Вѣрно, душа моя! Только я думаю, отецъ твой не согласится отпустить тебя въ другой разъ во Францію.

Сынъ. А я думаю, что и его увезу туда съ собою. Просвѣщаться никогда не поздно; а я за то порукою, что онъ, съездя въ Парижъ, по

крайней мѣрѣ хотя скольконибудь на человѣка походить будетъ.

Совѣтница. Не то на умѣ у отца твоего. Я оченьувѣрена, что онъ нашу деревню предпочтеть и раю, Парижу. Словомъ, онъ мнѣ дѣлаетъ свой курь.

Сынъ. Какъ онъ мой риваль?

Совѣтница. Я примѣчаю, что онъ смертно влюбленъ въ меня.

Сынъ. Да знаетъ ли онъ право честныхъ людей? Да вѣдѣсть ли онъ, что за это дерутся?

Совѣтница. Какъ, душа моя, ты и съ отцомъ подраться хочешь.

Сынъ. Et pourquoи non? Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ... le nom m'est échappé, да... въ книгѣ «Les sottises du temps», что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль... а я, или я скотъ, чтобы не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ?

Совѣтница. Твой отецъ очень смѣшонъ.. та-
кие дураки... ахъ! какъ онъ легокъ на поминѣ-
то... вотъ онъ и идетъ!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЬ ЖЕ И БРИГАДИРЪ.

Бригадиръ. Я уже началь здѣсь хо�айничать. Пришель звать васъ къ столу. Да что ты, матушка, разговорилася съ моимъ повѣсою? А ты что здѣсь дѣлаешь? Ты долженъ быть съ своею невѣстою.

Сынъ. Батюшка, я здѣсь быть хочу.

Бригадиръ. Да я не хочу.

Совѣтница. Да вамъ, сударь, какое до того дѣло?

Бригадиръ. Мнѣ не хочется, матушка, чтобы онъ тебѣ болтаньемъ своимъ наскучилъ. Я

лучше бы хотѣль самъ съ тобою поговорить о дѣлѣ.

Совѣтница. Говорите, что вамъ угодно.

Бригадиръ. Мнѣ угодно, чтобы сынъ мой былъ отъ насъ подалѣ: онъ вамъ наскучить.

Совѣтница. Нѣть, сударь; мы очень весело безъ васъ время проводили.

Бригадиръ. Да я безъ тебя скучаю (Взглянувъ на Сына). Поди ты вонъ, повѣса!

Совѣтница (къ Сыну). Когда время идти къ столу, такъ пойдемъ. (Подаеть ему руку: онъ ведеть ее жеманясь, а Бригадиръ, идучи за нимъ, говоритъ):

Бригадиръ. Добро, Иванъ, будеть то время, что ты и не такъ кобениться станешь.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

БРИГАДИРЪ И СЫНЪ.

Бригадиръ. Слушай, Иванъ, я рѣдко съ молоду краснѣль, однако, теперь отъ тебя, при старости, сгорѣль-было.

Сынъ. Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотять меня женить на русской?

Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако, духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако, ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франції. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ. Я тебя называлъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой осель!

Сынъ. Эдакой осель! (Въ сторону). П ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le repète, что мои уши къ такимъ терминамъ

не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну, кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того, по крайней мѣрѣ, не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Бригадиръ. Что это за манмокъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаеть свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ...

Бригадиръ. О, ежели-бѣ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ обѣ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое подлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя шпицрутеномъ.

Сынъ. Батюшка! вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фронтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. Твоя правда, не къ чему; а впредь, какъ ты что нибудь совершишь, то вльплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобы онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; сдѣдовательно, не можетъ парировать и о томъ, чтобы онъ никогда быть не быть. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. Эдакой уродъ! Отца примѣниль къ медвѣдю: развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Такъ нѣтъ, развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: *voilà mon caractère.* Да какое право имѣете вы надо мною властновать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, багюшка, не всѣ ли животныя, *les animaux*, одинаковы.

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно, всѣ, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всѣ животныя однаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣть. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли и я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ.

Бригадиръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако, я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣть со мною палки! Эдакой скосырь выѣхалъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЬ ЖЕ И БРИГАДИРША.

Бригадирша. Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку. Не потерялъ ли ты чего нибудь?

Бригадиръ. И очень много! Пропажа не мала.

Бригадирша (запыхалася). Что за бѣда! Что такое?

Бригадиръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него были.

Бригадирша (отдыхая). Тьфу, какая пропасть. Слава Богу! Я было обмерла, испугалась! думала, что и впрямь, не пропало-ль что нибудь.

Бригадиръ. А развѣ умъ-то ничто?

Бригадирша. Какъ ничто? Кто тебѣ это скаживалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. Безъ него! А безъ него нажила ты вотъ этого урода; не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишишь его къ полку; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ, а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка! нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой!—Вотъ мать моя, вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю; не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ (зѣваетъ). Quelles espèces!

Бригадиръ. Вотъ говори ты съ нимъ, пожалуй, а онъ лишь ротъ дереть. Иванъ, не бѣси меня Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я?

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ И СОВѢТНИЦА,

Совѣтница. Что ты, сударь, затѣялъ? Возможно ли, чтобъ я стерпѣла здѣсь такое barbarie?

Бригадиръ. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Совѣтница. Какъ, вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадиръ. Да, вѣдь, матушка, у него не только что два ребра: ежели я ихъ выломлю, такъ съ него еще останется. А для меня все равно, будутъ ли у него тѣ два ребра или не будутъ.

Бригадира. Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи своеѣ говорить изволилъ.

Сынъ (къ Савѣтицѣ). C'est l'homme le plus bouru que je connais.

Совѣтница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша къ сыну вашему меня беспокоитъ?

Бригадиръ. А я, матушка, думалъ, что грубость его ко мнѣ васъ беспокоитъ.

Совѣтница. Ни мало. Я не могу терпѣть пристрастія. Мериты должны быть всегда респекто-ваны; конечно, вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

Бригадиръ. Не вижу! Да скажите же вы мнѣ, какія достоинства вы въ немъ видите?

Совѣтница. Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

Бригадира. Только-ль, матушка, что въ Парижѣ. Онъ былъ еще во Франціи. Шутка-ль это!

Бригадиръ. Жена, не полно-ль тебѣ вратъ?

Бригадира. Вотъ, батюшка, правды не говори тебѣ.

Бригадиръ. Говори, да не ври.

Совѣтница (къ Бригадиру). Вы, конечно, не слы-хивали, какъ онъ былъ въ Парижѣ принять.

Бригадиръ. Онъ этого сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣль, матушка.

Совѣтница. Скажите лучше, что не хотѣть; а ежели я васъ, monsieur, прошу теперь, чтобы вы о своемъ вояжѣ что нибудь поговорили, со-гласитесь ли вы меня контантировать?

Сынъ. De tout mon coeur madame; только въ присутствіи батюшки мнѣ неспособно исполнить вашу волю. Онъ зашумитъ, помѣшаетъ, оста-новитъ.

Совѣтница. Онъ для меня этого, конечно, не сдѣлаєтъ.

Бригадиръ. Для васъ, а ни для кого больше на свѣтѣ, я молчать соглашаюсь, и то пока мочь будетъ. Говори, Иванъ.

Сынъ. Съ чего-жъ начать? раз оù commences?

Совѣтница. Начните съ того, чѣмъ вамъ Парижъ понравился и чѣмъ вы, monsieur, понравились Парижу.

Сынъ. Парижъ понравился мнѣ, во-первыхъ, тѣмъ, что всякий отличается въ немъ своими достоинствами.

Бригадиръ. Постой, постой. Иванъ! Ежели это правда, то какъ же ты понравился Парижу?

Совѣтница. Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ, вы должны учтивостью дамамъ, которыхъ хотятъ слушать его, а не васъ.

Бригадиръ. Я виноватъ, матушка, и для васъ, а ни для кого болѣе молчать буду.

Совѣтница (къ Сыну). Продолжайте, monsieur, continuez.

Сынъ. Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю. Куда бы я не приходилъ, вездѣ или я одинъ говорилъ, или всѣ обо мнѣ говорили. Всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни видали, вездѣ у всѣхъ радость являлась на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ, что они обо мнѣ думаютъ.

Совѣтница (Бригадиру). Не должны ли вы прійти въ восхищеніе? Я,ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Бригадирша (плача). Я безъ ума отъ радости. Богъ привелъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Совѣтница (Бригадиру). Что-жъ вы ничего не говорите?

Бригадиръ. Я, матушка, боюся васъ прогнѣвать, а безъ того бы я, конечно, или засмѣялся, или заплакалъ.

Совѣтница. Continuez, душа моя.

Сынъ. Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то есть не русскіе.

Совѣтница! Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако, я о Франціи получила [уже отъ тебя изрядную идею. Неправда ли, что во Франціи живутъ по большей части французы?

Сынъ (съ восторгомъ). Vous avez le bon de deviner.

Бригадирша. Какъ же, Иванушка! неужели тамъ люди-то не такие, какъ мы всѣ русские?

Сынъ. Не такие какъ вы, а не какъ я.

Бригадирша. Для чего же? Вѣдь и ты мое рожденіе.

Сынъ. N'importe! Всякій, кто былъ въ Парижѣ, имѣеть уже право, говоря про русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ, что онъ уже сталъ больше французъ, нежели русскій.

Совѣтница. Скажи мнѣ, жизнь моя: можно-ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они русские.

Сынъ. Totalement, нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено. Однако, нельзя и того сказать, чтобы оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ illusion.

Бригадиръ (къ Совѣтницѣ). Матушка, позволь мнѣ одно словцо на все ему сказать.

Сынъ (къ Совѣтницѣ). Cela m'excÃ©de, je te retire (выходитъ).

Бригадирша (къ Совѣтницѣ). Что онъ, матушка это выговорилъ? не зенемогъ ли Иванушка, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся. Пойти посмотреть-было.

ЯВЛЕНИЕ IV.

БРИГАДИРЪ, СОВѢТНИЦА.

Совѣтница. Вотъ что вы сдѣлали! Вы лишили меня удовольствія слышать исторію вашего сына и цѣлаго Парижа.

Бригадиръ. А я бы думалъ, что я избавилъ тебя отъ неудовольствія слышать дурачества.

Развѣ матушка, тебѣ угодно шутить надъ моимъ сыномъ.

Совѣтница. Развѣ вамъ, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадиръ. Надъ тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтобы меня ту минуту аркибузировали, въ которую помышляю я о тебѣ худо.

Совѣтница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму.

Бригадиръ. Не за что, матушка.

Совѣтница. Вашъ сынъ, я вижу, страждеть отъ вашихъ грубостей.

Бригадиръ. Теперь для васъ ему спускаю: однако, рано или поздно, я изъ него французскій духъ вышибу; я вижу, что онъ и вамъ уже скученъ.

Совѣтница, Вы ошиблись. Перестаньте грубить вашему сыну. Вѣдаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадиръ. Какими?

Совѣтница. Развѣ вы глухи? Развѣ вы безчувственны были, когда онъ разсказывалъ о себѣ и о Парижѣ?

Бригадиръ. Я бы хотѣль такъ быть на этотъ разъ, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите: разсказы его пустошь. Онъ хотя и мой сынъ, однако, таить нечего: гдѣ онъ былъ? въ какихъ походахъ? на которой акціи? А ежели ты охотница слушать и впрямь что нибудь пріятное, то прикажи мнѣ: я тебѣ въ одинъ мигъ расскажу, какъ мы турковъ наполовину положили; я не жалѣль басурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако, все не такъ опасно, какъ теперь?

Совѣтница. Какъ теперь? Что это такое?

Бригадиръ. Это то, о чёмъ я, матушка, съ тобой давно уже поговорить хотѣль, да проклятый сынъ мой съ бездѣлками своими мѣшать

мнѣ всякий разъ, и ежели тебѣ угодно, то и его завтра же за это безъ живота сдѣлаю.

Совѣтница. За что, сударь, вы хотите его такъ изувѣчить.

Бригадиръ. За то, что, можетъ быть, безъ него я давно бы тебѣ сказалъ мой секретъ и взялъ бы отъ тебя отвѣтъ.

Совѣтница. Какой секретъ? Какой отвѣтъ?

Бригадиръ. Я чиновъ не люблю, я хочу одного изъ двухъ: да или нѣть.

Совѣтница. Да чего вы хотите? Что вы такъ перемѣнились?

Бригадиръ. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мнѣ тревога, когда смотрю я на твои бодрыя очи.

Совѣтница. Что это за тревога?

Бригадиръ. Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи противъ цѣлой непріятельской арміи. Глаза твои мнѣ страшнѣе всѣхъ пуль, ядеръ и картечей. Одинъ первый ихъ выстрѣль прострѣлилъ уже навылетъ мое сердце, и прежде, нежели меня ухлопаютъ, сдаюся я твоимъ военноплѣннымъ.

Совѣтница. Я, сударь, дискуру твоего вовсе не понимаю, и для того, съ позволенія вашего, я васъ оставляю.

Бригадиръ. Постой, матушка! Я тебѣ вытолкну все гораздо яснѣе. Представь себѣ фортецю, которую хочетъ взять храбрый генераль: что онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я, какъ храбрый полководецъ, а ты моя фортеця, которая какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее сдѣлать можно.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ, СОВѢТНИКЪ И ДОБРОЛЮБОВЪ.

Совѣтники (къ Добролюбову). Такъ дѣло твое уже рѣшено?

Добролюбовъ. Рѣшено, сударь.

Бригадиръ. О, чортъ ихъ побери! Который разъ принимаюсь, да не дадутъ кончить!

Совѣтница. Что-жъ вы, сударь?

Бригадиръ. Матушка, это не такое дѣло, о котормъ бы я говорить могъ при вашемъ сожителѣ (выходя). Я съ досады тресну.

ЯВЛЕНИЕ VI.

СОВѢТНИНЪ, ДОБРОЛЮБОВЪ, СОВѢТНИЦА.

Совѣтникъ. Да ты какъ рано о дѣлѣ свою свѣдалъ?

Добролюбовъ. Сейчасъ.

Совѣтница. Какъ, вы вашъ процессъ выиграли?

Добролюбовъ. Такъ, сударыня; состояніе мое гораздо поправилось. Я имѣю двѣ тысячи душъ.

Совѣтникъ. Двѣ тысячи душъ! О! Создатель мой, Господи! и при такихъ достоинствахъ! Ахъ, какъ же ты теперь почтенія достоинъ!

Совѣтница. Да не были ли вы притомъ и въ Парижѣ?

Добролюбовъ. Нѣть, сударыня.

Совѣтница. Жаль: это одно всѣ мериты помрачить можетъ.

Совѣтникъ. Однако, ежели у кого есть двѣ тысячи душъ, то, мнѣ кажется, онѣ всѣ пороки наградить могутъ. Двѣ тысячи душъ и безъ помѣщичьихъ достоинствъ всегда двѣ тысячи душъ, а достоинства безъ нихъ—какія къ чорту достоинства! Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты такъ скоро могъ выходить свое дѣло, и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ. Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихонимцевъ перешло всѣ предѣлы. Кажется, что нѣть такихъ запрещеній, которыя ихъ унять бы могли.

Совѣтникъ. А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить

дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это — противъ натуры человѣческой... Какъ же ты дошелъ до того, что дѣло твое рѣшено стало?

Добролюбовъ. Мы счастливы тѣмъ, что всякий, кто не находить въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, можетъ идти, наконецъ, прямо къ высшему правосудію. И принять смѣлость къ оному прибѣгнуть — и суды мои принуждены были строгимъ повелѣніемъ рѣшить мое дѣло.

Совѣтникъ. Хорошо, что твое дѣло право, такъ ты могъ идти далѣе; ну, а ежели бы оно было не таково, какъ бы ты далѣ-то съ нимъ пошелъ?

Добролюбовъ. Я бы не только не пошелъ тогда далѣе, да и не стала бы трудить судебное мѣсто.

Совѣтникъ. Такъ хорошее ли это дѣло? А въ мое время всякий и съ правымъ и неправымъ дѣломъ шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію. Въ мое время далѣ не совались. У насъ была пословица: «до Бога — высоко, до царя — далеко».

Совѣтница (къ Добролюбову). Мнѣ кажется, что вамъ время уже себя эtabлировать, время жениться.

Добролюбовъ. Я ни на комъ жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Совѣтникъ. Другъ мой сердечный, ты быть недосгаточень, да къ тому же и мои обстоятельства не таковы.

Совѣтница. Я, съ моей стороны, никогда въ вашемъ сватовствѣ не препятствовала.

Добролюбовъ. Однако, я уже лѣститься могу...

Совѣтникъ. Теперь мнѣ ни того ни другого сказать нельзя. Пойдемъ-ка лучше да выпьемъ по чашкѣ чаю. Послѣ обѣда о дѣлахъ говорить неловко. Я всегда интересный дѣла рѣшать по утрамъ.

конецъ третьего дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

ДОБРОЛЮБОВЪ, СОФЬЯ.

Добролюбовъ. Я великую надежду имѣю къ совершенію нашего желанія.

Софья. А я не смѣю еще ласкаться ею. Съ тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка измѣняетъ моей мачихѣ, то и перемѣна состоянія твоего не можетъ церемонійничать его намѣренія.

Добролюбовъ. Однако, я видѣлъ, съ какимъ чувствиемъ услышалъ онъ вѣсть о рѣшеніи дѣла моего въ пользу мою. Я также мыслей своихъ отъ тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отецъ твой любить богатство, а корыстолюбіе дѣлаетъ изъ человѣка такія же чудеса, какъ и любовь.

Софья. Со всѣмъ тѣмъ корыстолюбіе рѣдко любовь побѣждаетъ. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтобы судьба моя съ твоей соединилась; я, однако, и тѣмъ однимъ уже утѣшаюсь, что твое состояніе поправилось.

Добролюбовъ. Мое состояніе до тѣхъ поръ не-

счастно будетъ, пока не исполнится мое главнѣйшее желаніе. Ты знаешь, въ чёмъ состоить оно. Тебѣ известно мое сердце...

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ И БРИГАДИРША.

Добролюбовъ (видя, что Бригадирша слезы утираетъ). О чёмъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видеть, каково мое житѣе!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу, и ворогу идти замужъ.

Софья. Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ женою была вашего сына?

Бригадирша. Тебѣ, матушка, для чего за него нѣти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ. Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша. И вѣдомо.

Софья. Какъ же это: то про себя, то про всѣхъ? Скажите, матушка, что нибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить, а мнѣ что?

Добролюбовъ. Что же вамъ угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда такъ поплакать въ свою волю.

Софья. Да о чёмъ же?

Бригадирша (плача). О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичъ напади на меня ни за что, ни про что. Ругаль, ругаль, а Господь вѣдаетъ за что. Ужъ я у него стала и свинья, и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбовъ. Конечно, видимъ, сударыня.

Софья. Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бриадириша. Такъ, слово за слово. Онъ же такого крутого нрава, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало; разсуди же, моя матушка, вѣдь долго-ль до бѣды: раскроинть черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да ни что сдѣлаешь.

Добролюбовъ. Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бриадириша. До лихого часу долго ли?

Софья. Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бриадириша. То нѣть, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобы онъ убилъ меня до смерти. Нѣть, нѣть еще!

Добролюбовъ. Объ этомъ, сударыня, вѣсъ никто и не спрашиваетъ.

Софья. Довольно, ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бриадириша. То онъ силенъ, матушка. Однажды, и то безъ сердцовъ, знаешь, въ шутку, потолкнуль онъ меня въ грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилиу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились,—не вѣидѣла свѣта Божьяго?

Софья. И это было въ шутку!

Бриадириша. Насилу отдохнула; а онъ—мої батюшка—хочетъ да тѣшился.

Добролюбовъ. Изрядный смѣхъ!

Бриадириша. Недѣль черезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть-было-чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ. Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было вѣсъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бриадириша. Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житѣе-то худо-худо, а все не такъ, какъ бывало нашихъ офицер-шней. Я всего наглядѣлась. У насъ быть на

шего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая, изрядная, изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной: такъ, вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздить онъ, гвоздить ее, бывало, въ чемъ душа остается, а ни дай ни вынеси за что. Ну, мы, наше сторона дѣло, а и то наплачешься на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ, что возмушаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково же было терпѣть капитаншъ?

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЬ ЖЕ, СЫНЪ И СОВѢТНИЦА.

Совѣтница (Сыну). Не угодно ли сыграть партію въ карты?

Сынъ. Съ великою охотою, avec plaisir.¹

Совѣтница. Такъ велѣть подать карты. Лакей! столъ и карты. (къ Добролюбову). Не изволите ли вы здѣсь партію въ кадриль?

Добролюбовъ. Ежели вамъ угодно (между тѣмъ ставятъ столъ и подаютъ карты).

Сынъ (разбираетъ карты и подаетъ каждому по картѣ для мѣстъ. Къ Совѣтницѣ). Madame! (къ Бригадиршѣ). Madame!

Бригадирша. Это на что, Иванушка? Да коли играть, такъ всѣ раздай. Развѣ, мой батюшка, нынѣ по одной карточкѣ играютъ?

Сынъ. Это для мѣстъ.

Бригадирша. И! Мнѣ и такъ, по милости хо-зяйской, мѣсто будетъ.

Сынъ. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что мнѣ, батюшка, въ одной карточкѣ.

Совѣтница. Играете ли вы въ кадриль, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя! я и слухомъ не слыхала, что это.

Совѣтница (къ Софьѣ). Такъ возьмите вы.

Сынъ. Mademoiselle! (Подаетъ и всѣ садятся. Между тѣмъ какъ Сынъ сдастъ карты).

Бригадирша. А я сяду, матушка, да посмотрю на васъ, какъ вы забавляетесь.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ, БРИГАДИРЪ И СОВѢТНИКЪ.

Бригадиръ. Ба! здѣсь и картежъ завели!

Совѣтникъ. А ты не изволишь ли со мною игорку въ шахматы, въ большую?

Бригадиръ. Давай, бери (Садятся на другомъ концѣ. Между тѣмъ какъ Совѣтникъ съ Бригадиромъ выступаютъ и однѣ другому говорить): Я такъ (а тогдѣ ему): а я такъ.

Совѣтница. Въ керахъ волю.

Сынъ. Passe (и всѣ пасуютъ).

Совѣтница. Они и они.

Бригадирша. Что за околосица—они и они? кто это они?

Совѣтникъ (услышавъ ея вопросъ). Нынѣ, матушка, всѣхъ игоръ и не разберешь, въ которыхъ люди тѣшиться изволять:

Бригадирша. Такъ, мой батюшка, ужъ чего нынѣ не выдумаютъ. Они и они! Куды мудренъ народъ! (Заглянувъ къ Сыну въ карты). Ахъ, Иванушка, какъ на рукахъ-то у тебя жлудей, жлудей!

Сынъ. Матушка, я брошу карты; je les jette par terre.

Совѣтница. И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на умѣ... Рекизъ!

Бригадиръ (вслушавшись въ рѣчу Совѣтницы). На умѣ? Было бы на чемъ!.. Шахъ!

Совѣтникъ. Олохо, плохо мнѣ приходить.

Бригадиръ. Не шути, сватушка.

Сынъ (показавъ карты). Санпрандеръ шесть матеровъ.

Бригадирша. Что, мой батюшка, что ты скажалъ мададуры? Вотъ нынче стали играть и въ дуры, а бывало, такъ все въ дураки игравали.

Совѣтникъ. Такъ, матушка моя, мало ли чего бывало, и ничего нѣть,—чего не бывало, и что есть.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка. Бывала и я въ людяхъ, а нынѣ—что ужъ и говорить—старость пришла, ужъ и памяти нѣть.

Бригадиръ. А ума не бывало.

Сынъ (поетъ французскую пѣсню. Совѣтника пристаетъ къ нему. Къ Совѣтнику). Madame, мы оба беты. Матушка, пропойте-ка вы намъ какой нибудь эръ.

Бригадирша. Что пропѣть? И, мой батюшка, голосу нѣть; духъ занимаетъ... Да что это у васъ за игра идеть? Я не разберу, хоть ты меня зарѣжь. Бывало, какъ мы заведемъ игру, такъ или въ марьяжъ, или въ дураки; а всего веселѣй, бывало, въ хрюшки. Раздадутъ по три карточки; у кого шикусъ, тотъ и вышелъ, а кто останется, такъ дранье такое подымутъ, что животики надорвешь.

Совѣтникъ (смѣется съ нѣжностью). Ха-ха-ха! Я самъ игрывалъ, бывало, и помнится мнѣ, при всякой картѣ разныя забавы.

Добролюбовъ. Медіаторъ.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка! (Схватила однѣ карты и подбѣжала къ Совѣтнику). Вотъ, бывало, коли кто виновать, такъ и скажутъ: съ той стороны не проши вотъ этого, а съ этой этого; а потомъ (держа въ рукѣ карты, однимъ пальцемъ шмыкаетъ. Между тѣмъ Совѣтникъ останавливаетъ игру въ шахматы и смотритъ на нее съ нѣжностью) тотъ и выглядываетъ карточку, а тамъ до этой карты и пойдетъ за всякую дранье; тамъ разно: краля по щекѣ, холопъ за ухо волокъ.

Бригадиръ. Жена, давай-ко со мною въ хрюшки! (Встаетъ. Къ Совѣтнику). Воля твоя, мы эдакъ вѣкъ не кончимъ.

Сынъ. Pardieu! Матушка, куда ты карты дѣвала?

Бригадирша. Здѣсь, Иванушка.

Сынъ (вскоча). Il est impossible de jouer (Всѣ встаютъ).

Бригадирша. Да я вамъ что, мой батюшка, помѣшала? Вѣдь у васъ есть карты, да еще и съ тройками.

Бригадиръ. Слушай, жена: ты куда ни придешь, вездѣ напроказишь.

Бригадирша. Да тебѣ, мой батюшка, чѣмъ я помѣшала? Ты бы знать выступалъ своей игрой. Вѣдь къ нему подошла (указывая на Советника), а не къ тебѣ.

Бригадиръ. У кого нѣть ума, тотъ, подошедши къ одному, всѣмъ помѣшать можетъ.

Бригадирша. Вотъ такъ: я же виновата стала.

Сынъ. Матушка, да развѣ я винователь? (Указывая на Добролюбова). Ou ce monsieur? (Указывая на женщину) ou ces dames?

Совѣтникъ. Полно, зятюшка: тебѣ бы и грѣшино было упрекать рожденную.

Совѣтница. А вамъ стыдно, сударь, не въ ваши дѣла вступаться.

Бригадиръ. Я, сватъ, тебя люблю; а съ женою моей, пожалуй, ты не мири меня. Развѣ ты, сватъ, не вѣдаешь пословицы: «свои собаки грызутся, чужая не приставай».

Сынъ. Такъ, батюшка, всѣ пословицы справедливы, а особливо французскія. Не правда ли (къ Добролюбову), monsieur?

Добролюбовъ. Я знаю много и русскихъ очень справедливыхъ (къ Софѣ); не правдали, сударыня?

Софья. Правда.

Сынъ (къ Софѣ). А какія-жъ?

Софья. Напримѣръ, сударь: «ври дуракъ что хочешь, со вранья пошлины не берутъ».

Бригадиръ. Такъ, матушка, ай люблю! Вотъ тебѣ пословица и загадка. А ежели хочешь ты,

Иванъ, чтобы я отгадалъ ее, такъ дуракъ - отъ выйдешь ты.

Сынъ. Par quelle raison?

Совѣтница. По какому резону?

Бригадиръ. По такому, матушка, что онъ вретъ безпошлино.

Бригадиша. Слава Богу, милость Божія, что на вранье-то пошлины нѣтъ. Вѣдь куда бы какое всѣмъ намъ было разореніе!

Бригадиръ. А особливо тебѣ: ты бы часовъ въ пять-шесть пошла по міру.

Совѣтникъ. Не гнѣвайся, матушка, на своего супруга, на него сегодня худой стихъ нашель.

Бригадиша. И, мой батюшка, мнѣ-ль сердиться, когда онъ гнѣвается; мое дѣло убираться теперь далѣ (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

БРИГАДИРЪ, СОВѢТНИКЪ, СОВѢТНИЦА, ДОБРОЛЮБОВЪ, СЫНЪ И СОФЬЯ.

Бригадиръ. Дѣло и сдѣлала.

Совѣтница (къ Софье). Поди-жъ, сударыня, къ своей свекрови. Вѣдь ей не одной сидѣть тамо.

Софья. Иду, сударыня (отходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

БРИГАДИРЪ, СОВѢТНИКЪ, СОВѢТНИЦА, ДОБРОЛЮБОВЪ И СЫНЪ.

Совѣтникъ. Воля твоя, братецъ! Ты весьма худо поступаешь съ своею супругою!

Бригадиръ. А она весьма худо со мной.

Совѣтница. Чѣмъ же, сударь?

Бригадиръ. Тѣмъ, матушка, что она не къ мѣсту печальна, не къ добру весела: зажилась, грѣха много, не кстати.

Совѣтникъ. Какъ не кстати? Что-жъ ты и за-правду, сватушка? Дай Богъ ей многолѣтнее

здравье и долгіе вѣки. Съ умомъ ли ты! кому ты желаешь смерти?

Сынъ. Желать смерти никому не надобно, топ cher père, ниже собакъ, не только моей матушки.

Бригадиръ. Иванъ, не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако, все больше ей хочу добра, нежели ты намъ обоимъ.

Сынъ. Я вѣсть не учу, а говорю правду.

Бригадиръ. Говори ее тогда, когда спрашиваются.

Совѣтница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда онъ вѣсть не спрашиваетъ.

Бригадиръ. Для того, матушка, что онъ мой сынъ; каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у такого-то бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница?

Сынъ. Батюшка, я негодница; je vous demande pardon; я такой сынъ, по которому свѣть узнаетъ вѣсть больше, нежели по вашемъ бригадирствѣ! Вы, monsieur (къ Добролюбову), конечно, сами знаете много дѣтей, которые дѣлаютъ честь своимъ отцамъ.

Добролюбовъ. А еще больше такихъ, которыхъ имъ дѣлаютъ безчестье. Правда и то, что всему причиной воспитаніе.

Бригадиръ. Такъ, государь мой, правда. Дура матеръ его, а моя жена, причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже.

Совѣтникъ. Э! Господа Бога не боишься ты, сватушка; за что ругаешь ты такъ свою супругу, которая можетъ называться вмѣстилищемъ человѣческихъ добродѣтелей?

Бригадиръ. Какихъ?

Совѣтникъ. Она смирна яко агнецъ, трудолюбива яко пчела, прекрасна яко райская птица (вздыхая) и вѣрна яко горлица.

Бригадиръ. Развѣ умна какъ корова, прекрасна какъ бы кто... какъ сова.

Совѣтникъ. Какъ дерзаешь ты примѣнить свою супругу къ ночной птицѣ?

Бригадиръ. Денную дуру къ ночной птицѣ примѣнить, кажется, можно.

Совѣтникъ (вздыхая). Однако она все тебѣ вѣрна пребываеть.

Совѣтница. Въ самомъ дѣлѣ, много въ ней добродѣтели, если она вѣсъ любить.

Бригадиръ. Да кого же ей любить-то, ежели не меня? мнѣ дурно самому хвастать; а право я, кажется, благодаря Бога, заслужилъ мой чинъ вѣрой и правдой, то есть она по мнѣ стала бригадиршой, а не я по женѣ бригадиръ; это въ нынѣшнемъ свѣтѣ примѣтить надоно. Такъ какъ же ей другого-то и полюбить можно? А кабы я не таковъ былъ, тогда посмотрѣть бы на добродѣтель; а особливо когда бы поискать въ ней кто нибудь также изъ нашей братыи первыхъ пяти классовъ.

Совѣтникъ. Нѣтъ, братецъ, не говори того: супруга твоя во-истину не такова. Да не похвалится всяка плоть передъ Богомъ; а хотя бы достойный и предостойный человѣкъ поискать въ ней, право бы ничего не нашель. Вѣда это, мой другъ, не городъ,—штурмомъ не возьмешь.

Бригадиръ. Ты говоришь это, а я знаю, каковъ я.

Сынъ. Что-жъ вы, батюшка? Ха-ха-ха-ха, неужели вы думаете сердце взять штурмомъ?

Бригадиръ. Иванъ, мнѣ кажется, нѣтъ ли теперь штурма въ твоей головушкѣ? Не можно ли потише?

Совѣтница. Вы сами шумѣть больше всѣхъ любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтобы сынъ вашъ не говорилъ того, что онъ думаетъ? Вы ужастъ какъ бизарны! (Къ Сыну и Добролюбову). Мез-

sieurs! я хочу оставить ихъ продолжать важные ихъ дискуры и въсъ прошу сдѣлать то же.

Сынъ. Я иду за вами. Adieu, messieurs!

Добролюбовъ. Я волѣ вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНИЕ VI.

БРИГАДИРЪ И СОВѢТНИКЪ.

Совѣтникъ. И жена моя уже примѣтила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадиръ. Нѣть; а я примѣтиль, что она слишкомъ горячо вступается за моего сына.

Совѣтникъ. Я того не примѣчаю.

Бригадиръ. Тѣмъ хуже.

Совѣтникъ. А что же?

Бригадиръ. Ничего, сватъ; однако, я моей женѣ не совѣтоваль бы за чужого дѣтину такъ примиѣ вступаться.

Совѣтникъ. Ты думаешь, братецъ, что и я спустиль бы женѣ моей, ежели-бъ усмотрѣль я что нибудь у нея благое на умѣ... Слава Богу, у меня глаза-то есть; я не изъ тѣхъ мужен, которые смотрять, да не видягъ.

Бригадиръ. Я, съ моей стороны, спокоенъ: жена моя другого не полюбитъ.

Совѣтникъ. Цѣломудріе ея извѣстно тому, кто, по несчастію, ослѣпленъ ея прелестями.

Бригадиръ. Однако, такого дурака нѣть на свѣтѣ, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Совѣтникъ. Да что же ты браницыся?

Бригадиръ. Кого? Нѣть, братецъ. Я говорю, что эдакого скота не родилось, который бы вздумалъ искать въ моей женѣ...

Совѣтникъ. Да за что же ты браницыся?

Бригадиръ. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься мою женою?

Совѣтникъ. Будто ты и не бранишься? (Съ сердцемъ). Почему же тотъ дуракъ, который бы плѣнился Акулиной Тимоѳеевной?

Бригадиръ. Потому что она дура.

Совѣтникъ. А она такъ разумна, что всѣ ея слова напечатать можно.

Бригадиръ. Для чего не напечатать! Я слыхалъ сватъ, что въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ врутъ не умнѣе жены моей.

Совѣтникъ. Возможно ли тому статья, чтобы въ книгахъ врали? Да вѣдаешь ли ты, братецъ, что печатному-то надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ православнымъ? Видно, вѣра-то у насъ пошатнулась; еретиковъ стало больше.

Бригадиръ. А мнѣ кажется, что много печатнаго вздору у насъ не оттого, чтобы больше стало еретиковъ, а развѣ оттого, что больше стало дураковъ. Вѣдь я, говоря о женѣ моей, не говорю того, чтобы она всѣхъ была глупѣе.

Совѣтникъ. А я говорю о твоей супругѣ и всегда скажу, что нѣть ея разумнѣе.

Бригадиръ. Хотя бы мнѣ съ досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Совѣтникъ. Всякому, братецъ, въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Я въ своей женѣ многое вижу, чего ты не видишь.

Бригадиръ. Положимъ, что это правда; однако и то не ложь, что и я въ супругѣ твоей также многое теперь вижу, чего ты не видишь.

Совѣтникъ. А что бы такое?

Бригадиръ. То, что ты, можетъ быть, увидишь, да поздно.

Совѣтникъ. Я знаю, братецъ, къ чему ты пригбаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моей женою; однако, для счастія мужей, дай Господи Боже, чтобы всѣ жены таковы цѣломудренны были, какъ моя.

Бригадиръ. Женщины обыкновенно бываютъ

цѣломудренны съ людьми заслуженными, а съ повѣсами рѣдко.

Совѣтникъ. Мудрено, братецъ Игнатій Андреевичъ, меня обмануть.

Бригадиръ. А всего мудренѣе, ежели я въ этомъ обманываюсь.

Совѣтникъ. Мы оба, кажется, не таковы, чтобы наши жены могли отъ насъ полюбить чужого мужика. Я съ первою женою жилъ лѣтъ съ пятинаадцать и могу, благодаря Бога, сказать, что она такъ же жила, какъ и эта. Я въ женахъ не безсчастенъ.

Бригадиръ. Разумѣю.

Совѣтникъ. Жена, какая бы ни была, да только ежели у доброго мужа, то ей и на умъ не вспадеть полюбить другого.

Бригадиръ. Не говори, братецъ. Со мною служилъ въ одномъ полку секундъ-маюромъ — до имени нужды нѣть — мужикъ не дуракъ и на взглядъ дѣтина добръ. Ростомъ чуть не вдвое меня выше...

Совѣтникъ. Этому статься нельзя, братецъ...

Бригадиръ. Однако, я не лгу. Въ мое время, когда я еще былъ помоложе, народъ былъ гораздо круинѣе.

Совѣтникъ. Только все не такъ крупенъ, ты какъ сказываешь. Правда, что и въ нашей коллегіи быть карцеляристъ одинъ, чуть не впятеро меня толще...

Бригадиръ. Этому статься нельзя, братецъ...

Совѣтникъ. Конечно, такъ. Когда я былъ въ коллегіи, тогда, отъ президента до сторожа, всѣ были люди дородные.

Бригадиръ. Ты, братецъ, перебилъ только рѣчь мою. Да о чёмъ биши я тебѣ хотѣль сказать?

Совѣтникъ. Право, не знаю.

Бригадиръ. И я не вѣдаю... о чёмъ биши... да, о секундъ-маюре. Онъ былъ мужикъ предорогой; цѣлый полкъ зналъ, что жена его любила на-

шего полковника, подполковника, премье́р-маи́ора, или, лучше сказать, всѣ вѣдали, что изъ нашихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ не любила она одного его; а онъ, собачий сынъ, и мыслить не хотѣть, чтобы она, кромѣ его, кого нибудь полюбить могла.

Совѣтникъ. Что-жь мы такъ долго одни заговорились?

Бригадиръ. О дѣлѣ я говорить не скучливъ; однако, пойдемъ туда, гдѣ всѣ (выходи). Впрямь, ежели не переставать рассказывать о томъ, какъ люди ошибаются, то мы не сойдемъ съ мѣста и до скончанія нашей жизни.

Совѣтникъ. Пойдемъ же, пойдемъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

БРИГАДИРША И СЫНЪ.

Бригадирша. Не упрямься, Иванушка. Для чего тебе не жениться?

Сынъ. Матушка! Довольно видеть вась съ батюшкою, чтобы получить совершенную аверсию къ женитьбѣ.

Бригадирша. А что-жъ бы такое, другъ мой? развѣ мы спустя рукава живемъ? То правда, что деньжонокъ у насъ немного: однакожъ, онъ не переводятся.

Сынъ. Мало иль ничего, c'est la mème chose, для меня все равно.

Бригадирша. Какъ все равно, батюшка! Случится иногда и въ десяти копѣйкахъ нужда, такъ и тѣхъ изъ земли не выроешь. Ужъ куда, право, nonъ вы прихотливы стали! У васъ вотъ и десять копѣекъ за пометъ; а того и не помнишь, что гривною въ день можно быть сыту.

Сынъ. Матушка, я хочу быть лучше голодень, нежели сътъ за гривну.

Бригадирша. Куда больно, Иванушка! не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтра, такъ ты небось и нашимъ сухарямъ радъ будешь.

Сынъ. Въ случаѣ голода, осмѣливаюсь думать,

что и природный французъ унизилъ бы себя кушать наши сухари... Матушка, когда вы говорите о чёмъ нибудь рускомъ, тогда желалъ бы я отъ васть быть на сто миль французскихъ, а особливо когда дѣло идетъ до моей женитьбы.

Бригадирша. Какъ же, Иванушка? Вѣдь мы ужъ на словѣ положили.

Сынъ. Да я нѣтъ.

Бригадирша. Да что намъ до этого? Наше дѣло съискать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ свое дѣло и не вступайся.

Сынъ. Какъ, та тѣре, я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты.

Бригадирша. И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слухомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ рода слова не говорила, и начала уже мало-по-малу кое-какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

Сынъ. За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

Бригадирша. Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ.

Сынъ. Dieu m'en pr  serve.

Бригадирша. Буди съ вами милость Божья и мое благословеніе.

Сынъ. Tr  s oblig  .

Бригадирша. Или я глуха стала или ты нѣмъ.

Сынъ. Ni l'un, ni l'autre.

Бригадирша. Что это мнѣ съ тобою будетъ, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говорить можешь?

Сынъ. Виновать; я и забылъ, что мнѣ надобно говорить съ вами по-русски.

Бригадирша. Иванушка другъ мой, или ты выучи меня по-французскому, или самъ разучись, Я вижу, что мнѣ никакъ нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить (отходитъ).

Сынъ. Какъ изволишь.

ЯВЛЕНИЕ II.

СЫНЪ И СОВѢТНИЦА.

Совѣтница. Знаешь ли что, душа моя? Мне кажется, будто твой отецъ очень ревнуетъ; намъ какъ возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сынъ. Madame, возможно ли скрыть пожаръ и такой сильный, *sac je brûle-moi.*

Совѣтница. Я боюсь того, чтобы, свѣдавъ о нашемъ пламени, твой отецъ и дуракъ мужъ мой не пришли его тушить.

Сынъ. Такъ, *vous avez raison:* это такие люди, которые не въ свои дѣла вступаться любятъ.

Совѣтница. А особливо мужъ мой. Ему ничего нѣть пріятнѣе, какъ быть замѣшану *mal à propos* въ такое дѣло, которое до него не принадлежитъ, и чѣмъ меньше ему нужды до нашего пламени, тѣмъ больше онъ въ томъ интересоваться будетъ.

Сынъ. *Vous avez raison.* И какая бы ему тутъ была нужда.

Совѣтница. Вотъ какая: онъ говорить, жиань моя, что будто мужъ и жена составляютъ одного человѣка.

Сынъ. Тѣмъ лучше: *par conséquent!* ежели тебѣ пріятно любить меня, такъ и ему должно то быть пріятно, что ты меня любишь.

Совѣтница. Конечно, онъ самъ меня кондрадируетъ.

Сынъ. Madame, ты не была въ Парижѣ, а знаешь всѣ французскія слова (садятся оба). *A vousez* (съ веселымъ видомъ), не имѣла ли ты коннесансу съ какимъ французомъ?

Совѣтница (застыдясь). Нѣть, душа моя. Мне нельзя было ни съ кѣмъ, живучи въ Москвѣ, познакомиться.

Сынъ. Et pourquoi? Тамъ развѣ мало французовъ?

Совѣтница. Я никого не знала (съ презрѣніемъ), кромѣ учителей.

Сынъ. Да знаешь ли ты, каковы наши французские учители? Даромъ, что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, однако, для воспитанія они предорогіе люди: вѣдаешь ли ты, что я,—я, котораго ты видиши,—я до отъѣзда моего въ Парижъ, быть здѣсь на пансіонѣ у французскаго кучера.

Совѣтница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon. Съ сего часа буду я въ сердцѣ моемъ сохранять истинное почтеніе къ французскимъ кучерамъ.

Сынъ. Я совсѣтую. Я одному изъ нихъ долженъ за любовь мою къ французамъ и за холодность мою къ русскимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску. Ежели-бъ malheureusement я попался къ русскому, который бы любилъ свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Совѣтница. Счастье твое и мое, душа моя, что ты пошался къ французскому кучеру.

Сынъ. Однако, оставимъ кучера и поговоримъ объ отцѣ моемъ и о твоемъ мужѣ.

Совѣтница. Возможно ли, душа моя, съ такой высокой матеріи перейти вдругъ въ такую низкую.

Сынъ. Для разумныхъ людей нѣть невозможнаго.

Совѣтница. Говори же.

Сынъ. Намъ надобно взять свои мѣры; prendre nos m asures (входить съ одного конца Бригадиръ, съ другого Совѣтница; а они, не видя ихъ, продолжаютъ).

Совѣтница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сынъ. На все! (кидается на колѣни). Idole de mon âme.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ ЖЕ, БРИГАДИРЪ И СОВѢТНИКЪ.

Бригадиръ. Ба! это что? на яву или во снѣ?
Совѣтникъ. Съ нами Богы! Ужъ не обмороchenъ
 ли я?

Сынъ (вскоча и оторопѣвъ). Serviteur très humble.

Бригадиръ. Теперь я съ тобой, Иванъ, по-рус-
 ски поговорить хочу.

Совѣтница (къ Совѣтнику). Ты, мой батюшка, виѣ
 себя. Что тебѣ сдѣлалось?

Совѣтникъ (съ яростю). Что мнѣ сдѣлалось, про-
 клятая! А развѣ не ты, говоря съ этой повѣсою,
 на все соглашалась.

Сынъ. Да вы за что меня браните! Пусть изво-
 лять бранить батюшка.

Бригадиръ. Нѣтъ, другъ мой. Я тебя поколо-
 тить сбираюсь.

Совѣтница. Какъ! вы его за то бить хотите,
 что изъ политесу сталъ передо мною на колѣни?

Бригадиръ. Такъ, моя матушка. Видѣлъ я, ви-
 дѣлъ. Поздравляю тебя, братецъ, перемѣнившись
 зятя на свояка.

Совѣтникъ. О, Создатель мой, Господи! При-
 ходило-ль на мое помышленіе видѣть такое бо-
 гомерзкое дѣло!

Бригадиръ. Я, братецъ, тебѣ, помнишь, гово-
 рилъ: береги жену, не давай ей воли; вотъ что
 и вышло! Мы съ тобою породнились, да не съ
 той стороны. Ты обиженъ, дочь твоя тоже (въ
 сторону) да и я не меньше.

Сынъ (къ Совѣтнику). Не все ли равно, monsieur:
 вы хотите имѣть меня своимъ свойственникомъ;
 я охотно...

Совѣтникъ. О, злодѣйка! ты лишила меня че-
 сти—моего послѣдняго сокровища.

Бригадиръ (осердясь). Ежели у тебя, сватъ, только

сокровища и осталось, то не слишкомъ же ты
богатъ: не за чѣмъ и гнаться.

Совѣтникъ. Разсуди-жъ ты самъ, разумный
человѣкъ, и это малое сокровище ввѣрилъ я вотъ
въ какія руки (указывая на жену свою).

ЯВЛЕНИЕ IV.

тѣ же, БРИГАДИРША, СОФЬЯ, ДОБРОЛЮБОВЪ.

Бригадирша. Сокровище! что за сокровище?
Никакъ вы кладъ нашли! Дай-то Господи.

Бригадиръ. Кладъ не кладъ, а кой что нашли,
чего и не чаяли.

Бригадирша. Что такое?

Бригадиръ. (указывая на Совѣтника). Вотъ онъ въ
прибыляхъ.

Совѣтникъ (Бригадиршъ). Проклятая жена моя,
не убояся Бога, не устыдяся добрыхъ людей,
полюбила сына твоего, а моего нареченаго зятя!

Бригадирша. Ха-ха-ха! какая околесица, мой
батюшка! У Иванушки есть невѣста, такъ какъ
ему полюбить ее? Это не водится.

Сынъ. Конечно не водится; да хотя бы и води-
лось, то за такую бездѣлицу, pour une bagatelle,
честнымъ людямъ сердиться невозможно. Между
людьми, знающими свѣтъ, этому смѣются.

Бригадиръ. Кабы кто нибудь за моей старухой
имѣлъ дурачество поволочиться, я бы не стала
отъ него ждать дальнихъ разговоровъ: отсочилъ
бы я ему бока, гдѣ ни встрѣтился.

Совѣтникъ. Нѣтъ, государь мой; я знаю, что
съ сыномъ вашимъ дѣлать. Онъ меня обезче-
стилъ; а сколько мнѣ безчестья положено по
указамъ обѣ этомъ я вѣдаю.

Бригадирша. Какъ! вамъ платить безчестье!
Попомни Бога, за что?

Совѣтникъ. За то, моя матушка, что мнѣ всего
дороже честь... Я всѣ денежки, опредѣленныя
мнѣ по чину, возьму съ него и не уступлю ни
полушки.

Бригадиръ. Слушай, братъ: коли впрямь дойдетъ дѣло до платежа, то сыну моему должно будетъ платить одну половину, а другую пусть заплатить тебѣ жена твоя. Вѣдь они обезпечили тебя за одно.

Бригадира. И вѣдомо, грѣхъ пополамъ.

Совѣтница (къ мужу). Развѣ вы не хотите имѣть его своимъ зятемъ?

Совѣтникъ. Загради уста свои, проклятая!

Софья. Батюш카! послѣ такого поступка, который сдѣлалъ мой женихъ, позвольте мнѣувѣритъ васъ, что я въ жизнь мою за него не выйду.

Совѣтникъ. Я на это согласенъ.

Добролюбовъ (Софье). Надежда мнѣ льстить отъ часу болѣе.

Бригадиръ. И я не хочу того, чтобы сынъ мой имѣлъ такую цѣломудренную тещу; а съ тобой, Иванъ, я раздѣлаюсь вотъ чѣмъ (указываетъ палкою).

Совѣтникъ. Такъ, государь мой, ты палкой, а я монетою.

Сынъ. Батюшка, вы не слушайте его: онъ недостоинъ имѣть ее женою.

Совѣтница. Измѣнникъ! варваръ! тиранъ!

Совѣтникъ (оторопѣвъ). Что, что такое!

Сынъ (къ Совѣтнику). Развѣ я не видѣлъ, какъ вы становились на колѣни передъ матушкой.

Бригадиръ. Кто на колѣни? Ба! Передъ кѣмъ?

Сынъ. Онъ передъ моей матушкой.

Бригадиръ. Слышишь ли, другъ мой? А! что это?

Совѣтникъ. Не смѣю возрѣти на небо.

Бригадиръ (къ Бригадиршѣ). Онъ за тобою волочился, а ты мнѣ этого, дурища, и не сказала!

Бригадира. Батюшка мой, Игнатій Андреевичъ, какъ передъ Богомъ сказать, я сама объ этомъ не вѣдала; мнѣ послѣ сказали добрые люди.

Бригадиръ. Братъ, съ Иваномъ-то я раздѣляюсь; а тебѣ, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходить, только не въ безчестье, а въ увѣчье.

Совѣтникъ (струся). Ваше высокородіе! и Господь кающагося пріемлетъ. Прости меня, согрѣшихъ предъ тобою.

Сынъ. Mon père! Изъ благопристойности...

Бригадиръ. Не учи ты меня, Иванъ; не забудь того, что я тебя бить сбираюсь.

Совѣтница. Что-жъ ты и вправду затѣялъ? (Приступая къ нему). Развѣ не ты объявилъ мнѣ здѣсь на этомъ мѣстѣ любовь свою?

Совѣтникъ. Какъ? что такое, государь мой...

Бригадиръ (тише). Чего изволишь?

Совѣтница. О комъ она сказываетъ?

Бригадиръ. Обо мнѣ.

Совѣтникъ. Такъ ты, государь мой, пріѣхалъ въ домъ мой затѣмъ развѣ, чтобъ искушать жену мою?

Бригадиръ. Коли такъ, то я и назадъ поѣду.

Совѣтникъ. Не мѣшкавъ ни часа.

Бригадиръ. Ни минуты. Видно, что я къ честнымъ и заслуженнымъ людямъ въ руки попался. Иванъ, вели скорѣй подать коляску. Жена! сей минуты выѣдемъ вонъ изъ такого дома, гдѣ я, честный человѣкъ, чуть было не сдѣлался бездѣльникомъ.

Бригадирша. Батюшка мой, дай мнѣ хоть прибрать кое-что.

Бригадиръ. Въ чемъ стоишь, въ томъ со двора долой.

Совѣтникъ. А что останется, то мое.

Сынъ (къ Совѣтнице кинувшись). Прости, la moitié de tout âme!

Совѣтница (кинувшись къ Сыну). Adieu, полдущи моей.

(Бригадиръ и Совѣтникъ кидаются разнимать ихъ).

Бригадиръ. Куды, собака?

Совѣтникъ. Куды, проклятая? О, Господи!

Бригадиръ (передразнивая его). О, Господи! Нѣть, братъ, я вижу по этому, что у кого чаще всѣхъ

Господь на языкъ, у того чортъ на сердцѣ...
Вонъ, всѣ мои!

Совѣтникъ (всѣдь за Бригадиршай, всплеснувъ руками).
Прости, Акулина Тимоѳеевна!

ЯВЛЕНИЕ V.

СОВѢТНИКЪ, СОВѢТНИЦА, СОФЬЯ, ДОБРОЛЮБОВЪ.

Совѣтникъ. О, Господи! наказуешь насть по дѣламъ нашимъ. А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своего?

Добролюбовъ. Если ваша воля согласится съ желаніемъ нашимъ, то я, ставъ женихомъ ея, почту себя за благополучнаго человѣка.

Совѣтникъ. Какъ, ты! получивъ уже двѣ тысячи душъ, не перемѣняешь своего намѣренія?

Добролюбовъ. Меня ничто на свѣтѣ не привлечетъ перемѣнить его.

Совѣтникъ. И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

Софья. Если ваше и матушкино желаніе не препятствуютъ тому, то я съ радостью хочу быть его женою.

Совѣтница. Я вашему счастію никогда не препятствовала.

Совѣтникъ. Ежели такъ, то будьте вы женихъ и невѣста.

Добролюбовъ (Софьѣ). Желаніе наше совершается; сколь много я благополученъ!

Софья. Я однимъ тобою могу на свѣтѣ быть счастлива.

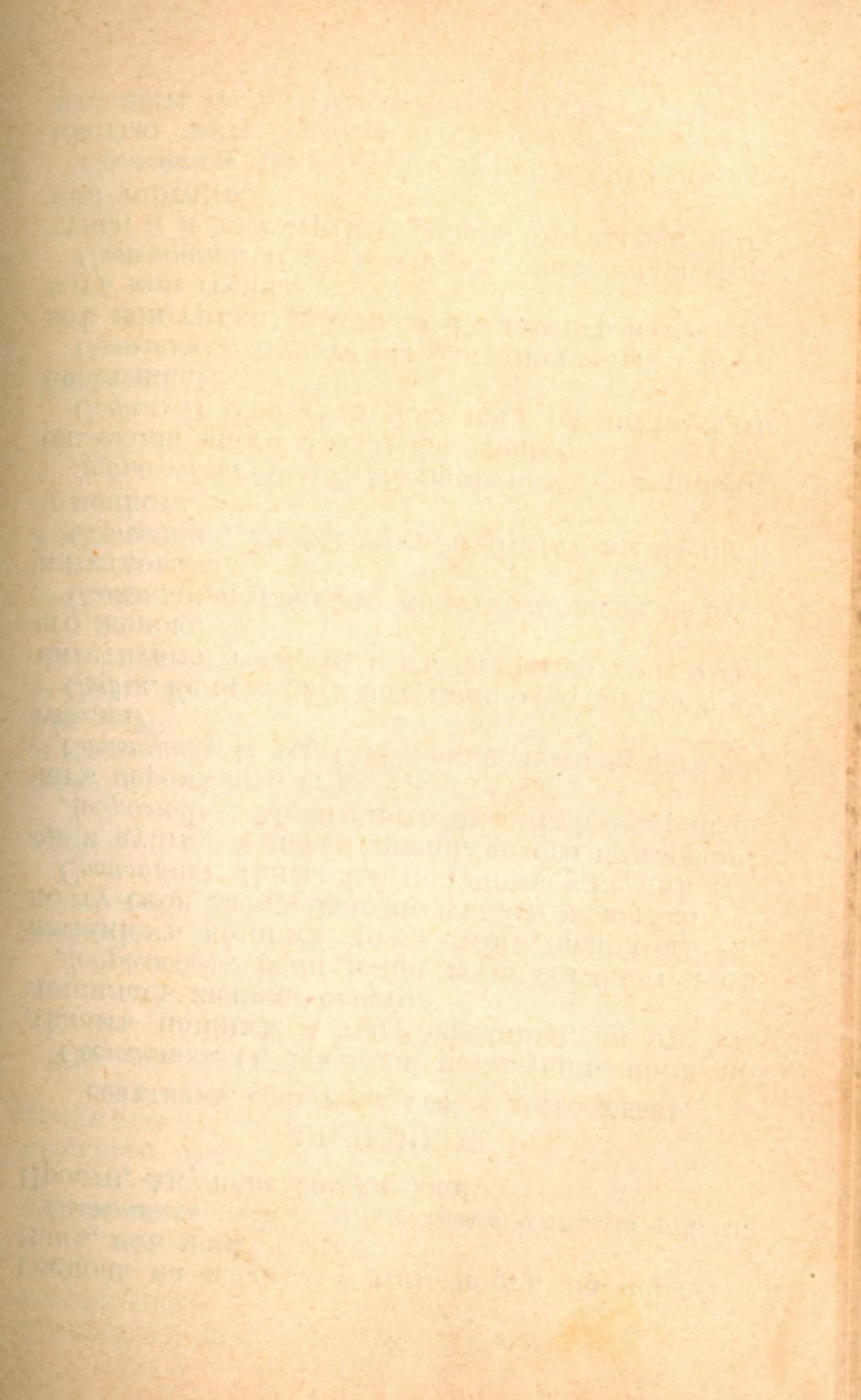
Совѣтникъ. Будьте вы благополучны; а я, за всѣ мои грѣхи, довольно Господомъ наказанъ: вотъ моя геенна.

Совѣтница. Я желаю вамъ счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вотъ мой таргаръ.

Совѣтникъ (къ цартеру). Говорять, что съ совѣстью жить худо; а я самъ теперь узналь, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже.

НЕДОРОСЛЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.



ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Простаковъ.

Г-жа Простакова, жена его.

Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.

Еремѣевна, мама Митрофана.

Правдинъ.

Стародумъ.

Софья, племянница Стародума.

Милонъ.

Г. Скотининъ, братъ г-жи Простаковой.

Кутейкинъ, семинаристъ.

Цифиркинъ, отставной сержантъ.

Вральманъ, учитель.

Тришка, портной.

Слуга Простакова.

Камердинеръ Стародума.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ ПРОСТАКОВЫХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, МИТРОФАНЪ, ЕРЕМѢЕВНА.

Г-жа Простакова (осматривая кафтанъ на Митрофанѣ). Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, веди сюда мошенника Тришку (Еремѣевна отходитъ). Онъ, воръ, воздѣлъ его обѣузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (Митрофанъ отходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Г-ЖА ПРОСТАНОВА, ЕРЕМѢЕВНА, ТРИШКА.

Г-жа Простакова (Тришкѣ). А ты, скотъ, подойди поближе.—Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ, ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо на-

добно быть портнымъ, чтобы умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣть.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и спорить! Портной учился у другого, другой у третьяго; да первый-то портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первый-то портной, можетъ быть, шиль хуже моего.

Митрофанъ (вбѣгаетъ). Звалъ батюшку. Изволить сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же выгащи его коли добромъ не дозвовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПРОСТАКОВЪ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафганецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (отъ робости запинаясь). Мѣ... мѣшковать немнога.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковать, умная голова.

Простаковъ. Да я думаль, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видять.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслить самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣриль, и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ И СКОТИНИНЪ.

Скотининъ. Кого? за что? Въ день моего сговора. Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что-жъ ты такъ прогнѣвилась?

Г-жа Простакова. Да вотъ. братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковать ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣть.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшить изрядне хонько.

Г-жа Простакова (Тришкѣ). Выйди вонъ, скотъ. (Еремьевна). Поди-жъ Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учителя прійдутъ.

Еремьевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть.

Еремьевна. Да во здравіе, матушка. Я, вѣдь, сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія, что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Давидно, братъ, поужиналь плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналь.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремьевна. Ночью то и дѣло испить просиль. Квасу цѣлый кувшинецъ испить изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая же дрянь, Митрофанишка?

Митрофанъ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (въ сторону). Ну! бѣда моя! сонъ въ руку.

Митрофанъ (разговаривая). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова (съ досадою). Кого, Митрофанишка?

Митрофанъ. Тебя, матушка, ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе.

Скотининъ. Ну, Митрофанишка ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкінъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ, я люблю его, какъ подобаетъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него вѣдь себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣть, нѣть, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди порѣзвись, Митрофанушка (Митрофана съ Еремѣевной отходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. Что-жъ я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ.

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по мужу, однако, я ей свойственница, а я люблю, чтобы и чужие меня слушали.

Простаковъ (Скотинину). Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкъ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова (показываетъ, будто крестить сердце). Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. Ну, какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придинуть невозможно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и бо-

юсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не былъ члomъ; а всякий убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ,—такъ и концы въ воду.

Простаковъ. То правда, братецъ; весь околотокъ говорить, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣеть. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда.

Скотининъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ. Такъ пососѣству ея деревеньки?

Скотининъ. И не деревеньки, а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего, братецъ?

Скотининъ. Люблю свиней, сестрица, а у насъ въ околодкѣ такія крупныя свиньи, что нѣть изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждого изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю—и онъ до свиней сызмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увида свинку, задрожать отъ радости.

Скотининъ. Это подлинно диковинка! Ну, пусть, братецъ, Митрофанъ любить свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое ни-

будь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ такъ сильно пристрастился?

Простаковъ. И тутъ есть какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ И СОФЬЯ.

(Софья вошла, держа письмо и имѣя веселый видъ).

Г-жа Простакова (Софье). Что такъ весела, мачтушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву прѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него получила.

Г-жа Простакова (испугавшись, съ злобою). Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ? И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣть, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застрашать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй не очень веселись, дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ. Сестра! ну да коли не умиралъ?

Простаковъ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ.

Г-жа Простакова (къ мужу). Какъ не умиралъ! Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что уже нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто-таки и

грѣшныя-то мои молитвы не доходили? (Къ Софьѣ). Письмечо-то мнѣ пожалуй (почти вырывается). Я обѣ закладъ бьюсь, что оно какое нибудь амурное, и догадываюсь отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдастъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня: вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нѣть, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому (къ мужу). Читай.

Простаковъ (долго смотря). Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ. И? я отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лишь не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкінъ скоро приидетъ: ему велю...

Скотининъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходить къ нему дѣячекъ отъ Покрова — Кутейкинъ. Арихметикъ учить его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цифиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насть и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ — Адамъ Адамычъ Вральманъ.

Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столь съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно—лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Фомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ; онъ ребенка не неволить. Вѣдь мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пока его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастіе на роду написано, братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковымъ, смотри-тка, на боку лежа, летять себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЬ ЖЕ И ПРАВДИНЪ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. Радуюсь сдѣлать ваше знакомство.

Скотининъ. Хорошо, государь мой: а какъ по фамиліи? Я не дослышиалъ.

Правдинъ. Я называюсь Правдинъ, чтобы вы дослышиали.

Скотининъ. Какой уроженецъ, государь мой? гдѣ деревеньки?

Правдинъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ эдѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братецъ, о свинь-

яхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. (Къ Правдину). Вотъ, батюшка, Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволить получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ. Извините меня, сударыня, я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. Я вѣсъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ. Если вы приказываете (Читаетъ).

«Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними; а дальности лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. И теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что трудами и честностью состояніе свое слѣдѣтъ можно. Сими средствами, съ помощью счастія пожиль я десять тысячъ рублей доходу»...

Скотининъ и оба Простаковы. Десять тысячъ!

Правдинъ. (читаетъ). «Которымъ тебя, моя любезная племянница, дѣлаю наслѣдницею»...

Г-жа Простакова. Тебя наслѣдницею!

Простаковъ. Софью наслѣдницею!

Скотининъ. Ее наслѣдницею!

} Вмѣстѣ.

Г-жа Простакова (бросаясь обнимать Софью). Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я виѣ себѣ съ радости! Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка, то-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранить, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ (протягувъ руку). Ну, сестрица! скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова (тихо Скотинину). Постой, бра-

тѣцъ, сперва надобно спросить ее, хотеть ли еще она за тебя выйтї?

Скотининъ. Какъ! что за вопросъ! Неужто ты ей докладывать станешь?

Правдинъ. Позволите ли письмо дочитать.

Скотининъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова (къ Софье). Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобою поговорить (Увела Софью).

Скотининъ. Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПРАВДИНЪ, ПРОСТАКОВЪ, СКОТИНИНЪ, СЛУГА.

Слуга (къ Простакову, запыхавшись). Баринъ! баринъ, солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну разорять насть до конца.

Правдинъ. Чего вы испугались?

Простаковъ. Ахъ ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ появиться не смѣю.

Правдинъ. Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведѣть офицеръ, который не допустить ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно (Правдинъ, Простаковъ и Слуга отходятъ).

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный дворъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

ПРАВДИНЪ, МИЛОНЪ.

Милонъ. Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

Правдинъ. Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ *здѣшнимъ намѣстничествѣ*; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ, а притомъ изъ собственаго подвига сердца моего не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностью помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды вышней власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дня. Нашель помѣщика дурака безсчетнаго, а жену презлую фурію, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго ихъ

дома. Ты что задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго-ль здѣсь останешься?

Милонъ. Черезъ иѣсколько часовъ иду отсюда.
Правдинъ. Что такъ скоро? Отдохни.

Милонъ. Не могу. Мнѣ велѣно и солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ. Что причиною?

Милонъ. Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ. Я влюбленъ и имѣю счастіе быть любимымъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ той, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестью; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что по смерти ея матери, какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь въ рукахъ какихънибудь копыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержать ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я вѣнчалъ себя!

Правдинъ. Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь, однако, положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутъ мѣры.

Милонъ. Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи?

Правдинъ. Позвольте мнѣ спросить объ ея имени?

Милонъ (въ восторгѣ). А! вотъ она сама!

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЬ ЖЕ И СОФЬЯ.

Софья. Милонъ! тебя ли я вижу?*Правдинъ.* Какое счастіе?*Милонъ.* Вотъ та, которая владѣеть моимъ сердцемъ. Любезная Софья, скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?*Софья.* Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники...*Правдинъ.* Мой другъ! не спрашивай о томъ, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...*Милонъ.* Недостойные люди!*Софья* Сегодня, однажды, въ первый разъ моя здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низкости, и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочить меня въ невѣсты своему сыну.*Милонъ* (съ нетерпѣніемъ). И ты не изъвила ей тотъ же часъ совершенного презрѣнія?..*Софья.* Нѣтъ...*Милонъ.* И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...*Софья.* Нѣтъ.*Милонъ.* А! теперь вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ, можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ, но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...*Софья* (усмѣхаясь). Боже мой! Еслибы ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бы тебя до крайности!*Милонъ* (съ негодованіемъ). Я воображаю всѣ его достоинства.*Софья.* Всѣхъ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до по-

слѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдеть.

Правдинъ. Какъ далѣ не пойдетъ, сударыня? Онь доучиваетъ Часословъ; а тамъ, думать надобно, примутся и за Псалтырь.

Милонъ. Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! Любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи-жъ мнѣ, что ты ей отвѣчала?

(Здѣсь Скотининъ идетъ по театру задумавшись и никто его не видитъ).

Софья. Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго (къ Правдину) не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. Скотининъ!

Скотининъ. Я!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЬ ЖЕ И СКОТИНИНЪ.

Правдинъ. Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ. Я проходилъ мимо васъ. Услышать, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ — Скотининъ, а я ему: я! Что вы, братцы, и заправду? Я самъ служивалъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ. Бывало, на Сѣзжей въ перекличкѣ какъ закричать: Тарасъ Скотининъ! а я во все горло: я!

Правдинъ. Мы васъ теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотининъ. Я никуда не шелъ; а брожу задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, того изъ нея гвоздемъ не выко-

лотиши. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ какъ на яву, а на яву какъ во снѣ.

Правдинъ. Что-жъ бы васъ такъ теперь занимало?

Скотининъ. Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный, со мною чудеса творятся. Сестрица моя вызвала меня скоро-на-скоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей девевни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ по чистой совѣсти сказать: ъздила я ни пошто, привезъ ничего.

Правдинъ. Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играеть вами какъ мячикомъ.

Скотининъ (озлобясь). Какъ мячикомъ? Оборони Богъ! да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлою деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья. Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ. Что съ вами сдѣлалось?

Скотининъ. Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди: привезла меня сестра сюда жениться, теперь сама же подѣхала съ отводомъ: «Что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы-де у тебя, братецъ, хорошая свинья». — Нѣть, сестра! я и своихъ поросля завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. Мнѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. Эка притча! Я другому не помѣха. Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь же (Софѣ). Ты не бойсь, душенька; тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья. Это что значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ (вскричавъ). Какая дерзость!

Скотининъ (къ Софѣ). Чего-жъ ты испугалась?

Правдинъ (къ Милону). Какъ ты можешь сердиться на Скотинина!

Софья (Скотинину). Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. Я насилиу могу удержаться!

Скотининъ. Суженаго конемъ не обѣдеши, душенька! Тебѣ на твое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною притѣвающи. Десять тысячъ твоего доходу! эко счастье привалило! Да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ-де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. Когда же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. Худой покой! Ба! ба! ба! Да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нея одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный, коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особливый, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ. Какое скотское сравненіе!

Правдинъ (Скотинину). Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ (озлобясь). Какы! племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ, какъ черта, изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ЕРЕМѢЕВНА И МИТРОФАНЪ.

Еремьевна. Да поучись хоть немножко.

Митрофанъ. Ну еще слово молви, старая хрычевка, ужъ я те отдѣлаю! Я опять нажалуюсь матушкѣ: такъ она тебѣ изволить дать таску по вчерашнему.

Скотининъ. Подойди сюда, дружочекъ.

Еремьевна. Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ. Здорово, дядюшка! Что ты такъ ощетиниться изволилъ?

Скотининъ. Митрофанъ, гляди на меня прямѣ.

Еремьевна. Погляди, батюшка.

Митрофанъ (*Еремьевнѣ*). Да дядюшка что за невидальщина? Что ты на немъ увидишь?

Скотининъ. Еще разъ гляди на меня прямѣ.

Еремьевна. Да не гнѣви дядюшку. Вонъ изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь такъ же вытаращить (*Скотининъ* и *Митрофанъ*, выпуча глаза, другъ на друга смотрятъ).

Мишинъ. Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ. Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ. Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Елибъ я грѣха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголь, да не хочу губить души, не найдя виноватаго.

Еремьевна (задрожала). Ахъ, уходить онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ. Что ты, дядюшка? бѣлены объѣлся! Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволилъ.

Скотининъ. Смотри-жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ: виновать Богу и государю. Смотри не клепли-жъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремьевна. Избави Богъ напраслины.

Скотининъ. Хочешь ли ты жениться?

Митрофанъ (разнѣжась). Ужъ давно, дядюшка, береть охота.

Скотининъ (бросаясь на *Митрофана*). Ахъ ты чушка проклятая!...

Правдинъ (не допуская *Скотинина*). Господинъ Скотининъ! рукамъ воли не давай.

Митрофанъ. Мамушка, заслони меня.

Еремьевна (заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки). *!!здохну на м'естѣ, а дитя не выдамъ. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бѣльмы-то выцарапаю.*

Скотининъ (задрожавъ и грозя, отходитъ). *Я васъ доѣду.*

Еремьевна (задрожавъ, вслѣдъ). *У меня и свои зацѣпы востры!*

Митрофанъ (вслѣдъ Скотинину). *Убирайся, дядюшка; проваливай!*

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ И ОБА ПРОСТАКОВЫ.

Г-жа Простакова (мужу, идучи). Тутъ перевирать нечего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь развѣся уши.

Простаковъ. Да онъ и самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ, да пропалъ. Я чѣмъ виновать?

Г-жа Простакова (къ Милону). А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ, мужа съ ногъ сбила, чтобы принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такие добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отъ рода никого угостить не смыслить. Ужъ такъ рохлею родился, мой батюшка.

Милонъ. Я не мало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находить такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выслуша глаза, стоять битый часъ, какъ вкопанный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣть! Ничѣмъ

не проймешь. Ежели столбнякъ и пройдетъ, то занесеть, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просиши опять столбняка.

Правдинъ. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Простакова. Какъ теленокъ, мой батюшка, оттого-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣть того смыслу, чтобы въ домѣ была строгость, чтобы наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повышена, руки не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ (въ сторону). Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Г-жа Простакова (къ Софье). Убирала покой для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старишка. Я обѣ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорять только что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де преразумный, да коли-де ужъ кого и полюбить, такъ прямо цолюбить.

Правдинъ. А кого онъ не полюбить, тотъ дурной человѣкъ (Софью). Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышать обѣ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ да, когда душа его чувствовала нѣть.

Софья. Зато и счастье свое долженъ онъ быть доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софь-

юшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкіной комнаты?

(Софья отходит).

Г-жа Простакова (Простакову). Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ (отходя). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова (къ гостямъ). Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю къ люди.

(Здѣсь появляются Кутейкинъ съ Часословомъ, Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входить ли. Она ихъ манить, а Митрофанъ отмахивается).

Г-жа Простакова (не видя ихъ, продолжаетъ). Авось либо Господь милостиивъ, и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается.

Г-жа Простакова. А! это, батюшка, Митрофанушкины учителя: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремѣевна. И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ (въ сторону). Пострѣль ихъ побери и съ Еремѣевной.

Кутейкинъ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. Жѣлаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятьнадцать, несчетны годы.

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Быть гарнизонный, ваше благородіе! а нынѣ пошелъ въ чистую.

Милонъ. Чѣмъ же ты питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ пытаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей и счетныхъ дѣль. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслить, меня нани-

маеть то счетець повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь; праздно жить не люблю. На досугѣ же ребяты обучаю. Вотъ у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломанными бѣемся, да что-то плохо kleится. Ну, и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты это, Пафнуть-ичъ, врешь? Я не вслушалась.

Цифиркинъ. Такъ. Я его благородію докладываль, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбишъ того, что другой ловить на полетѣ.

Правдинъ (Кутейкину). А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія эпархіи. Ходилъ до риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Попадавъ въ консисторію чelobитьe, въ которомъ прописалъ: «Такой-то-де семинаристъ, изъ церковничихъ дѣтей, убоился бездны премудрости, просить отъ нея обѣ увольненій». На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то-де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано-бо есть—не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами».

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремьевна. Я и къ нему было толкнулась, да насили унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушиль, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. Пустое, Еремьевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табаку.

Правдинъ (въ сторону). Кутейкинъ еще и умничаетъ.

Кутейкинъ. Во многихъ книгахъ разрѣшается. Во Псалтыре именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

Правдинъ. Ну, а еще гдѣ?

Бутейкинъ. И въ другой Псалтырѣ напечатано тоже. У нашего протопопа маленькая въ осьмушку, и въ той то же.

Правдинъ (г-жѣ Простаковой). Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда-жъ вы, судари мои?..

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только-что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Г-жа ПРОСТАКОВА, ЕРЕМЬЕВНА, МИТРОФАНЪ, БУТЕЙКИНЪ и ЦЫФИРКИНЪ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты-бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что? что такое?

Митрофанъ. Да того и смотри, что отъ дядюшки таска, а тамъ съ его кулаковъ да за Часословъ. Нѣть, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова (испугавшись). Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну—такъ поминай какъ звали.

Г-жа Простакова (внѣ себя). Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремьевна. Все дядюшка напугалъ: чуть-было

въ волоски ему не вѣшился. А ни за что, ни про што...

Г-жа Простакова (въ злобѣ). Ну...

Еремьевна. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремьевна. Дитя не потаильтъ: уже давно-де, дядюшка, охота береть. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется.

Г-жа Простакова (дрожа). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась брату въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремьевна. Приняла было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестія! По тебѣ, ребенка хоть убей до смерти.

Еремьевна. Ахъ, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту-жъ минуту отойти не изволилъ, то-бъ я съ нимъ поломалась, во что-бъ Богъ ни поставилъ: пригупились бы эти (указывая на ногти). Я-бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ.

Еремьевна (заплачивъ). Я не усердна вамъ, матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада не токмо что... живота не жалѣшь... а все не угодно.

Кутейкинъ. Намъ во-свойси повелите?

Цифиркинъ. Намъ куда походъ, ваше } Вмѣстѣ.
благородie?

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда (къ Митрофану). Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ (къ Еремьевнѣ). Съ братцемъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ

добрьые люди увидять, что мама и что матъ родная
(отходить съ Митрофаномъ).

Кутейкинъ. Житъе твое, Ерем'евна, яко тьма
кром'шная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя
выпей снерва чарку...

Цыфиркинъ. А тамъ другую,—вотъ-те и умно-
женье.

Ерем'евна (въ слезахъ). Нелегкая меня не при-
береть. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же..

Кутейкинъ. А велика-ль благостиия?

Ерем'евна. По пяти рублей на годъ, да по пя-
ти пощечинъ на день.

(Кутейкинъ и Цыфиркинъ взяли се подъ-руки).

Цыфиркинъ. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ
доходу въ круглый годъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

СТАРОДУМЪ И ПРАВДИНЪ.

Правдинъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на-встрѣчу обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе.

Стародумъ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Правдинъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣ, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чи-новъ. Начинаются чины — перестаетъ искрен-ность.

Правдинъ. Ваше обхожденіе...

Стародумъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по-тог-дашнему, а я не нашелъ и нужды себя пере-воспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы, тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякий считалъ себя за многихъ. Зато нынче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Правдинъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщенійшая умница жалкая тварь (съ чувствомъ). Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводить его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить...

Правдинъ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движении ничего не начинать.

Правдинъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибы я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнo-

душны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите: если раскажете...

Стародумъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобы другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ бытъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и имѣть особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. И всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобы всегдашимъ съ нимъ обхожденiemъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утвердилаась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. «Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянами, которое намъ дала порода». Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня, сухо: «Счастливый тебѣ путь», сказалъ мнѣ, «а я ласкаюсь, батюшка не захочетъ со мною разстаться». Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту-жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываютъ иногда неизѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщенiemъ можно быть великому скареду.

Правдинъ. Сущая истина.

Стародумъ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣль я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей. какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспомнить, произведенъ

чиномъ, а обойденъ я,—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ. Что-жъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ. Надлежало образумиться. Не умѣль я остеречься отъ первыхъ движеньй раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается, что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану.

Правдинъ. Но развѣ дворянину не позволяетя взять отставку ни въ какомъ случаѣ?

Стародумъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приносить. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародумъ. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Правдинъ. Куда же?

Стародумъ. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Какъ ты обѣ этомъ думаешь?

Правдинъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ страшно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѿздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Правдинъ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ. А такова-то просторна, что двое,

встрѣтясь, разойтися не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земи.

Правдинъ. Такъ поэтому тутъ самолюбіе.

Стародумъ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ называть, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно, о себѣ одномъ пекутся, объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ. Но тѣ достойные люди, которые у двора служатъ государству...

Стародумъ. О! тѣ не оставляютъ двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ. Васъ, конечно, у двора не узнали?

Стародумъ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили-жъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правдинъ. Какихъ?

Стародумъ. Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами; либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другого; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ. Итакъ, вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ? (открываетъ свою табакерку).

Стародумъ (беретъ у Правдина табакъ). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешьъ, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чи-

новъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Правдинъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ двора, а ко двору призывать надобно.

Стародумъ. Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ. Затѣмъ, зачѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ. Мой другъ, ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно; тутъ врачъ не пособить, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ И СОФЬЯ.

Софья (къ Правдину). Силь моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ (въ сторону). Вотъ черты лица ея матери. Вотъ моя Софья!

Софья (смотря на Стародума). Боже мой, онъ меня назвалъ! Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ (обнявъ ее). Нѣть! ты дочь моей сестры, дочь сердца моего.

Софья (бросаясь въ его объятия). Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ. Любезная Софья, я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мне на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собою довольнымъ: ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка, ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія — твоє

счастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало нась несказанно.

Стародумъ (къ Правдину). Чтобы оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достають деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества, гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая правосудиѣ людей, лицепріятія на знать, а платить одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ. Вы могли-бѣ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ. А на что?

Правдинъ. Чтобы быть богату, какъ другіе.

Стародумъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой, все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка, какую правду вы говорите!

Стародумъ. Я нажилъ столько, чтобы при твоемъ замужествѣ не останавлиала нась бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Стародумъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣть. Умы будуть, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видаль и молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ, наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болванъ—все болванъ.

Правдинъ. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку—душевное; а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ. Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ. Бал! Это что за шумъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ ЖЕ, Г-ЖА ПРОСТАКОВА, СКОТИНИНЪ И МИЛОНЪ.

(Милонъ разнимаетъ г-жу Простакову съ Скотининымъ).

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, батюшка! дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. Не пущу, сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ (въ запальчивости поправляя парикъ). Отвѣжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрешишь.

Милонъ (г-жѣ Простаковой). И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай подраться!

Милонъ (Скотинину). Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таить, одного помету; да виши развиждалась.

Стародумъ (не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину). Я боялся разсердиться, теперь смѣхъ меня береть.

Г-жа Простакова. Кого-то? Надѣ кѣмъ-то? Это что за выѣзжай.

Стародумъ. Не прогнѣвайся, сударыня; я отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ (держась за шею). Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣть.

Милонъ. Да не ушибла-ль она васъ?

Скотининъ. Передъ - отъ заслоняль обѣими,
такъ вѣшилась въ зашениу.

Правдинъ. И больно?

Скотининъ. Загривокъ немного проносила.

(Въ слѣдующую рѣчь г-жи Простаковой Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ нимъ Стародумъ, Милонъ ее понимаетъ).

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нѣть, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера: а кабы не онъ, то-бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступаюсь; не спущу родному (Стародуму). Это, сударь, ничего и не смѣшино, не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенять своихъ выдавала? Изволить пожаловать невѣдомо къ кому невѣдомо кто.

Стародумъ (указывая на Софью). Пріѣхалъ къ ней ея дядя Стародумъ.

Г-жа Простакова (обробѣть и струся). Какъ! это ты! ты, батюшка! гость нашъ безцѣнныи! Ахъ, я дура безсчетная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца родного, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазу. Батюшка, прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божie! Всѣ обезумѣми. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Скотининъ (въ сторону). Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЬ ЖЕ И ЕРЕМЬЕВНА.

Еремьевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь! Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣть! Палашка гдѣ?

Еремьевна. Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-жа Простакова. Лежитъ! Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная!

Еремьевна. Такой жаръ рознялъ, матушка; безъ умолку бредить...

Г-жа Простакова. Бредитъ, бестія! Какъ будь-то благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи имъ, что по милости Божіей дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй нашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся.

Стародумъ. Къ чemu такъ суетиться, сударыня? По милости Божіей я вашъ не родитель; по милости же Божіей я вамъ и не знакомъ.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой прїездъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодѣтель нашъ!

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЬ ЖЕ, ПРОСТАКОВЪ, МИТРОФАНЪ И ЕРЕМЬЕВНА.

(Въ слѣдующую рѣчъ Стародума, Простаковъ съ сыномъ, вышедши изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремьевна взяла мѣсто въ сторонѣ и, сложа руки, стала какъ вкопаная, вытягя глаза на Стародума, съ робкимъ подобострастіемъ).

Стародумъ (обнимая неохотно г-жу Простакову). Милость совсѣмъ лишняя, сударыня; безъ нея могъ бы я весьма легко обойтиться.

(Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящий уже съ распластанными руками, тотчасъ его схватываетъ).

Стародумъ. Это къ кому я попался?

Скотининъ. Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ (увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ). А это кто еще?

Простаковъ (обнимая). Я женинъ мужъ.

Митрофанъ (ловя руку). А я матушкинъ } Вмѣсть. сынокъ.

Милонъ (Правдину). Теперь я не представлюсь.

Правдинъ (Милону). Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ (не давая руки Митрофану). Этот ловить цѣловать руку: видно, что готовяты въ него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка; какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не поцѣловать: ты мой второй отецъ.

Митрофанъ. Какъ не поцѣловать, дядюшка, твоей ручки: ты мой отецъ... (къ матери). Который биши?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вѣдь ребенокъ, можетъ быть, свое счастье прорекаетъ: авось либо сподобить Богъ быть ему и впрямь твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану (къ Стародуму). Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бравилась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатить, кто меня, бѣдную, обижаетъ.

Стародумъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. А я уже три дня свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѿду съ тобой въ Москву.

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, за что такой гнѣвъ?

Простаковъ. За что немилость?

Г-жа Простакова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски отъ хлѣба отстану.

Простаковъ. А я уже тутъ сгибъ, да пропаль.

Стародумъ. Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобы сдѣлать ея счастье. Мнеъ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ: за него ее и выдамъ.

Г-жа Простакова. Ахъ! уморильт!

Милонъ. Что я слышу!

(Софья кажется пораженною).

Скотининъ. Вотъ-те разъ!

(Простаковъ всплеснулъ руками).

Митрофанъ. Вотъ тебѣ на!

(Еремѣевна печально кивнула головою).

(Правдинъ показываетъ видъ огорченаго удивленія).

Всѣ

вмѣстѣ.

Стародумъ (примѣтя всѣхъ смятеніе). Что это значить? (къ Софье). Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущены? Неужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери; а выборъ достойнаго человѣка зависить совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой: твой мужъ, тебя достойный, кто-бѣ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди за кого хочешь (всѣ принимаютъ веселый видъ).

Софья. Дядюшка, не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ (въ сторону). Почтенный человѣкъ.

Г-жа Простакова (съ веселымъ видомъ). Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ только жениховъ пропускать не надо. Коль есть въ глазахъ дворянинъ малый молодой...

Скотининъ. Изъ ребятъ давно уже вышелъ...

Г-жа Простакова. У кого достаточекъ хоть и небольшой...

Скотининъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа Простакова. Такъ и въ добрый часъ, къ Архангельской.

Скотининъ. Такъ, веселымъ пиркомъ, Вместѣ.
да и за свадебку.

Стародумъ. Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Скотининъ. То-ль еще увидишь какъ опознаешь меня покороче. Виши-ты — здѣсь содомно. Черезъ часъ мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу не похвалясь, каковъ я, право, такихъ мало (отходить).

Стародумъ. Это всего вѣроятнѣе!

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародумъ. А онъ вашъ братецъ.

Г-жа Простакова. Родной, батюшка: вѣдь я по отцѣ Скотининъхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ; она была по прозванию Приплодинъхъ. Насъ, дѣтей, было у него восемнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣдного котлика, скончались; двое о Святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Стародумъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насть ничему не учили. Бывало, добры люди приступять къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу,—кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное. Бывало, изволить закричать: прокляну ребенка, который что нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ. Вы однакожъ своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова. Да нынѣ вѣкъ другой, ботюшка (къ Стародуму). Послѣднихъ крохъ не жалѣмъ, лишь бы сынка всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материное мое сердце. Ино жаль-жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшке, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учителя ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются (мигнула Еремѣевнѣ, чтобы ихъ позвать). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ и чтобы другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по нась—учи, чему самъ умѣеть. Мы весь родительскій долгъ исполнили! Нѣмца приняли и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала-бѣ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшке, полюбовался на Митрофанушку и посмотрѣль бы, что онъ выучилъ.

Стародумъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (увидя Кутейкина и Цыфиркина). Вотъ и учителіи! Не говорила-ль я, батюшке, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣеть. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ его быть женою.

Правдинъ. Это все хорошо. Не забудьте, однажды, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что слышала и что видѣла.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. Благодарень! Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что! Позволь, мой

батюшка, проводить тебя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣло наше сладить.

Стародумъ (къ Правдину). Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда прійду.

Правдинъ. Такъ я здѣсь буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. Радъ душою (увиди Милона, который ему съ почтениемъ поклонился, откланивается и ему учтиво).

Г-эса Простакова. Такъ милости просимъ. (Кромѣ учителей, всѣ отходяты; Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочие—въ другую).

ЯВЛЕНИЕ VI.

КУТЕЙКИНЪ И ЦЫФИРКИНЪ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро проявляется и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живеть. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіантъ не стало.

Кутейкинъ. Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепуты къ нашей просвирнѣ, взалкалъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ. Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житье-то здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ, что ты служивый, бывалъ на бatalіяхъ, страхъ и трепетъ придетъ на тя...

Цыфиркинъ. Вотъ на, слыхалъ ли? Я самъ видаль здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три (вздохнувъ). Охъ-ти мнѣ! Грусть береть.

Кутейкинъ. О, горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ. О чёмъ вздохуль, Сидорычъ?

Кутейкинъ. И въ тебѣ смятеся сердце твое,
Пафнутьичъ?

Цыфиркинъ. За неволю призадумаешься! Даль
мнѣ Богъ ученичка, боярского сынка. Бьюсь съ
нимъ третій годъ; трехъ перечесть не умѣеть.

Кутейкинъ. Такъ у насъ одна кручинна. Чег-
вертій годъ мучу свой животъ. По сесть часъ,
кромѣ задовъ, новой строки не разбереть, да и
зады мялметъ, прости Господи, безъ складу по
складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ. А кто виновать? Лишь онъ гри-
фель въ руки, а нѣмень въ двери: ему шабашъ
изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку
въ персты, басурманъ въ глаза: ученичка по
головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (съ жаромъ). Я даль бы себѣ ухо
отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить
по солдатски.

Кутейкинъ. Меня хоть теперьшелепами, лишь
бы выю грѣшничу путемъ накостылять.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ, Г-ЖА ПРОСТАКОВА И МИТРОФАНЪ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ
мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до
ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣ-
шу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній
разъ и чтобъ сегодня же быть сговору.

Г-жа Простакова. Прійдетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хо-
чу учиться, хочу жениться. Ты-жѣ меня взма-
нила, пеняй на себя. Вотъ я сѣль (Цыфиркинъ очи-
ниваетъ грифель).

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Ко-

шелецъ повяжу для тебя, другъ мой, Софьюшкины денежки было-бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (работая). Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носить.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любить. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною, ну, хоть возьмемъ, съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (пишеть). Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ (пишеть). Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, почему на брата?

Митрофанъ (вычисляя шепчетъ). Единожды три—три; единожды нуль—нуль.

Г-жа Простакова. Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. Виши триста рублей, что напили, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вреть онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слыши, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Ниши, ваше благородіе. За ученье жалуєте мнъ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что: а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (вычисля, шепчетъ). Нуль да нуль—нуль; одинъ да одинъ... (задумался).

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой; гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая; лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что считать, деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошенъко.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ, двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Небось, братъ. Матушка туть сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчераинее.

Кутейкинъ (открываетъ Часословъ. Митрофанъ береть указку). Начнемъ благословясь. За мною со вниманиемъ. Азъ же есь червь.

Митрофанъ. Азъ же есь червь.

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есь скотъ.

Кутейкинъ (учебный голосомъ). А не человѣкъ.

Митрофанъ (то же). А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношениe человѣковъ.

Митрофанъ. Поношениe человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТЪ ЖЕ И ВРАЛЬМАНЪ.

Вральманъ. Ай! ай! ай! ай! Тepерь-то я фижу! Умарить хотять репенка! Матушка ты мая! сшалься надъ сфаей утропой, которая дефять

мъсесовъ таскала, — такъ скасать, асмое тифа фъ сфтѣ. Тай фолю этимъ проклятымъ слатѣ-
ямъ, исъ такой калафы толго-ль палфанъ? Ушь
диспозиcionъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ: Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавно.

Кутейкинъ (затворяя Часословъ). Конецъ и Богу слава.

Вральманъ. Матушка мая! Што тепѣ надопно? Сынокъ, какоффъ есть, да таль Похъ ста-
ровье; или сынокъ премудрой, такъ скасать,
Аристотелись, да въ могилу?

Г-жа Простакова. Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ. Онъ же и такъ вчера небережно по-
ужиналъ.

Вральманъ. Разсугти-ши, мать мая, напиль прюхо лишнѣ пѣда; а фить калоушка-то у не-
фо караздо слапѣ прюха; напить ее лишнѣ, за-
храни Поже.

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Ада-
мычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не
выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ:
скажутъ дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось мно-
го; ихъ-то я боюсь.

Вральманъ. Чефо паяться, мая матушка? Ра-
сумный шеловѣкъ никахта ефо не сатереть, ни-
кахта зъ нимъ не саспорить; а онъ съ умными
лютьми не сфясывайся, такъ и путеть plagо-
тенствіе Поже.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампания то ли тѣла!

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ! да изъ ко-
го-жъ ты ее выберешь?

Вральманъ. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; каковъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ миллионы, миллионы. Какъ ему не фыпратъ сепѣ кампаній.

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска краматъ! Арихметика! Ахъ, Хосподи Поже мой! Какъ душа фъ тѣлѣ остаёса! Какъ путто пы россиски тфорянинъ ушь и не могъ фъ сфѣтѣ авансировать песь россиской краматъ!

Бутейкинъ (въ сторону). Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. Какъ путто пы до арихметики пыли люти дураки несчотные!

Цыфиркинъ (въ сторону). Я те ребра-то пересчитываю. Попадешься ко мнѣ.

Вральманъ. Ему потрепно снатъ, какъ жить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизусть, я самъ терть калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ на знать большого свѣту, Адамъ Адамычъ? Я, чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотникъ пыль смотрѣть публикъ. Пыфало, о прасникѣ съѣтутца къ Катрингофу кареты съ хосподамъ; я фсе ни нихъ смотрю. Пыфало, ни сойту ни на минуту съ косель.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козель?

Вральманъ (въ сторону). Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ! (Вслухъ). Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегда лофче зповышя, такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣль: та и смотрю польшой сфѣтъ съ косель.

Г-жа Простакова. Конечно, виднѣе. Умный человѣкъ знать куда влѣзть.

Вральманъ. Вашъ тражайшій сынъ также въ сфѣтѣ какъ нипуть всмаститца лютей пасма-

трѣть и себя покасать. Утальцъ! (Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается).

Вральманъ. Утальцъ! Не постоитъ на мѣстѣ
какъ тикой конь пезъ узды. Ступай! Форты!
(Митрофанъ убѣгааетъ).

Г-жа Простакова (усмѣхаясь радостно). Ребенокъ,
право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ, однакоожъ,
чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ нибудь
гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ. Поти, мая матушка! Салетна пти-
са! Съ нимъ тфой гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Ада-
мычъ! (Отходитъ).!

ЯВЛЕНИЕ IX.

ВРАЛЬМАНЪ, КУТЕЙКИНЪ И ЦЫФИРКИНЪ.

Цыфиркинъ (насмѣхаясь). Эка образина!

Кутейкинъ (насмѣхаясь). Причта во языцѣхъ!

Вральманъ. Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ (ударивъ по плечу). А ты что брови-то
нахмуриль, чухонская сова!

Вральманъ. Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ (ударивъ по плечу). Филинъ проклятый,
что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральманъ (тихо). Пропалъ я (вслухъ). Што фи
истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ъешь и дру-
гимъ ничего дѣлать не даешь; да ты-жъ еще и
рожи не уставишь.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гор-
дыню, нечестивый!

Вральманъ (оправляясь отъ робости). Какъ фы тер-
саете нефѣшничать передъ ушоной персоной? Я
някрауль сакричу.

Цыфиркинъ. А мы те и честь отдадимъ, я
доскою...

Кутейкинъ. А я Часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фасъ пожалуюсь.
(Цыфиркинъ замахиваясь доскою, а Кутейкинъ Часословомъ).

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу на-пятеро.
 Кутейкинъ. Зубы грѣшника сокрушу. | Вмѣстѣ.
 (Вральманъ бѣжитъ).
 Цыфиркинъ. Ага! подняль трусь ноги! |
 Кутейкинъ. Направи стопы свои, окаянныи!
 Вральманъ (въ дверяхъ). Што фсяли, пестія? Сю-
 та сунтесь.
 Цыфиркинъ. Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.
 Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.
 Кутейкинъ. Засѣль пребеззаконный! Много-ль
 тамъ васъ, басурмановъ-то? Всѣхъ высылай.
 Вральманъ. Съ атнимъ не слатили!
 Эхы! прать, фсяли! | Всѣ
 Цыфиркинъ. Одинъ десятерыхъ уберу. | вдругъ
 Кутейкинъ. Во утріе избію вся грѣш-
 ные земли. | кричать.

конецъ ТРЕТЬЯГО дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Софья (одна, глядя на часы). Дядюшка скоро долженъ выйти. Я (садясь), его здѣсь подожду (вынимаетъ книжку и прочитываетъ нѣсколько). Это правда. Какъ не быть, довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! (прочитавъ опять нѣсколько). Нельзя не любить правиль добрѣтели: они способны къ счастію (прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаешьъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. А ты уже здѣсь, другъ мой сердечный!

Софья. Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. Какую?

Софья. Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвиць.

Стародумъ. Фенелона, автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ первомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я бо-

юсь для васъ нынѣшихъ мудрецовъ. Мнѣ слу-
чилось читать изъ нихъ все то, что переведено
по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно
предразсудки, да воротять съ корня добродѣ-
тель. Сядемъ (Оба сѣли). Мое сердечное желаніе
видѣть тебя столько счастливою, сколько въ
свѣтѣ быть возможно.

Софья. Ваши наставленія, дядюшка, составлять
все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, ко-
торымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте
сердцемъ моимъ; оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. Мнѣ пріятно расположение души
твоей. Съ радостью подамъ мои совѣты. Слу-
шай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою
искренностію я говорить буду. Поближе (Софья
подвигаетъ стулъ свой).

Софья. Дядюшка, всякое слово ваше врѣзано
будетъ въ сердце мое.

Стародумъ (съ важнымъ чистосердечіемъ). Ты теперь
въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаж-
даться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ
хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты вхо-
дишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣ-
шить часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего ча-
ще первая встрѣча бываетъ: умы развращен-
ные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенные
въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй раз-
личить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ
дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за
твой разумъ и сердце.

Софья. Все мое стараніе употреблю заслужить
добroe мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ
избѣжать, чтобы тѣ, которые увидятъ, какъ
отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злоб-
иться? Не можно-ль, дядюшка, найти такое
средство, чтобы мнѣ никто на свѣтѣ зла не по-
желалъ?

Стародумъ. Дурное расположение людей, не-
достойныхъ почтенія, не должно быть огорчи-

тельно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣеть. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобы унизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытания, обольщаются дотого, чтобы полагать свое счастье не въ томъ, въ чёмъ надобно.

Софья. Возможно-ль, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкие люди, въ которыхъ дурное чувство рождается точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее. Добродѣтельный человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ. Они жалки, это правда; однако, для этого добродѣтельный человѣкъ не перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели-бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить!..

Софья. Да скажите-жъ мнѣ, пожалуйста, виноваты ли они? Всякий ли человѣкъ можетъ быть добродѣтенъ?

Стародумъ. Повѣрь мнѣ, всякий найдеть въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что-бъ совѣсть угрывала.

Софья. Кто-жъ остережетъ человѣка, кто не допустить до того, за что послѣ мучить его совѣсть?

Стародумъ. Кто остережетъ? Та же совѣсть.. Вѣдай, что совѣсть всегда, какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ.

Софья. Такъ поэтому надобно, чтобъ всякий порочный человѣкъ былъ дѣйствительно прозрѣнія достопнъ, когда дѣлается онъ дурно, зная,

что дѣлаеть. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурного тѣла.

Стародумъ. И надобно, чтобъ разумъ его быть не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чёмъ надобно.

Софья. Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чёмъ полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародумъ. Такъ, мой другъ! И согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой расчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣль, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣль, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются по его переднямъ, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ: богачъ мой тоже. По моему расчету, не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобы прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобы помочь тому, у кого нѣть нужнаго.

Софья. Какъ это справедливо! Какъ наружность насъ ослѣпляетъ? Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у двора ищетъ и значитъ...

Стародумъ. А того не знать, что у двора всякая тварь что нибудь да значить и чего нибудь да ищетъ; того не знать, что у двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣть, тутъ завидовать нечему: безъ знатныхъ дѣль знатное состояніе ничто.

Софья. Конечно, дядюшка. И такой знатный никого счастливымъ не дѣлаеть, кромѣ себя одного.

Стародумъ. Какъ! А развѣ тотъ счастливъ кто счастливъ одинъ? Знай, что какъ бы онъ

знатенъ ни былъ, душа его прямого удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобы ему одному было хорошо, который бы и достигъ уже до того, чтобы самому ему ничего желать не оставалось; вѣдь тогда вся душа его занялась бы однимъ чувствомъ, одной боязнью: рано или поздно сверзиться. Скажи-жъ, мой другъ, счастливъ ли тотъ, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это непонятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ-жъ умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ. Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну ему даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ — чудовище. Онъ неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много, и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого нибудь качества ума и не имѣть; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели недостаетъ въ немъ какого нибудь качества сердца: ему необходимо все имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

Софья. Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка, и его должностъ.

Стародумъ. Должность! А, мой другъ, какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его

понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ наскъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслить, ничего не чувствуетъ. Еслибы люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должностъ. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кемъ живемъ и отъ кого зависимъ. Еслибы такъ должностъ исполняли, какъ обѣ ней твердять: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было-бы совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было-бы такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ—подлецъ его ничего на свѣтѣ не знаю:

Софья. Возможно-ль такъ себя унизить?

Стародумъ. Другъ мой, что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждого свои должностія. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣеть никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видѣть въ мужѣ своего грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видѣть въ душѣ своей жены одну свое-нравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть

вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба они ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно-ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своеемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе рассточается; оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣеть ихъ обнять, едва смѣеть отдаваться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины беспокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣть? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа, и жены?

Софья. Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра!

Стародумъ. И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры, что человѣкъ не можетъ быть и развращенъ столько, чтобы могъ спокойно смотрѣть на то, что видимъ.

Софья. Боже мой! отчего такія страшныя несчастія.

Стародумъ. Оттого, мой другъ, что при нынѣшихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатень ли, богатъ ли женихъ; хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопроса нѣть. Никому и въ голову не входить, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина презентная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а

добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила-бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила: это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная—что почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобы мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ (съ нѣжнѣшою горячностью). И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависить твое счастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья. Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства (Бросаясь цѣловать его руки). Гдѣ она?..

Стародумъ (цѣля самъ ея руки). Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это придети къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтобы чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное счастье то, что ты у меня есть... Я знаю цѣну...

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ, КАМЕРДИНЕРЪ.

(Камердинеръ подаетъ письмо Стародуму).

Стародумъ. Откуда.

Камердинеръ. Изъ Москвы, съ нарочнымъ
(отходитъ).

Стародумъ (распечатавъ и смотря на подпись). Графъ Честанть. А! (Начиная читать, покызываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ). Софьюшка, очки мои на столѣ въ книгѣ.

Софья (отходя). Тотчасъ, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Стародумъ (одинъ). Онъ, конечно, пишеть ко мнѣ о томъ, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе? Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

ЯВЛЕНИЕ V.

СТАРОДУМЪ И СОФЬЯ.

Софья (подавая очки). Нашла, дядюшка.

Стародумъ (читасть). «Я теперь только узналь... ведеть въ Москву свою команду... онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно буду радъ, если онъ увидится съ вами... Возьмите труда узнать образъ мыслей его...» (Въ сторону). Конечно, безъ того ее не выдамъ... «Вы найдете... Вашъ истинный другъ...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежить. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ похвальныхъ свойствъ представленъ... Слова мои тебя смущаютъ! другъ мой сердечный; я это и давеча примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. Могу ли я имѣть на сердцѣ что нибудь отъ вѣсъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка, я чистосердечно скажу вамъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ПРАВДИНЪ И МИЛОНЪ.

Правдинъ. Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ (въ сторону). Милонъ!

Милонъ. Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего доброго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ. Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. Мнѣ очень пріятно быть знакомымъ съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о вѣсъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства...

Милонъ. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростигельное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодого человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтеть вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестры вашей... (Стародумъ оглядывается на Софью).

Софья (тихо Стародуму и въ большой робости). И матушка любила его какъ сына.

Стародумъ (Софье). Мнѣ это очень пріятно (Милону). Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ. Я дѣлалъ мою должностъ. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволяли мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. Какъ! будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. Я подвергалъ ее какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, которое солдату величь имѣть начальникъ, а офицеру честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣль я еще никакого случая: испытать же себя сердечно желаю.

Стародумъ. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?..

Милонъ. Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того, безъ всякаго сомнѣнія, и храбре сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе—онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоить, слѣдственно, не въ томъ, чтобы презирать жизнь свою: онъ ее никогда и не отваживается; онъ умѣеть ею жертвовать.

Стародумъ. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ начальникѣ: свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. Она добродѣтель; слѣдственно нѣть состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживается жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустранимостію человѣка государственного, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни

мщения, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ—герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлину вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ? Я понимаю неустранимость такъ...

Стародумъ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщенными.

Милонъ. Душа благородная... Нѣть, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣть. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависить сдѣлать его счастье. Ялагаю его въ томъ, чтобы имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Старобумъ (къ Софье, съ радостью). Какъ! Сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародумъ. Вы оба другъ друга достойны. (Въ восхищении соединяя ихъ руки). Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ (обнимая Стародума). Мое счастіе не сравненно!

Софья (цѣлуя руки Стародумовы). Кто можетъ быть счастливѣе меня?

Вмѣстѣ.

Правдинъ. Какъ искренно я радъ!

Стародумъ. Мое удовольствіе неизреченно.

Милонъ (цѣлуя руки Софьи). Вотъ минута нашего благополучія!

Софья. Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ И СКОТИНИНЪ.

Скотининъ. И я здѣсь.

Стародумъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ. За своей нуждой.

Стародумъ. А чѣмъ я могу служить?

Скотининъ. Двумя словами.

Стародумъ. Какими это?

Скотининъ. Обнявъ меня покрѣпче, скажи:
Софьюшка твоя.

Стародумъ. Не пустое-ль затѣвать изволишь?
Подумай-ка хорошенъко.

Скотининъ. Я никогда не думаю и напередъ
увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то
Софьюшка моя.

Стародумъ. Это странное дѣло! Человѣкъ ты,
какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобы я от-
далъ мою племянницу за кого не знаю.

Скотининъ. Не знаешь, такъ скажу. Я Тарасъ
Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ
Скотининыхъ великий и старинный. Пращура
нашего ни въ какой герольди не отыщешь.

Правдинъ (смѣючись). Эдакъ вы нась увѣрите,
что онъ старѣе Адама.

Скотининъ. А что ты думаешь? Хоть немно-
гимъ...

Стародумъ (смѣючись). То есть, пращуръ твой
созданъ хоть въ шестой же день, да немного
попрежде Адама.

Скотининъ. Нѣты! право? Такъ вы доброго
мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ. О! такого-то доброго, что я удивляюсь,
какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать
жену изъ другого рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ. Разсуди же, какое счастье
Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка.

Стародумъ. Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ. Уже я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночки; для меня все равно.

Стародумъ. Да ~~для~~ нея не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ. Такое неравенство сдѣлало-бъ несчастье вамъ обоимъ.

Скотининъ. Ба! Да этотъ что тутъ равняется (тихо Стародуму). А! не отбиваешь ли?

Стародумъ (тихо Скотинину). Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ (тѣмъ же тономъ). Да гдѣ къ чорту!

Стародумъ (тѣмъ же тономъ). Тяжело.

Скотининъ (громко указывая на Милона). Кто-жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха-ха-ха-ха!

Стародумъ (смѣяся). Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. Дядюшка, какъ мнѣ мило, что вы веселы.

Скотининъ (Стародуму). Ба! Да ты весельчакъ. Давеча я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣть. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ. Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ. Это и видно. Вѣдь давеча былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. Была причина.

Скотининъ. Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ,—досада и возьметъ. И ты, не въ пронось слово, заѣхавъ сюда, нашель сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ,—тебѣ и досадно.

Стародумъ. Ты меня счастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ. А меня такъ свиныи.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТЪ ЖЕ, Г-ЖА ПРОСТАКОВА, ПРОСТАКОВЪ, МИТРОФАНЪ и ЕРЕМѢЕВНА.

Г-жа Простакова (входя). Все-ль съ тобою, другъ мой!

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова (Стародуму). Хорошо ли отдохнуть изволишь, батюшка? Мы все въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобы тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, ань ужъ ты давно и сюда выйти изволишь. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели-бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своею (Стародуму). Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою (Мужу и сыну). Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться (Всѣ садятся кромѣ Митрофана и Еремѣевны). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ-бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволиши его видѣть. Не угодно-ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотреть какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволишь. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася

у Цыфиркина (Къ Правдину). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-то его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, }
батюшка. } Вмѣстѣ.

Простаковъ. Всему, мой отецъ.

Митрофанъ. Всему, чему изволишь.

Правдинъ (Митрофанду). Чему-жъ бы, напримѣръ.

Митрофанъ (подаетъ ему книгу). Вотъ, грамматикъ.

Правдинъ (взявъ книгу). Вижу. Это грамматика. Что-жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительна да прилагательна...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? которая дверь?

Правдинъ. Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? прилагательна.

Правдинъ. Почему-жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоять еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, поэтому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меныше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще съизмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не рассказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придется противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (Митрофану). А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учить васъ Вральманъ.

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣть, нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ рассказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географії?

Г-жа Простакова (сыну). Слышишь, другъ мой сердечный. Это что за наука.

Митрофанъ (тихо матери). А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова (тихо Митрофанду). Не упрямься, душенька, теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (тихо матери). Да я не возьму въ толкъ, о чёмъ спрашиваются.

Г-жа Простакова (Правдину). Какъ, батюшка, назваль ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (Митрофанду). Слышишь, еоргографія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! Пристали съ ножомъ къ горлу.

Г-жа Простакова (Правдину). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая это наука-то, онъ ее и расскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова (Стародуму). А къ чему бы это служило на первый случай.

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели-бъ случилось ъхать, такъ знаешь, куда ъдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извоз-

чики-то на что-жъ? Это ихъ дѣло. Это-таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда—свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живуть и жили. Покойникъ батюшка воеводою быль пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундуке. Послѣ всякаго сундука отворить и что нибудь положитъ. То-то экономъ быль! жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалиюсь, отъ васъ не потаю! покойникъ-свѣтъ, лежа на сундуку съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалеленча. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ. Что-жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльнай въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки; забыть наклониться—какъ хватить себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничъ. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ та-

кого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, пропривясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (Милону). Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколовы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ kraю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажеть быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васть знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякий того и смотритъ, что на покой (Правдину). Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видала, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ!

Правдинъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! (Вставал). Я прошу извинить меня, что васъ оставилъ. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія нибудь повелѣнія отъ намѣстника.

Стародумъ (встаетъ и всѣ встаютъ). Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ. Я еще увижуясь съ вами. Вы завтра ѿдете по утру?

Стародумъ. Часовъ въ семь (Правдинъ отходитъ).

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду сдѣлать къ тому распоряженіе (Милонъ отходить, прощаясь съ Софьею взорами).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, МИТРОФАНЪ, ПРОСТАКОВЪ, ЕРЕМЬЕВНА,
СТАРОДУМЪ и СОФЬЯ.

Г-жа Простакова (Стародуму). Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка?

Скотининъ. Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я?

Стародумъ. Узналъ обоихъ, нельзя короче.

Скотининъ. Быть ли же за мною Софьюшкъ?

Стародумъ. Не бывать.

Г-жа Простакова. Женихъ ли ей Митрофаниушка?

Стародумъ. Не женихъ.

Г-жа Простакова. А что-бъ помѣшало? }
Скотининъ. Зачѣмъ дѣло стало? } Вмѣстѣ.

Стародумъ (сводя обоихъ). Вамъ однимъ за скрѣть сказать можно: она сговорена (Отходить и даетъ знакъ Софью, чтобы шла за нимъ).

Г-жа Простакова. Ахъ, злодѣй!

Скотининъ. Да онъ рехнулся.

Г-жа Простакова (съ нетерпѣніемъ). Когда они выѣдутъ?

Скотининъ. Вѣдь ты слышала, по утру въ семь часовъ.

Г-жа Простакова. Въ семь часовъ.

Скотининъ. Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволить, а и съ Скотининымъ развязется не скоро (Отходить).

Г-жа Простакова (бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ). Въ семь часовъ!.. Мы встанемъ поранѣ... Что захотѣла, поставлю на свое... Всѣ ко мнѣ (Всѣ подбѣгаютъ).

Г-жа Простакова (къ мужу). Завтра въ шесть часовъ, чтобы карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ. Слышу, мать моя.

Г-жа Простакова (къ Еремѣевнѣ). Ты во всю ночь

не смѣй вздремать у Софынныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремьевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова (сыну). Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ и поставь троихъ слугъ въ Софыной передспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу.

Митрофанъ. Все будетъ сдѣлано.

Г-жа Простакова. Подите съ Богомъ (Всѣ отходить). А я ужъ знаю, что дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Старикъ погибаетъ, да простить и за неволею. А мы свое возьмемъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

СТАРОДУМЪ и ПРАВДИНЪ.

Правдинъ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка меня увѣдо мила.

Стародумъ. И такъ, ты имѣешь теперь спо собы прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Правдинъ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣче ство найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслить, гдѣ знаетъ онъ, въ чёмъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгоды въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подоб ныхъ беззаконио.

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами: да, какъ мудрено истреблять закоренѣлые предраз судки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится воззвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать...

Стародумъ. А! Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобы стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И, во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеми́нутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Правдинъ. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что такое льстецъ.

Стародумъ. Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣть. Все его стремленіе къ тому, чтобы сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него, что ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погасить, а потомъ красть станеть.

Правдинъ. Несчастіемъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того,

чѣмъ вознаграждается заслуга; что люди выбираются для мѣсть, а не мѣста похищаются людьми—тогда всякий найдеть свою выгоду быть благонравнымъ, и всякий хорошъ будетъ.

Правдинъ. Справедливо. Великій государь даетъ...

Стародумъ. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволить; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатка, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи.

Стародумъ. Оно и должно быть залогомъ благо-состоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастные слѣдствія дурного воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщають дѣтей своихъ.

Стародумъ. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобы при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Проклятие возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣть бы, напримѣръ, чтобы при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякий день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великие люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

Стародумъ. Что такое сдѣлалось?

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ, МИЛОНЪ, СОФЬЯ, ЕРЕМѢЕВНА.

Милонъ (отталкивая оть Софы Еремѣевну, которая за неё было упѣпилась, кричать къ людямъ, имѣя въ руки обнаженную шпагу). Не смѣй никто подойти ко мнѣ.

Софья (бросаясь къ Стародуму). Ахъ, дядюшка, защищи меня!

Стародумъ. Другъ мой, что такое?

Правдинъ. Какое злодѣяніе?

Софья. Сердце мое трепещетъ!

Еремѣевна. Пропала моя головушка!

Милонъ. Злодѣи! идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, не смотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья. Вотъ мой избавитель!

Стародумъ. Другъ мой!

Правдинъ (Еремѣевнѣ). Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ со злодѣйкой...

Еремѣевна. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться.

Г-жа Простакова (за кулисами). Плути! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ, Г-ЖА ПРОСТАКОВА, ПРОСТАКОВЪ И МИТРОФАНЪ.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа въ домѣ! (Указывая на Милона). Чужой погрозитъ—приказъ мой ни во что!

Простаковъ. Я ли виноватъ?

Митрофанъ. За людей приниматься!

Г-жа Простакова. Жива быть не хочу!

} Вмѣстѣ.

Правдинъ. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ, какъ жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!

Простаковъ. Хороши мы!

Митрофанъ. Все къ чорту!

} Вмѣстѣ.

Правдинъ. Требовать отъ правительства, чтобы сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее передъ судъ какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова (бросаясь на колѣни). Батюшки! виновата!

Правдинъ. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи...

Простаковъ. Безъ вины виновать.

} Вмѣстѣ, бросаясь на колѣни.

Митрофанъ. Виновать дядюшка!

Г-жа Простакова. Ахъ, я собачья дочь, что я надѣлала!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ ЖЕ И СКОТИНИНЪ.

Скотининъ. Ну, сестра, хорошо было шутку... Бал что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Простакова (стоя на колѣняхъ). Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечь не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не губите меня (Къ Софье). Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною (указывая на мужа и сына) и надѣйдьными сиротами!

Скотининъ. Сестра! о своемъ ли ты умѣй?

Правдинъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа Простакова. Богъ дастъ тебѣ благополучія съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья (Стародуму). Дядюшка, я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа Простакова (поднявъ руки къ Стародуму). Ба-

тюпка! прости и ты меня, грѣшную! вѣдь я че-
ловѣкъ, не ангель.

Стародумъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя
быть ангеломъ, да не надобно быть и чортомъ.

Милонъ. И преступленіе, и раскаяніе въ ней
презрѣнія достойны.

Правдинъ (Стародуму). Ваша малѣйшая жало-
ба, ваше одно слово предъ правительствомъ и
ужъ спасти ее нельзя.

Стародумъ. Не хочу ничьей погибели. Я ее
прощаю (Всѣ вскочили съ колѣнъ).

Г-жа Простакова. Прости! Ахъ, батюшка!..
Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ
людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу по одиноч-
кѣ! теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее вы-
пустилъ! Нѣть, мошенники! Нѣть! воры! Вѣкъ
не прощу этой насыпки.

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать лю-
дей вашихъ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка! это что за
вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ лю-
дяхъ?

Правдинъ. А вы считаете себя въ правѣ драго-
ся тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ по-
колотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ. Когда захочетъ! Да что за охота?
Прямой ты Скотининъ! (Г-жѣ Простаковой). Нѣть, су-
дарыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Простакова. Не воленъ! Дворянинъ, ког-
да захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на
что-жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дво-
рянства?

Стародумъ. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насыпаться; а
я теперь же всѣхъ съ головы на голову... (Поры-
вается идти).

Правдинъ (останавливаетъ ее). Поостановитесь, су-
дарыня (Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову)

Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчие жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабоуміе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Какъ! новая бѣда! За что? за что, батюшка? что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ (Простакову). Подите.

Простаковъ (отходить, всплеснувъ руками). Отъ кого это, матушка!

Г-жа Простакова (тоскуя). О, горе взяло! О, грустно!

Скотининъ (Въ сторону). Бал ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да этакъ и всякий Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по-добру, по-здраву.

Правдинъ (Скотинину). А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скотининъ. Государь ты мой милостивый! да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ (Стародуму). Я шель было къ тебѣ добиться толку... Женихъ...

Стародумъ (указывая на Митона). Вотъ онъ.

Скотининъ. Ага! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кипитку впречь, да и...

Правдинъ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чemu они подвержены.

Скотининъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобы они людей...

Правдинъ. Побольше любили, или-бъ, по крайней мѣрѣ...

Скотининъ. Ну...

Правдинъ. Хоть не трогали.

Скотининъ (отходя). Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V.

**Г-ЖА ПРОСТАКОВА, СТАРОДУМЪ, ПРАВДИНЪ, МИТРОФАНЪ,
СОФЬЯ, ЕРЕМЬЕВНА.**

Г-жа Простакова (Правдину). Батюшка, не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно-ль, какъ нибудь указъ отмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мнѣ срока хоть на три дни (въ сторону). Я дала бы себя знать...

Правдинъ. Ни на три часа.

Стародумъ. Да, другъ мой, она въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. Да, какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?..

Правдинъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ, а...

Г-жа Простакова. А съ долгами-то раздѣлаться?.. Не доплачено учителямъ?..

Правдинъ. Учителямъ? (Еремьевнѣ). Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремьевна. Чай, что прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?

Правдинъ. Всѣхъ позови (Еремьевна отходитъ).

Правдинъ. Не заботься ни о чѣмъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ (видя въ тоскѣ г-жу Простакову). Сударыня, ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣть?

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢЖЕ, ЕРЕМѢЕВНА, ВРАЛЬМАНЪ, КУТЕЙКИНЪ И ЦЫФИРКИНЪ.

Еремьевна (введя учителей къ Правдину). Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ (Правдину). Фаше фыско-и-плахоротie, изфолили къ сепѣ просить?

Кутейкинъ (Правдину). Званъ быль и придохъ.

Цыфиркинъ (Правдину). Что приказу будетъ, ваше благородie?

Стародумъ (съ прихода Вральмана въ него взглядывается). Ба! Это ты, Вральманъ?

Вральманъ (узнавъ Стародума). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостивый господинъ (Цѣлую полу Стародумову). Старофенька ли, мой отесъ, пошивать исфолишь?

Правдинъ. Какъ! онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ. Какъ не знакомъ: онъ три года быль у меня кучеромъ (Всѣ показываютъ удивленіе).

Правдинъ. Изрядный учитель!

Стародумъ. А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое дѣло не возмешься.

Вральманъ. Та что тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтній. Три мѣсеса фъ Москѣ шатался пезъ мѣсть, кушерь нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голотъ мереть, липо ушитель...

Правдинъ (къ учителямъ). По волѣ правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ. Лучше не надо!

Кутейкинъ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ. А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простой, что сюда пребредешь, бывало, по пустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ. Не мѣшайтесь, сударыня, я васъ прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду: чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ. Это его дѣло, не мое.

Правдинъ (Кутейкину). Хорошо, хорошо (Цыфиркину). Тебѣ много-ль заплатить?

Цыфиркинъ. Мнѣ? ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ. Такъ: на тѣ десять рублей я износиль сапоговъ въ два года,—мы и квиты.

Правдинъ. А за ученье?

Цыфиркинъ. Ничего.

Стародумъ. Какъ ничего?

Цыфиркинъ. Не возьму ничего: онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. Не за что. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ; по-пустому не биралъ и не возьму.

Стародумъ. Вотъ прямо добрый человѣкъ (Стародумъ и Милонъ вмѣняютъ изъ кошельковъ деньги).

Правдинъ. Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ!

Кутейкинъ (потупя голову). Посрамихся, окаянный.

Стародумъ (Цыфиркину). Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. Спасибо, ваше высокородіе, бла-

годаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ, не за-
служа, вѣкъ не потребую.

Милонъ (давая ему деньги). Вотъ еще тебѣ, другъ
мой.

Цифиркинъ. И еще спасибо (Правдинъ даетъ также
ему деньги).

Цифиркинъ. Да за что, ваше благородіе, жа-
луете?

Правдинъ. За то, что ты не походишь на Кут-
тейкина.

Цифиркинъ. И! ваше благородіе. Я солдатъ.

Правдинъ (*Цифиркину*). Пойди-жъ, мой другъ, съ
Богомъ (*Цифиркинъ* отходитъ).

Правдинъ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сю-
да завтра, да потрудись разсчеститься съ самою
госпожою.

Кутейкинъ (выбѣгая). Съ самою! Отъ всего от-
ступаюсь.

Вральманъ (*Стародуму*). Старофа слуха не остаф-
те, фаше фысокородіе. Фосмите меня опять къ
сепѣ.

Стародумъ. Да ты, Вральманъ, я чаю, отстать
и отъ лошадей?

Вральманъ. Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ
стѣшнимъ хосподамъ, касалось мнѣ, што я фсе
съ лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ И КАМЕРДИНЕРЪ.

Камердинеръ (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральманъ. Прикашишь мнѣ дофести сепя.

Стародумъ. Поди садись на козлы (*Вральманъ*
отходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА, СТАРОДУМЪ, МИЛОНЪ, СОФЬЯ, ПРАВДИНЪ,
МИТРОФАНЪ, ЕРЕМѢЕВНА.

Стародумъ (*Правдину*, держа руки Софьи и Милона). Ну,
мой другъ, мы Ѳдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. Всего счастья, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Г-жа Простакова (бросаясь обнимать сына). Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка...

Митрофанъ. Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! и ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (Упала въ обморокъ).

Софья (подбѣжавъ къ ней). Боже мой! она безъ памяти.

Стародумъ (Софѣ). Помоги ей, помоги (Софья и Еремѣевна помогаютъ).

Правдинъ (Митрофану). Негодница! тебѣ ли гробить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофанъ. Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ. Грубіянъ.

Стародумъ (Еремѣевнѣ). Что она теперь? Что?..

Еремѣевна (Посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову и всплеснувъ рукаму). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ (Митрофану). Съ тобой, дружокъ, знаю что дѣлать. Пошелъ-ка служить...

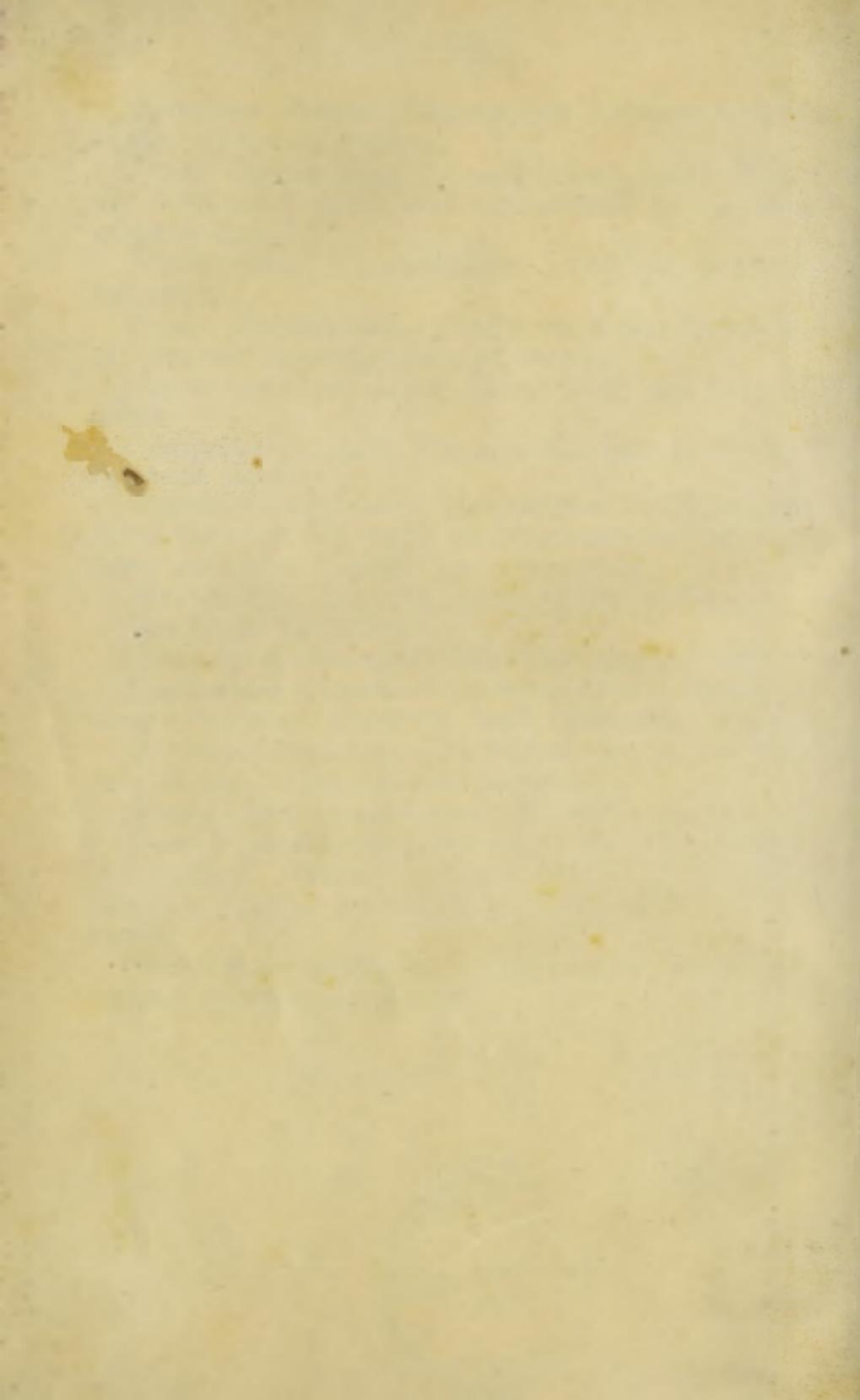
Митрофанъ (Махнувъ рукой). По мнѣ куда велѣть.

Г-жа Простакова (очнувшись въ отчаяніи). Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власъ! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ (указавъ на г-жу Простакову). Вотъ злонравія достойные плоды!







936

42,-

WYZSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH

BIBLIOTEKA

090903

Biblioteka WSP Kielce



0167457